

Андрей Рулин

19 августа

книга-игра

Версия текста: 2

КвестБук: книги-игры и сторигеймы

<https://quest-book.ru>

Лист персонажа

Начальные значения параметров:

Служебная

- ☐ Уехал в НИИ
- ☐ Задание от райкома
- ☐ Дружинник
- ☐ Митинг у белого дома
- ☐ Митинг на красной площади
- ☐ Митинг у моссоведа
- ☐ Член бюро горкома
- ☐ Карта диггеров

Технические

A: ____

Сила митинга

Ельцин: ____

ГКЧП: ____

Дата

1991: 08: ____

1

Стоило перейти на другую сторону, и портал стал издавать высокий и монотонный звук. Вы осмотрелись. Вокруг – стены из обветшалых бетонных колец. В свете тусклой лампочки, можно разглядеть ручеек тёмной воды у ног. Воздух пропитан ржавчиной и сырой землёй.

Вы поеживаетесь от нахлынувших воспоминаний о коллекторе в Нью-Гамбурге. Опять встречаться с «вампирами» оттуда, ох как не хотелось. Как и в принципе возвращаться в Мир Корпораций. Да, там были свои плюсы: после терапии «Bionicle Laboratories» вы почти не старели, свободно говорили на шести языках, и до сих пор сохранили пару гаджетов оттуда. Но цена... Манипуляции памятью, тотальный контроль и прочие тамошние «прелести» перевешивали все технологические чудеса. Дальше, конечно, было тоже непросто, но хотя бы была уверенность, что ваши воспоминания действительно реальны.

Как бы то ни было, если вы опять попали туда же, то лучше узнать об это раньше, чем позже. Что будете делать?

- ☐ **Пойти по течению грязного ручейка — (165)**
- ☐ **Пойти против течения — (73)**
- ☐ **Получше осмотреться — (150)**

2

Метров через пятьдесят в стене справа показалась дверь – железная, массивная, с круглой ручкой и табличкой, на которой был написан номер 060. Из-под двери пробивался свет.

Поляков остановился и перевёл дыхание.

– Очередная, – сказал он. – Ну что, будем проверять?

- ☐ **Войти в дверь — (158)**
- ☐ **Идти дальше по коридору — (141)**

3

– За мной! – крикнули вы, и ваш голос, сорванный, хриплый, но всё ещё громкий, был услышан многими. Люди бросились вперёд, как будто только и ждали лидера, который их поведёт. Впереди, освещённые жёлтым лучами солнца, метались спины убегающих. Их было ещё много, но теперь они были не страшны.

Если в наличии 15000 «Сила митинга/ГКЧП»: Вы бежали и вдруг услышали сзади тяжёлый, нарастающий гул моторов. Бронемашин медленно, почти нехотя, начали двигаться вслед за людьми. Вы, казалось, прямо сквозь броню чувствовали, как солдатам не хочется ввязываться во всё это, как для них ещё непривычна мысль, что они защищают не просто ГКЧП, но и реальных простых людей, которые за ними стоят. Но главное, что такая мысль у них возникла и они поехали вперёд.

Однако радоваться было рано. Впереди, ближе к Белому дому, убегающие начали останавливаться. Они оглядывались, перестраивались, что-то кричали друг другу.

Что делать? Бежать дальше, не давая опомниться? Или подождать бронетехнику, чтобы наступать под её прикрытием?

- ☐ Если отсутствует 15000 «Сила митинга/ГКЧП»: **Далее...** — (99)
- ☐ Если в наличии 15000 «Сила митинга/ГКЧП»: **Побежите дальше** — (99)
- ☐ Если в наличии 15000 «Сила митинга/ГКЧП»: **Подождёте технику** — (55)

– Вы же известные учёные, – говорите вы Громову. – Вот и надо действовать через академию наук. Это сотни институтов, тысячи научных работников. Если хотя бы часть из них за ГКЧП, мы вместе сможем сделать что-то получше, чем стоять с листовками!

– А вы, молодой человек, напористы, – через некоторое время отвечает он. – Это хорошо. И мыслите системно. Думаю, нам так и надо действовать.

Вскоре он, и ещё несколько известных физиков уже звонят по телефону в Академию наук. Увы, но там ничем особо порадовать не могут. За ГКЧП мало кто высказывается открыто, все занимают выжидательную позицию, а большинство молодых и вовсе против. Правда, небольшую группу собрал приехавший несколько дней назад из Новосибирска академик Коптюг. Возможно, есть и ещё какие «кружки», но Громов и другие физики не могут установить с ними связи.

В итоге Громов решает ехать в Академию наук сам и берёт в числе помощников и вас, как молодого и активного. По приезду в «кружке» Коптюга оказывается ещё больший разброд и шатание, чем в вашей физической лаборатории. Но всё же, среди гула мнений и идей, имеются и кое-какие рациональные предложения.

Учёные могли предложить ГКЧП свои возможности, свои архивы, своих специалистов. В условиях нестабильности любая информация, любой анализ становился оружием. Если Академия предложит создать оперативный штаб по анализу ситуации – это будет серьёзная помощь.

С другой стороны, можно просто выступить в прессе. Группа уважаемых академиков, подписавшаяся под обращением в поддержку ГКЧП, – это весомый аргумент для тех, кто ещё сомневается.

Третья группа предлагает не спешить. В Москве много сторонников «демократов». А вот в регионах много здоровых элементов. Если удастся подключить сибирских, уральских, дальневосточных учёных, тогда можно будет говорить, что почти весь научный мир поддерживает ГКЧП.

Громов сомневается. Похоже, у вас есть большие шансы убедить его поддержать определённую группу.

- ☐ Оперативный штаб — (14)
- ☐ Выступить в прессе — (193)
- ☐ Подключить регионы — (154)

5

Дверь, которую вы открыли, вела в кабинет, разительно отличавшийся от всего, что вы видели в этом здании. Здесь не пахло пылью и старыми бумагами. Здесь пахло духами – сладкими, приторными, с ноткой ванили и ещё чем-то неуловимым, напоминавшим о другом мире, о другой жизни, о тех временах, когда слова «импортный» и «дефицитный» были синонимами слова «хороший».

На одной из стен висел большой плакат Юрия Шатунова – солиста «Ласкового мая», с пышной причёской и томным взглядом. Рядом с ним висел плакат с изображением не менее обаятельной футбольной звезды, Диего Марадоны. Интересно, почему такое разрешил помещать большой начальник, чьё имя было на табличке. Возможно, он сейчас был в отпуске или же у него была сильная близорукость.

За столом, обитым светлым дерматином, сидела девушка. Лет двадцати пяти, блондинка, с волосами, выбеленными перекисью до неестественного, почти платинового оттенка. Ресницы у неё были длинными, густыми, явно накладными – такими, какие в вашем мире называли «веерными». Они делали её взгляд одновременно кукольным и хищным.

Перед ней стоял новомодный компьютер IBM PC AT, благодаря знаниям о которых вы и приобрели хорошую репутацию в НИИ. Над компьютером явно поколдовал ваш коллега, так как он прямо сейчас в комнате раздавался дикий скрежет матричного принтера Epson, печатающего документы. И одновременно девушка увлечённо рубилась в недавно появившуюся игру «TETCOLOR».

Вы мудро решили дождаться, пока она доиграет игру, а потом уже и заговорить. А тем временем стали обдумывать план, как лучше это сделать. Можно было, конечно, спросить, где ксерокс, напрямую. Но можно было и схитрить, сказать, какая она красавица, а потом уже о ксероксе спросить. Можно было придумать «хитроплан» и позанимательнее, например сказать, что ГКЧП выдаёт талоны, и вам надо отксерить объявление об этом.

- ☐ **Спросить прямо — (200)**
- ☐ **Сделать комплимент — (134)**
- ☐ **Сказать про талоны — (139)**

6

Вы вырубаете телевизор, решив, что традиции надо соблюдать. И возвращаетесь с кофе в свою комнату. Там включаете радио. Звучит траурная музыка. Через несколько минут слышится очередное завывание про «заявление Президента СССР». Может, ладно, хрен с ними, пусть уж говорят? Вдруг, это интересно? С другой стороны, за этим месяцы официальные речи порядком поднадоели.

- ☐ **Послушать — (156)**
- ☐ **Выключить и радио — (81)**

7

Охранник показывает на молодого человека, стоящего около проходной. Вы объясняете ему то же самое. Тот делает понимающий вид и куда-то звонит. Через некоторое время к вам выходит один из редакторов закрытой газеты, и вы проходите к нему в кабинет.

☐ Далее... — (142)

8

– Извините, пожалуйста, – сказали вы, стараясь, чтобы голос звучал как можно более непринуждённо. – Как пройти в наборный цех?

Милиционер медленно поднял бровь. Его маленькие, глубоко посаженные глаза, казалось, стали ещё меньше и ещё холоднее.

– Пропуск, – односложно сказал он.

Вы поняли, что ответили неправильно. Старший лейтенант не собирался вникать в обстоятельства, не собирался слушать объяснения и теперь ваш путь лежит только на улицу.

Можно, конечно, смириться. Признать поражение, извиниться и уйти. Но настоящие герои в такой ситуации пошли бы на подвиг. Например, скрутили бы милиционера и прорвались в наборный цех. Можно было попытаться «разагитировать». Воззвать к классовой сознательности, рассказать о ГКЧП, о митинге, о спасении страны. В милицию же берут не абы кого, есть вероятность, что он поддержит вас. Можно было его подкупить. Деньги у вас были. Немного, но, может быть, хватит.

☐ Смиритесь — (18)

☐ Нападёте — (74)

☐ Попытаетесь «разагитировать» — (135)

☐ Подкупите — (162)

К семи часам вечера площадь перед заводом «Радиоприбор» начала заполняться людьми. Напротив проходной завода стоял старенький «Элли», из кузова которого выгружали звуковую аппаратуру: колонки в потёртых деревянных коробах, микрофон на изогнутой стойке, катушечный магнитофон, который, наверное, помнил ещё фестиваль молодёжи и студентов.

Вы встали рядом с импровизированным штабом – тремя складными стульями и столиком, на котором лежали оставшиеся листовки, – готовый по первому слову выполнить любое поручение.

Оглядели толпу. Много пожилых, много женщин. Но были и молодые – студенты, инженеры, люди в джинсах и куртках, которых вы привыкли видеть в очередях за импортной одеждой.

Юрий Поляков поднялся на трибуну. Секретарь райкома что-то шепнул ему на ухо, пожал руку и отошёл в сторону.

– Товарищи! – голос Полякова был твёрже, чем вы ожидали. – В критическом положении сегодня находится наша страна!

Он начал рассказывать о том, что происходит. О Горбачёве, «отдыхающем» в Форосе. О том, что страна скатывается в пропасть. О том, что ГКЧП взял на себя ответственность, чтобы не допустить развала Союза, гражданской войны, голода.

Вы слушали, но больше смотрели на толпу. Первые минуты всё шло хорошо. Значительная часть собравшихся – пожилые люди, женщины с хозяйственными сумками, несколько мужчин в выцветших пиджаках, слушали с сочувствием. Они кивали, кто-то вытирал глаза. Слова Полякова падали на подготовленную почву – людей, которые боялись перемен, которые помнили другую страну, которая, как им казалось, была лучше.

– Мы не допустим, чтобы Союз разорвали на части! – голос Полякова набирал силу. – Мы не допустим, чтобы наша армия, наша наука, наша промышленность были уничтожены!

Из толпы раздались аплодисменты. Немногочисленные, но искренние.

Но вы видели и другое. С другой стороны площади стояла группа молодых людей. Человек двадцать – тридцать. Они держались плотно, переговаривались, поглядывали на трибуну с нарастающим раздражением. На одежде некоторых виднелись значки с портретом Горбачёва – те самые, что вы видели в автобусе утром.

Вы похолодели. Краткость листовок сыграла злую шутку. Кто-то, получив призыв «прийти на митинг», решил, что это митинг против ГКЧП. Кто-то – что это вообще митинг в защиту Горбачёва. И теперь, стоя здесь, слушая здравницы в адрес ГКЧП, они чувствовали себя обманутыми.

– Враньё! – раздалось из толпы. Крик тут же подхватили одобрительным свистом.

Вы понимаете, что надо что-то делать.

Если отсутствует «Служебная/Дружинник»: Можно подождать, что будет дальше – всё-таки «демократов» меньшинство, авось и сами разойдутся? Или всё-таки надо взять ситуацию в свои руки и призвать смутьянов покинуть митинг?

Если отмечено «Служебная/Дружинник»: Но это понимают и в штабе, и дружинники тут же получают команду пройтись по рядам «демократов», чтобы разъяснить, что они не туда пришли.

○ Если отсутствует «Служебная/Дружинник»: Подождёте, что будет дальше — (116)

○ Если отсутствует «Служебная/Дружинник»: Обратитесь к «демократам» — (173)

○ Если отмечено «Служебная/Дружинник»: Далее... — (189)

10

Вы объяснили свой план быстро и шёпотом, чтобы не слышали солдаты. Через «перебежчика», молодого парня из партшколы, который умел убедительно врать, вы решили передать сторонникам Белого дома, что колонна развернулась, войска почти ушли, на площади осталась только горстка сторонников ГКЧП.

– Скажешь им, – инструктировали вы, – что сейчас самый момент. Можно без труда разогнать этих «коммуняк», пока они не очухались.

Парень кивнул, исчез в темноте. Вскоре он вернулся, запыхавшийся, но довольный.

– Ключули, – сказал он. – Идут.

И они действительно пошли.

Сначала – редкие цепочки, потом – толпа. Та самая, что ещё вчера казалась разбитой. Они шли с палками, бутылками, кусками арматуры, скандируя:

– Свободу!

– Долой ГКЧП!

– Бей их!

Ваши же в это время кричали лозунги вслед за Поляковым, поэтому почти никто не услышал, как «демократы» подходят к баррикаде.

Толпа, разгорячённая лёгкой победой, обогнула броневики и перевалила через пустые укрепления. Не успев затормозить, они налетели на солдат и митингующих. Началась потасовка.

Вскоре командиры поняли, что в машинах перед баррикадами почти никого не было, потому что все слушали Полякова. Теперь отступить было нельзя, и надо было прикрывать военное имущество.

Через полчаса сторонники Белого дома начали отступать – комсомолец привёл с собой далеко не всех, а в основном только «новеньких». К вам же постепенно стали подходить новые гражданские, из тех, кто приходил ещё вчера и тех, кого привлекли райкомы и СМИ.

Но приказа штурмовать Белый дом всё не было. А к сторонникам Верховного Совета по-прежнему подтягивались люди, и по-прежнему больше, чем к вам.

Надо было определяться с дальнейшей тактикой: либо связываться с генералами, просить, чтобы армия наконец действовала. Либо выходить в эфир, звать новых людей

 «ГКЧП» = 10000, «Ельцин» = 60000

☐ Связаться с генералами — (97)

☐ Запросить доступ в эфир — (159)

11

К семи часам вечера площадь перед зданием Моссовета на улице Горького заполнилась людьми. В основном пришли пожилые мужчины и женщины, но было немного и молодых комсомольцев.

Поляков поднялся на трибуну. На этот раз это был не просто грузовик, а хорошее и серьёзное место для выступлений.

– Товарищи! – начал он, и в голосе его слышалась та особая, надрывная нотка, которая заставляет людей слушать. – Сегодня мы пришли сюда, чтобы сказать: хватит! Моссовет, который

называет себя народным, работает против народа! Он поддерживает тех, кто хочет развалить страну! Он призывает к забастовкам, к неповиновению, к хаосу!

Толпа загудела одобрительно.

– Мы не допустим этого! – продолжал Поляков. – Мы требуем, чтобы Моссовет прекратил антигосударственную деятельность! Мы требуем, чтобы депутаты вышли к нам и ответили за свои слова!

– Правильно! – закричали из задних рядов.

– Пусть выходят!

Вы стояли у трибуны, сжимая в руке свёрнутые листовки, и чувствовали, как напряжение растёт с каждой минутой. Люди, ещё недавно спокойные, теперь сжимали кулаки, выкрикивали лозунги, напирали на милицейское оцепление, которое держалось кое-как.

Здание Моссовета молчало. Окна – зашторены, двери – заперты.

– Им есть чего бояться! – крикнул кто-то.

– Вылезайте, трусы!

И тогда дверь открылась.

Из здания, шурясь от яркого света, вышел невысокий человек в сером костюме. Вы узнали его лицо – бледное, с лысиной, с крупными усами и бородкой под ними. Не раз оно мелькало на московской программе, в «Вечерней Москве», в листовках, которые расклеивали сторонники Ельцина. Это был депутат Моссовета Валерий Борщёв.

Товарищи! – заговорил он, и его голос, непривычно тонкий для такого крупного человека, дрожал. – Я понимаю ваши чувства. Но давайте разберёмся спокойно. Насилие не приведёт ни к чему хорошему. Мы все хотим демократии, свободы...

– Врёшь! – закричали из толпы.

– Демократию вы нам уже показали!

– Зачем вы слушаетесь Ельцина? Он же страну губит!

Борщёв попытался продолжить, но его перекрыл свист. Свистели женщины, свистели мужчины, свистели даже те, кто ещё минуту назад молчал.

– Позор!

– Предатель!

Депутат, поняв, что ему не перекричать оппонентов, махнул рукой и скрылся в дверях.

Митинг успешно продолжился, а вы с Поляковым стали обсуждать дальнейшую тактику. Моссовет явно не охранялся, может быть потому, что они никому и не был нужен? Тогда, наверное, стоит направить сторонников ГКЧП к Белому дому, который охраняется большим количеством «демократов»? Или всё же ваши противники просчитались и оставили свой важный центр без защиты? Тогда, наверное, стоило бы взять его штурмом. С третьей стороны устраивать потасовку на глазах стариков и женщин тоже плохое дело, может лучше надавить на Моссовет, пользуясь своей численностью?

 «ГКЧП» = 10000

☐ **Ворваться в Моссовет — (170)**

☐ **Переговоры — (198)**

☐ **Идти к Белому дому — (148)**

12

Вы забыли, что Сидоров довольно редкая фамилия в СССР и ваше НИИ тут не показатель. Конечно же, охранник понимает, что его пытались околпачить:

– Какой ещё Сидоров нафиг! – зло говорит он. – Идите отсюда, пока милицию не вызвал!

Милиция в данном случае однозначно будет не на вашей стороне, поэтому надо срочно возвращаться в райком или придумывать другие варианты.

- ☐ Писать листовки вручную — (28)
- ☐ Официальные типографии — (94)

13

Охранник настораживается.

– И к кому вы пришли?

Придётся угадывать. Как назло, на языке вертятся только три варианта, которые, наверное, назвал бы любой советский гражданин.

- ☐ К Иванову — (105)
- ☐ К Петрову — (175)
- ☐ К Сидорову — (12)

После долгих уговоров и звонков по инстанциям вашу группу наконец утвердили. Более того, даже иногда сообщали сводки КГБ о ситуации в Москве. Весь день вы сидели в кабинете Академии наук, изучая карты, цифры, донесения. Спорили, обсуждали, отвергали и снова предлагали.

К утру 20 августа в штаб приехал Крючков.

Доклад по утверждённому вечером плану стал делать сам Коптюг. Он подошёл к доске, на которой ещё с вечера была нарисована схема. Красиво, аккуратно – так, как рисуют только учёные, привыкшие к точности.

– ГКЧП проигрывает, – сказал академик, глядя на схему. – Потому что они не могут переломить ситуацию. Но если посмотреть на это с точки зрения системного анализа...

Он показал указкой первый элемент.

– Вот смотрите. У нас есть три ключевых элемента. Первый – локальные митинги. Люди должны знать, что ГКЧП не одиноки. Что у них есть поддержка. Листовки тут наше главное оружие. Их можно, например, отпечатать в типографии «Правды». Или на конфискованном оборудовании «демократов». Второй канал – сотрудники КГБ на предприятиях. Пусть возглавят стихийные кружки. Пусть приведут людей на митинги, которые организуют райкомы.

– А не мало ли этого будет? – перебил один из полковников, сидевших рядом с Крючковым. – Ельцин готовит сегодня сто тысяч человек!

– Нет, – спокойно ответил Коптюг. – Если грамотно распределить силы.

Он перевёл указку на другой элемент.

– Это второй этап. На малых митингах мы получим активистов, которые соберут людей на большой митинг. Для успеха надо не менее 15 000 наших сторонников. Далее митингующие должны использовать бронетехнику как баррикады. Армия будет защищать митингующих. Митингующие будут защищать армию.

– Так их же 100 000! – опять вставил полковник. – Прогоним у Белого дома ещё куда-то пойдут!

– Совершенно верно, сказал академик. – И я знаю куда они пойдут! На телецентр. Это сейчас ключевое место в Москве. Захват телецентра привёл бы «демократов» к победе. Но мы их упредим! Надо забаррикадировать телецентр, а по возможности заминировать оборудование. Тогда они не смогут его взять, а если возьмут, не смогут выступить.

В комнате повисла тишина.

– Ну заминировать, это уже слишком, задумчиво сказал Крючков. – Но в целом план рабочий. Что по срокам?

– Сегодня, собираем локальные митинги, 21 числа в 19:00 большой митинг у Белого дома.

Вскоре локальные митинги действительно удалось организовать. Люди приходили на площади, слушали речи, брали листовки. Но дальше ГКЧП решила действовать по-старому. Ночью пришла сводка: Язов отдал приказ готовиться к штурму Белого дома.

Но штурм так и не состоялся. Армия, не получив чётких указаний, замерла на подступах. На следующий день Крючков улетел в Форос к Горбачёву и вскоре ГКЧП самораспустился...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

Всё было кончено. Ельцин и его соратники были отправлены в Лефортово. Их сторонники, ещё утром заполнявшие площадь перед Белым домом, окончательно разбрелись кто куда. Над Москвой, казалось, наконец-то наступала тишина.

Ваши люди – те, кто пришёл поддержать ГКЧП, – тоже расходились. Кто-то обнимался, кто-то плакал от усталости и облегчения, кто-то просто курил, глядя на вечернее небо. Победа, пусть и нелёгкая, была за вами.

Но тут из штабной палатки выбежал солдат.

– Товарищ Павлов! Вас к телефону! Срочно!

Вы переглянулись с Поляковым. Тот пожал плечами, но пошёл следом.

В палатке, у полевого телефона, стоял лейтенант. Лицо у него было растерянным. На том конце трубки говоривший и вовсе впал в панику. Звонил сам глава Гостелерадио Леонид Кравченко, с которым вы уже успели познакомиться во время митинга.

По его словам, сейчас со всех концов Москвы сторонники Ельцина стягиваются к телецентру, скорее всего с целью идти на штурм. А у него всего рота охраны и плюс обещали пару машин ОМОНа перебросить. Раньше в оцеплении стояли ещё десантники Грачёва, но они куда-то подевались. Надо бы организовать гражданских, а он не знает как.

Через десять минут вертолёт доставляет к телецентру вас, Полякова и пару солдат.

Сотрудники – операторы, режиссёры, осветители – стояли в вестибюле растерянными группками, не зная, что делать.

– Товарищи! – вы поднялись на небольшое возвышение, чтобы вас было видно. – Ситуация сложная, но не безнадёжная. Нам нужно организовать оборону. Кто знает здание – ко мне.

Кто-то шагнул вперёд, кто-то, наоборот, попятился. Но большинство осталось на месте, глядя на вас с надеждой и страхом.

Поляков тем временем разыскал начальника охраны – капитана средних лет с усталым взглядом.

– Где ваши люди? – спросил он.

– Внутри, – ответил капитан. – Приказано охранять аппаратные. Но что делать с толпой – не знаю. Стрелять в гражданских? У меня такого приказа нет.

А тем временем снаружи нарастал гул. Сторонники Ельцина подтягивались к телецентру. Всего в толпе было десять или пятнадцать тысяч человек. Скажете майору, чтобы стрелял по ногам бунтующих, или скажете сотрудникам забаррикадироваться внутри телецентра?

☐ Стрелять — (96)

☐ Забаррикадироваться — (71)

16

– Тогда соедините меня с товарищем Язовым, – сказали вы в трубку, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо и без лишней дрожи.

На этот раз голос на том конце трубки был жёстче.

– А вы кто вообще? Имя? Звание?

– Павлов, представитель КГБ...

– Вот и передайте, что сказали, своему начальству. Они сами свяжутся. Вопросы есть?

Вам надо продолжать импровизировать. Рискнёте сказать, что люди уже разозлились и вот-вот отберут оружие и пойдут штурмовать Белый дом сами? Или посчитаете более правдоподобным сказать, что горком выдал вам чрезвычайные полномочия?

☐ Пригрозите бунтом — (20)

☐ Скажете о полномочиях от горкома — (58)

17

Вы вернулись в райком быстро, почти бегом. Секретарь райкома по-прежнему сидел на своём месте, и говорил по телефону с одним из членов бюро по поводу предстоящего митинга. Закончив, он повернулся к вам.

Вы кратко изложили суть вопроса, и Александр Александрович сразу согласился и предложил поставить перед горкомом более масштабный вопрос – снабдить мегафонами агитационные группы всех районов.

☐ Далее... — (213)

18

Вы вышли на улицу, и вдохнули «свежий» московский воздух, пропитанный выхлопными газами, нагретым асфальтом и запахом пыли. Редкие машины проезжали мимо, будто не замечая трёх растерянных мужчин у входа в главную газету страны.

– Что делать будем? – спросил Поляков, когда вы отошли от здания подальше. – Листовок нет. Типографию мы не уговорили, ксерокс не нашли, время упустили. А митинг – сегодня. Что скажем людям?

Вы остановились. Посмотрели на серое здание газеты, на окна, за которыми, наверное, продолжали работать те, кто не знал и не хотел знать о вашей неудаче.

– Мы же не зря решили, – сказал инженер, поворачиваясь к Полякову, – что остальные делают листовки вручную, пока мы идём в типографию. Будем проводить митинг как есть.

Поддержите инженера, или уговорите Полякова позвонить в райком, и предложить секретарю провести партсобрание, как тот изначально и хотел?

 «ГКЧП» = 150

☐ Выходим на митинг! — (9)

19

Вы говорите, что вам надо в наборный цех, чем повергаете их в полное изумление.

– В наборный цех? – переспросил пожилой, и в его голосе послышалось недоверие. – Ты это, парень, того... Это же режимный объект!

– Туда только по спецпропускам, – добавил толстый, краснолицый, вытирая пот со лба. – А у тебя есть пропуск?

– Да кто вы вообще такие? – подал голос молодой, и в его глазах загорелось что-то похожее на подозрение. – А не шпионы ли случаем?

При этих словах Поляков повернулся в вашу сторону, словно вспомнив, что вы вообще-то и вправду можете быть шпионом.

Тут уж действовать надо наверняка, иначе своим провалом вы можете посеять сомнения и в собственных рядах. В голове крутились два плана.

Первый – сказать правду, но не просто правду, а ту, которая может их тронуть. Рассказать про ГКЧП, про митинг, про поддержку. Воззвать к их классовой сознательности. К тому, что они – рабочие, пролетарии, и должны помогать тем, кто борется за власть Советов. Вариант, конечно, рискованный – они могут не поверить. Или поверить, но не захотеть связываться. А может они вообще за «демократов»?

Второй – подкупить. Деньги у вас были – немного, но, может быть, хватит. А не хватит, можно пообещать что-то сверху, например талоны.

○ Агитировать — (114)

○ Подкупить — (151)

В трубке повисла тяжёлая, давящая тишина.

– Хорошо, – сказал он. – Я вас соединю. Но запомните: за свои слова вы будете отвечать. Перед трибуналом, если потребуется.

Вы не стали спорить. Кивнули, хотя он не мог этого видеть.

– Соединяйте.

В трубке слышались щелчки и гудки.

– Слушаю. – Ответили, наконец, на том конце линии.

Вы узнали этот голос, ведь столько раз уже слышали его по телевизору и радио. Впервые за всё пребывание в этом мире вы наконец могли повлиять на человека, напрямую решающего его судьбу.

Стараясь говорить предельно кратко и чётко, вы изложили диспозицию. У Белого дома не больше 10 тыс. сторонников Ельцина, остальные митингуют в стороне. Если ударить сейчас – они не выдержат и можно будет всё сделать без крови. Если они опять соберутся в кулак, будет так же трудно, как вчера.

Наконец, он соглашается и обещает, что приказ будет. Через десять минут полковник подтвердил его получение, и Поляков объявил через мегафон:

– Товарищи! Приказ получен! Армия с нами!

Люди, уставшие, потрёпанные, но всё ещё сохранившие силу духа, подняли головы. Кто-то заплакал. Кто-то заулыбался. А кто-то просто сжал кулаки и шагнул вперёд.

Бронемашины, взревев двигателями, двинулись медленно, но неотвратно. Толпа сторонников ГКЧП, перемежаясь с солдатами, пошла между танками – плотно, организованно.

А впереди, там, где ещё недавно гремели крики, уже началось движение в обратную сторону. Казалось, «демократы» были уже сломлены, потому отдавали свои позиции почти без боя, без вчерашнего напора. Вскоре площадь перед белым домом была очищена.

Однако Ельцин со своими соратниками всё ещё в Белом доме. Как быть с ними? Понадеетесь на профессионализм солдат и предоставите им самим арестовать Ельцина? Или же ворвётесь в Белый дом всей толпой?

☐ Пусть действуют солдаты — (24)

☐ Ворваться самим — (92)

Вы постояли у объявления, глядя на аккуратные, каллиграфические буквы. Потом покачали головой, развернулись и пошли к остановке, решив подождать более удачного момента для активных действий.

Дома вы сели у телевизора, включили «Время», отметив про себя, что такие руководители с трясущимися руками победить не могут. Они и вправду не победили.

Через несколько дней по телевизору показывали торжествующие толпы у Белого дома, Ельцина, стоящего на броне танка, и людей, которые плакали от счастья.

Спустя два года вы ещё получите возможность проявить себя, но это будет уже совсем другая история...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

Вы стояли у окна останкинского телецентра, смотрели на рассвет нового дня и на то, как к телецентру возвращаются машины десантников. Наконец-то уж победа была за вами. Или вернее за ними. За Поляковым, Громовым, Сорокиным, за теми коммунистами, которые мечтали сохранить Союз любой ценой. Теперь они будут радоваться, что их могучий Советский Союз останется цел и невредим. Ещё какое-то время.

– Мы победили, – сказал Поляков, подходя к вам. Он выглядел старше, чем несколько дней назад. – Ты должен радоваться.

– Радуюсь, – ответили вы, не оборачиваясь.

Поляков помолчал, потом положил руку вам на плечо.

– Что теперь?

– Не знаю, – сказали вы. – Буду, как прежде, работать в НИИ.

– После всего? – недоверчиво сказал Поляков. – Такие как ты сейчас в Партии нужны! Ты посмотри, как мало у нас здоровых сил. Если не сдюжим сейчас, через несколько лет опять какая-то «перестройка» начнётся.

Вы ответили, что, наверное, он прав, и пообещали подумать. Не могли же вы сказать, что сочувствуете и «демократам» тоже. Всё-таки их было больше, по крайней мере в Москве. И у них были свои мечты, которые теперь рухнули.

Вам оставалось только утешать себя мыслью, что в каком-то другом мире (а вы, как никто иной знали, что миров много) и эти люди тоже получили своё. И где-то сейчас ликуют другие толпы, развеваются другие флаги, звучат другие речи. А также надеяться, что теперь, заставив в очередной раз исполнять чужие мечты и вывернув вас наизнанку, портал милостиво откроется и вернёт в родной мир. Но знаете ли вы, где его искать?

Если отсутствует «Служебная/Карта диггеров»: Вариантов было бесконечно много, но, по сути, они сводились к двум. Во-первых, вы попали в этот мир из метро, значит, портал может находиться где-то там. Можно попытаться найти диггеров, которые уже выручали в Мире Корпораций. Они наверняка видели странные места, куда обычные люди не заглядывают и мимо портала бы не прошли.

Но портал может находиться и в другом месте. Тогда вам нужны люди, интересующихся паранормальными явлениями. Уфологи, экстрасенсы, любители всего загадочного. Рано или поздно к ним поступит информация и про подземные, и про наземные, и даже про подводные порталы. Что выберете?

○ Если отмечено «Служебная/Карта диггеров»: **Вы знаете , где портал — (203)**

○ Если отсутствует «Служебная/Карта диггеров»: **Диггеры — (210)**

○ Если отсутствует «Служебная/Карта диггеров»: **Уфологи — (120)**

23

– Извините, – сказали вы, делая шаг навстречу женщине. Голос прозвучал ровно, почти буднично, хотя внутри всё сжалось в тугой комок. – Мы из вычислительного центра. Срочно нужно размножить документы. Не подскажите, где у вас ксерокс?

Женщина остановилась. Посмотрела на вас поверх очков – тем взглядом, каким смотрят на незваных гостей, которые нарушили привычный ход вещей. В этом взгляде не было ни враждебности, ни дружелюбия.

– Ксерокс? – переспросила она, и в голосе её прозвучало что-то вроде удивления. – Вы не туда идёте.

Она кивнула в сторону, откуда вы пришли, – туда, где на стене висела огромная карта Советского Союза.

– Вам в другую половину. Налево от карты. Только, – она поморщилась, будто вспоминала что-то неприятное, – вот беда: номер комнаты я не помню.

Перейдёте на другую половину этажа? Или решите, что она плохой советчик, и откроете наугад одну из дверей здесь?

☐ **Перейти — (167)**

☐ **Открыть дверь здесь — (86)**

24

Вы с Поляковым знаками показываете сторонникам ГКЧП остановиться, пусть теперь действуют солдаты. Вы замерли у подножия лестницы, глядя, как они поднимаются к зданию.

А потом грянули выстрелы. Кто-то закричал – не то от боли, не то от неожиданности.

– Ложись! – рявкнул полковник, и вы по примеру солдат рухнули на асфальт, прикрывая голову руками.

– Чёрт, – выдохнул Поляков, прижимаясь к земле. – У них оружие!

– Вижу, – ответили вы сквозь зубы.

Автоматные очереди изнутри перемежались одиночными выстрелами – похоже, засевшие там, сдаваться не собирались.

Танки, стоявшие на площади, развернули башни в сторону Белого дома.

– Огонь! – скомандовал полковник.

Раздались выстрелы. Снаряды ударили в верхние этажи, из которых вёлся огонь. Стёкла вылетели, и из помещений повалил дым. Ещё два выстрела. Здание дрогнуло. Пожар внутри уже начал разгораться.

Из дверей Белого дома, пригибаясь, выбежали солдаты противника, размахивая белыми флагами.

– Прекратить огонь! – скомандовал полковник.

– Всё, – сказал Поляков. Голос его дрожал – то ли от усталости, то ли от облегчения. – Конец.

– Конец, – согласились вы.

☐ **Далее... — (15)**

25

Коридор оказался длинным и упирался в железную дверь. Массивную с тяжёлым замком, который выглядел так, будто его не открывали годами. Вы дёрнули ручку – заперто. Дёрнули сильнее – бесполезно.

– Тупик, – сказал Поляков разочарованно. – Надо возвращаться.

Вы развернулись – и замерли.

Сзади, оттуда, откуда вы пришли, раздался звук. Сухой, металлический лязг – такой, каким лязгают старые, давно не смазанные засовы. Вы не успели ничего понять, как звук повторился – и замолк.

Вы бросились назад, на звук, но было поздно. Решётка, которую вы отодвинули, чтобы пройти, теперь стояла на месте. Только закрытая. А глубине чёрного коридора виднелся удаляющийся силуэт.

– Эй! – закричали вы, бросаясь к решётке. – Откройте! Мы здесь!

Однако, похоже, заперший засов человек был, мягко говоря, туговат на ухо.

Конечно, рано или поздно сюда придут и выпустят вас на свободу. Однако время будет уже безнадежно потеряно...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

26

Кабинет был большим, но уютным. Стол красного дерева, портрет Ленина на стене, тяжёлые шторы и огромная карта Москвы на стене, утыканная красными флажками. За столом сидел мужчина лет пятидесяти пяти – заведующий сектором массовых мероприятий Павел Викторович Лобанов. Полноватый, с аккуратной бородкой и внимательными, цепкими глазами. На столе перед ним лежала стопка бумаг, телефон и графин с водой.

Первым делом он смотрит резолюцию бюро райкома, а затем доверительно говорит, что ему лично нравится инициативность вашего района. Не то, что вот некоторые другие, сидят и ждут указаний. Но, к сожалению, в горкоме тоже инициативных мало, и кое-кто предлагал вашу «делегацию» просто отослать. В общем, лично Прокофьев действовать не будет. Но если хотя бы ещё несколько райкомов примут такую же резолюцию, тут-то Лобанов и постарается дать делу ход. Видя недовольство Полякова, он продолжает:

– Если хотите действовать решительнее, придётся самим, мы вам организационно можем помочь, листовки какие-нибудь напечатать, флаги, аппаратуру выдать, но не более того.

– Вот ещё что, – прибавляет заведующий сектором. – Из КГБ передают, что Ельцин готовит забастовки, на предприятиях, как в Польше. Им всего-то пару сотен активистов нужно. Мы пока не знаем, насколько этот участок работы целесообразен, пока вроде забастовок не намечается. Но если хотите, можете им помочь.

○ **Готовить митинг** — (187)

○ **Искать поддержку в райкомах** — (169)

○ **Помочь с подавлением забастовок** — (202)

27

Вы мигом слетаете по лестнице вниз и вбегаете в тот самый маленький коридорчик, куда вы так непредусмотрительно не повернули до этого. После такого забега сердце колотится где-то в горле, а ноги гудят. Нечего и надеяться, что вахтёрша не сообщила о случившемся охране. Теперь все решения надо принимать очень быстро, иначе вашу группу просто поймают.

○ **Далее...** — (128)

28

(Некоторое время назад)

Вы уже было собрались выходить из кабинета, но внезапно секретарь райкома опомнился.

– Нет, так не пойдёт, – быстро говорит он. – Вдруг вся эта затея провалится? Давайте остальные пока всё же будут писать листовки вручную.

○ **Далее...** — (68)

29

Секретарь звонит в горком с предложением помощи, однако там, образно говоря, недоумённо пожимают плечами – партия, по их словам, работает в нормальном режиме, никакая помощь не нужна. Но за поддержку благодарят. «На одном спасибо далеко не уедешь», – раздосадовано думаете вы.

Что же теперь делать? Можно поехать в горком и потребовать встречи с одним из чиновников, чтобы убедить его таки принять от вас помощь. Можно связаться с другими райкома, чтобы вместе предпринять какие-нибудь действия.

○ **Поехать в горком** — (161)

○ **Связаться с другими райкома** — (102)

30

– Товарищ генерал, – начали вы, стараясь говорить убедительно, – давайте подумаем. Войска на месте, народ ждёт, победа близка. Отдайте приказ наступать – и мы...

– Агитируйте на митинге, – оборвал вас генерал. Голос его был сух, как порох. – Здесь вам не трибуна.

На этом связь прервалась. Вы опустили трубку. Поляков бросил на вас короткий взгляд и тут же всё понял.

– Не вышло, – только и сказал он.

31

Рабочие переглянулись.

– Заблудились, говорите? – переспросил пожилой, и в его голосе слышалось недоверие.

– Да, – сказал Поляков из-за вашей спины. – Дверь не туда открыли, вот и зашли. Извините, если помешали.

Повисла пауза. Вы чувствовали, как взгляды рабочих скользят по вашим лицам, по одежде, по папке, которую вы сжимали в руке.

– Ладно, – сказал наконец пожилой, махнув рукой. – Всякое бывает. Здание у нас большое, запутанное. Проводите их до выхода, – кивнул он молодому.

Молодой нехотя отодвинул стул, вышел из-за стола и жестом пригласил следовать за ним. Через некоторое время вы были уже на улице.

32

Коридор тянулся прямо и не имел ни изгибов, ни дверей, ни даже какого-то особенного звука шагов в нём. Поляков сзади тяжело дышал, иногда чертыхался, спотыкаясь о неровности пола. Метров через тридцать в стене справа показалась дверь.

33

– Товарищи! – крикнули вы в микрофон, и голос, усиленный динамиками, прокатился над площадью. – Отступайте за бронемашины! Занимайте оборону! Сохраняйте спокойствие и выдержку!

Слова лились сами собой – вы не думали, а просто говорили то, что подсказывали инстинкты, натренированные прежними мирами. Поляков, стоявший рядом, понял всё без лишних слов. Он подхватил под руку пожилого мужчину в потёртом пиджаке, который замешкался на трибуне, и потянул вниз. Вы спрыгнули сами, приземлившись на асфальт – больно, но не смертельно.

Митингующие побежали. Кто-то прихрамывая, кто-то спотыкаясь, кто-то на ходу оглядываясь назад. До бронемашин было метров двадцать, не больше. Сзади раздался грохот. Вы обернулись и увидели, как толпа хлынула на трибуну и стала с яростью крушить аппаратуру.

Вы добежали до бронетехники. Солдаты, сидевшие на броне, замерли, глядя на

приближающуюся толпу.

– Помогите! – крикнул Поляков, подбегая к ближайшему БТРу. – Людей спасайте!

Ваши люди нырнули в просветы между бронемашинами, прижались к тёплой броне.

Преследователи тоже были близко. Они что-то кричали – в грохоте двигателей и свисте ветра слов было не разобрать. Только отдельные выкрики:

– Смерть предателям!

– Свобода!

Если отсутствует 10000 «Сила митинга/ГКЧП»: Вы оглянулись и сердце сжалось. Вас было мало. А молодых, готовых обороняться между бронемашинами и того меньше. Солдаты, сидевшие на броне, смотрели на приближающуюся лавину с плохо скрываемым страхом. Молодой лейтенант, командир ближайшего танка, поднял руку, чтобы отдать приказ, но в последний момент передумал и залез внутрь. Остальные экипажи благоразумно поспешили последовать его примеру.

Некоторое время ваши ещё держались, но силы были не равны. Вы видели, как Поляков несмотря на возраст стоял в первых рядах. И как через несколько минут его схватили за воротник и повалили на землю. Вскоре и вас «приложили» головой о броневики. В глазах потемнело. Сквозь шум в ушах вы слышали крики, топот, звон разбиваемого стекла. Вскоре всё было конечно. Победившие сторонники Ельцина начали обниматься и кричать «Ура!» Вы сидели на корточках, сжимая в кулаке листовку, и смотрели, как рушится всё, ради чего вы старались последние дни...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

Если в наличии 10000 «Сила митинга/ГКЧП»: Лейтенант поднял руку.

– Предупредительный! – скомандовал он, и автоматчики, стоявшие на броне, вскинули оружие.

Очередь ушла в небо. Короткая, сухая, как удар хлыста.

Толпа на мгновение замерла. Кто-то пригнулся, но некоторые продолжили бежать. Началась потасовка в узких проходах между военной техникой, где нападающие не могли реализовать своё преимущество, а на вашей стороне тоже были крепкие молодые люди. Экипажи бронемашин сочувствуют вам и периодически сдвигают технику вперёд, заставляя толпу отходить.

Если в наличии 15000 «Сила митинга/ГКЧП»: Минут через пятнадцать первые ряды наконец выдыхаются, и противник начинает в беспорядке отступать. Очень быстро отступление переходит в бегство.

Если в наличии 10000 «Сила митинга/ГКЧП», но отсутствует 15000 «Сила митинга/ГКЧП»: Минут через двадцать первые ряды наконец выдыхаются, и противник начинает отступать, стараясь поддерживать относительный порядок.

○ Если в наличии 10000 «Сила митинга/ГКЧП»: **Преследуем противника! — (3)**

○ Если в наличии 10000 «Сила митинга/ГКЧП», но отсутствует «Служебная/Член бюро горкома»: **Остаёмся на месте — (57)**

○ Если в наличии 10000 «Сила митинга/ГКЧП», отмечено «Служебная/Член бюро горкома»: **Остаёмся на месте — (122)**

– В цепь! – крикнули вы, и люди, поняв без лишних слов, выстроились между баррикадой и техникой, взявшись за руки.

Из люков повысовывались солдаты, офицеры что-то кричали, махали руками.

– Не отдавайте нас фашистам! – закричали из толпы.

– Покинуть пост – изменить Родине!

Вы подняли мегафон и закричали:

– Солдаты! Вы нужны стране! Вы нужны Союзу! Не отступайте!

Водители заглушили моторы. Тишина стала почти осязаемой.

Уже знакомый вам лейтенант вылез из башни, прыгнул на асфальт и подошёл ближе.

– Не могу, – сказал он негромко. – Приказ.

– А совесть? – спросил Поляков. – Совесть вам не приказывает?

– Товарищ лейтенант, – подал голос боец с нашивками сержанта, – может, послушаем, что люди говорят?

Лейтенант махнул рукой – делайте, мол, что хотите.

И начался митинг. Вскоре с другой стороны Калининского проспекта послышался шум моторов, и вскоре с другой стороны баррикады появилось подкрепление.

Из штабного БТРа выбрался полковник. Лицо красное, взгляд злой. Он оглядел площадь, баррикаду, живую цепь, вас, Полякова.

– Кто старший? – рявкнул он.

– Я, – сказали вы, делая шаг вперёд.

Полковник посмотрел на вас с ног до головы, потом перевёл взгляд на толпу, на солдат, которые явно не спешили выполнять приказ об отступлении.

– Что здесь происходит? – спросил он, и в голосе его кипела злость.

– Люди не хотят уходить, – сказали вы. – А солдаты их поддерживают.

– Не хотят? – полковник чуть не задохнулся от возмущения. – Приказ есть приказ!

Категорически откажетесь разбирать баррикаду или попытаетесь как-то выиграть время?

☐ Откажетесь разбирать баррикаду — (84)

☐ Попытаетесь выиграть время — (89)

35

– Павел Викторович, – сказали вы, – Моссовет взят, теперь партийные органы должны вернуть себе управление городом.

Лобанов согласился и начал звонить в горком.

Толпа у Моссовета уже начала редеть, когда с той стороны, откуда пришли, послышался шум моторов и рядом со зданием появилось несколько чёрных «Волг». Из первой «Волги», тяжело отдуваясь, выбрался мужчина в строгом костюме, при галстук, с портфелем в руке. За ним – ещё несколько человек, таких же официальных, с папками и блокнотами. Вскоре все они были в кабинете Попова.

– Ну, товарищ Лобанов вы нам и устроили, – без предисловия сказал главный. Нас и так в применении силы обвиняют, а тут законно избранный исполком выгнали из собственного здания!

– Ну так это народная воля, – попытался оправдаться Лобанов.

– Ладно, что сделано, то сделано, – ответил главный. – Представь мне хотя бы свою команду.

– Это народные активисты, Павлов и Поляков. Очень помогли в организации митинга.

– Хорошо, товарищи активисты, обратился к вам главный, – с Моссоветом мы разберёмся, а что теперь собираетесь делать вы?

Вы с Поляковым единогласно предложили организовать митинг у Белого дома. Вам выделили автобусы и палатки, и вскоре митингующие разбили лагерь около здания СЭВ, под защитой бронетехники

○ Далее... — (199)

36

Вы второпях заканчиваете завтрак, выходите из дома и садитесь в автобус. За окном привычно мелькает меняющийся пейзаж, из открытой форточки доносится обычный шум города. Однако через некоторое время на встречной полосе показываются стройные ряды полевых кухонь и танков, перемещающийся по направлению к центру. По-видимому, ГКЧП уже начало вводить войска в город для обещанного сохранения правопорядка.

Вы поворачиваетесь лицом внутрь автобуса. Там стоит подавленная и настороженная публика. Среди пассажиров обнаруживается несколько особо демократически настроенных граждан, на одежде у которых виднеются значки с портретом только что отстранённого Горбачева.

Выйдя на улицу, вы идёте некоторое время пешком, до здания НИИ. Бодрым шагом входите в лабораторию. Большинство сотрудников уже на месте и ещё не знают о произошедшем.

Ничего не знает и начальник – хотя и слушал с утра радио «Европа+», а оно почему-то ни словом не обмолвилось об этом. Светлана, говорит, что, идя на работу тоже видела танки. Теперь он поняла к чему это. Вы вслух размышляете, как бы поделикатнее сказать о случившемся Сидорову, известному в отделе стороннику «демократов», но как оказывается, он уехал на подмосковный завод за деталями, поэтому в ближайшее время ничего не узнает

○ Далее... — (69)

37

Внутри царил полумрак. Тяжёлые шторы на окнах были задёрнуты так плотно, что не пробивался ни один луч уличного света. Вместо ламп горела одна-единственная свеча – поставленная в центр стола, оплывшая, с длинным, дрожащим язычком пламени. Свет её, жёлтый и зыбкий, выхватывал из темноты лица сидящих вокруг стола.

Люди, человек семь или восемь, сидели неподвижно, положив руки на стол. Но руки их касались друг друга, образуя круг, а в центре круга, на листе ватмана, расчерченном буквами и цифрами, лежало перевёрнутое фаянсовое блюдо с зелёной каймой, позаимствованное, видимо, из местной столовой.

Вы замерли в дверях. Поляков, вошедший следом, тихо ахнул и тоже остановился. На секунду вы представили, что творится на душе у старого коммуниста, когда здесь, в оплоте партийной агитации, сотрудники газеты прямо в рабочее время занимаются спиритическим сеансом.

Один из сидящих, молодой мужчина с не по-советски длинными волосами поднял голову и посмотрел на вас. В его взгляде не было удивления, как будто появление посторонних в этой комнате было делом обычным.

– Заходите, – сказал он негромко. – Не стойте в дверях. Мы только начали.

Вам ничего не осталось, как присоединится к сеансу.

– Есть контакт, – вскоре сказал длинноволосый. – Дух здесь. Он сильный. Чувствуете?

Вы ничего не чувствовали, но блюдо двигалось и периодические останавливалось на буквах, складывая слова.

Б – О – Н – А – П – А – Р – Т

Кто-то из сидящих перекрестился. Станный, конечно, жест для советского человека, но вы уже понимали, что в этой комнате возможно и не такое. Вскоре бывший французский император уже уверенно отвечал на чистом русском языке на вопросы присутствующих. Дошла очередь и до вас. Хотите что-то спросить у Наполеона? Или откажетесь вопроса и дождётесь конца сеанса?

 получено достижение «Коммунист-спиритист»

☐ Где комната с ксероксом? — (48)

☐ Победит ли ГКЧП? — (113)

☐ Не задавать вопрос — (192)

38

Коридор оказался длиннее, чем вы думали. Он тянулся прямо, без изгибов, и ваши шаги гулко отдавались от бетонных стен, размножались эхом и уходили куда-то вперёд. Лампочки здесь горели через одну, и полосы света чередовались с глубокими, почти осязаемыми тенями. Пахло сыростью

Наконец, справа показывается дверь.

Поляков остановился, с надеждой посмотрел на дверь.

– Может, она? – спросил он.

☐ Войдёте в неё — (179)

☐ Пойдёте дальше — (32)

39

– Остаёмся, – сказали вы Полякову. Пусть все видят, что мы не ушли.

Поляков кивнул, но в глазах его мелькнула тревога.

– Люди устали, – сказал он. – Если негде будет лечь, они разойдутся. Да и ночь по прогнозу холодная. Без палаток не обойтись. А где их взять?

Вы замолчали, глядя на серые коробки бронетехники. Солдаты курили у бортов, переговаривались вполголоса.

И тут вас осенило.

– А у военных, – сказали вы, – есть палатки. Склады, наверняка, полны.

Поляков усмехнулся, но усмешка вышла кривой.

– Это ты правильно придумал. Только как к ним подойти? Скажут – не положено. У них свой приказ, свои инструкции.

– Надо попробовать, – ответили вы. – Другого выхода нет.

Он помолчал, потом кивнул.

– Тогда два варианта, – сказал он. – Либо звонить в горком, пусть они начальству скажут. Либо самим к военным идти, на месте договариваться.

Вы посмотрели на бронемашины, на солдат, на сторонников ГКЧП, которые понемногу расходились. Какой вариант выберете?

☐ **Горком** — (126)

☐ **Военные** — (53)

40

Коридор оказался коротким – шагов тридцать, не больше и привёл вас к двум дверям, расположенным на некотором расстоянии друг от друга. Первая, ближняя дверь была деревянной, чуть меньше стандартных размеров. Такие ставят в подсобках или небольших кладовках. Над ней висела табличка с трёхзначным номером 060. Табличка чуть покосилась, и цифры на ней были написаны от руки, шариковой ручкой, выцветшей от времени.

Вторая дверь была железная, стандартного размера с круглой ручкой и тускло блестящим замком и располагалась метров в пятнадцати от первой. Таблички с номером на ней не было – только небольшое пятно от старой краски, которое, наверное, когда-то и было надписью. В какую дверь войдёте?

☐ **В ближнюю** — (158)

☐ **В дальнюю** — (76)

41

Но всё же понять этот мир оказалось не так-то просто. С горем пополам вы узнали, что при коммунизме всем дают «по потребностям», но только в рамках того, что в стране произвели. А производила разваливающаяся страна мало чего, да и того на прилавках магазинов не было. Изучив основной принцип, вы затем освоили, почему такая большая очередь за сервелатом в «гастрономе», для чего нужны талоны на сахар, а также волшебную силу бутылки водки, призывающую местных сантехников и не только их. А также поняли, почему власти в стране так непопулярны. В самом деле, вы ещё не видели мира, где нужно потратить полдня для того, чтобы достать пару бананов.

В дальнейшем вы обучились таким важным навыкам, как отличать трамвай «Татра» от «РВЗ», автомобиль «Москвич» от «Жигулей», перематывать аудиокассеты карандашом, а также вставлять хоть немного осмысленные комментарии во время совместного с соседями просмотра программы «Время» на кухне. А когда вы смогли вкрутить лампу накаливания, купленную в магазине «Свет», то вовсе стали чувствовать себя почти местным...

Слушая новости, вы постепенно понимали, что вряд ли это прошлое планеты-матери вашего мира. Тут по Земле бродит неизлечимая эпидемия СПИДа, льются кислотные дожди, атмосферу вот-вот разрушат озоновые дыры, в продуктах сплошные нитраты, а экология и климат летят ко всем чертям. В общем, это далеко не та цивилизация, которая в будущем полетит к звёздам...

○ Далее... — (166)

42

– Наборный цех где-то в подвале, – сказал инженер, стараясь говорить негромко.

Вы садитесь в лифт и нажимаете самую нижнюю кнопку. Вскоре двери открываются, показывая очам изумлённых пассажиров роскошный коридор. Потолки здесь были высокими, непривычно высокими для подвала, и на них, на длинных цепях, висели тяжёлые люстры с плафонами из матового стекла. На стены, украшенные портретами неизвестных вам людей, падал рассеянный и ровный свет, без теней, и в этом свете коридор казался не подземельем, а чем-то вроде музейной галереи.

Справа была перегородка из матового стекла – во всю стену, от пола до потолка. За ней шумел и гремел типографский цех. Вы прижались лицом к стеклу, пытаетесь разглядывать огромные станки, которые, как живые существа, пережёвывали бумагу, выплёвывая готовые листы. Люди в промасленных халатах, с наушниками на головах, двигались между ними – быстро, ловко, привычно, как танцоры, знающие каждое движение наизусть. Но двери в цех не было видно, и вы пошли вперёд.

Только когда перегородка закончилась, справа появилась небольшая дверь. Может она и ведёт в цех? Ещё одна дверь была слева – чуть поодаль, в нише, с зарешеченным окошком и замком, который висел на дужке, но не был заперт.

Впереди коридор упирался в железную лестницу. Она уходила наверх, под самый потолок, где в полумраке угадывался ещё один коридор. Слева от неё вы заметили выход на нормальную лестничную клетку. Но там лестница вела почему-то только вниз.

Гул станков чуть позади не стихал. Казалось, само здание подсказывало: «Выбирай. Но не ошибись».

○ По лестнице наверх — (133)

- По лестнице вниз — (117)
- В левую дверь — (137)
- В правую дверь — (63)

43

Осваиваться в чужом мире было непросто. Сначала вы зарабатывали пением на Арбате. Пели вы весьма посредственно, но зато на иностранных языках, и местным песни неизвестных миров вполне себе нравились, особенно когда вы нашли себе в пару музыканта. Затем был короткий период репетиторства, а потом, примерно через месяц, вы смогли устроиться в одно из многочисленных НИИ. Там как раз налаживали сотрудничество с западными партнёрами и требовался специалист по ЭВМ. К счастью, удалось убедить кадровиков, что вы достаточно квалифицированы, просто не работали на конкретной модели, которая стоит у них. Разобраться в американской документации серьёзного труда не составляло и вас оставили и даже выделили комнату в коммуналке по соседству с такими же лимитчиками.

Конечно, отсутствие документов было крайне подозрительным, и, не найдя никакой информации по вашей «легенде», милиционеры в конце концов передали дело в КГБ, куда вас вскоре и вызвали. Монолог тамошнего офицера был крайне загадочен, и он говорил, что понимает, что теперь между нами дружба, но совсем-то не надо за рамки выходить. Так что чуть чего, и вы отправитесь откуда прибыли. Далее, под бурчание «скоро уже негров к нам будут засылать» паспорт на имя «Михаил Иванович Павлов» был всё же выдан.

- Далее... — (41)

44

–Мы должны показать, что нас много, – сказали вы, когда митинг на Пушкинской начал стихать. – Вся страна должна увидеть – мы не одни.

Поляков, стоявший рядом, кивнул. Он понимал, что время уходит, что каждый час работает на Ельцина. Телефонные переговоры с инстанциями длились почти два часа. Кто-то отказывался, кто-то обещал перезвонить, кто-то просто бросал трубку. Наконец Лобанов смог уговорить главу московских коммунистов действовать активнее и наконец было получено одобрение, показать сюжет о митинге в программе «Время» и призыв к телезрителям поддержать ГКЧП и выйти на демонстрации в своих городах.

И митинги действительно начались. В Хабаровске, во Владивостоке, в Новосибирске – люди выходили на площади, разворачивали красные флаги, скандировали «ГКЧП!», «Союз!». Однако центральное телевидение их уже не показало. Как выяснилось несколько позже, штурм Белого дома не произошёл, а утром Ельцин отстранил Кравченко и подчинил телецентр себе.

Вскоре толпа его сторонников уже была у Останкина и требовала исполнения указа президента. Кравченко ничего не оставалось, как покинуть кабинет. Лишившись телевидения, ГКЧП вскоре объявил о своём самороспуске.

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

– Я готов, – сказали вы, вставая со стула.

Сорокин посмотрел на вас долгим, оценивающим взглядом. Потом кивнул – коротко, без улыбки.

Больше никто не вызвался, и вы прошли вдвоём в его кабинет, где пахло мастикой для пола, табаком и той особенной, казённой сыростью, какая бывает в кабинетах, которые редко проветривают.

– Садись, – сказал Сорокин, указывая на стул.

Вы сели. Он пододвинул к себе папку, полистал её, потом поднял глаза на вас.

– Ты знаешь, как к тебе относятся в институте. Одни считают тебя чудаком, другие – шпионом, третьи – просто странным типом. Это – твой главный козырь.

– Почему?

– Потому что если я пошлю тебя к нашим, к партийным – они будут настороже. Будут ждать подвоха. А если пошлю к демократам, – они, наоборот, тебя примут.

– А зачем мне к ним ходить.

– Вот, – сказал Сорокин, поднимая палец вверх. В этом вся суть. У нас есть агентурные данные, что завтра, 20 августа, они планируют массовые акции на заводах. Если ты внедришься, переубедишь их – мы выиграем время.

Видя ваше замешательство, он продолжил:

– Есть и менее опасное поручение. Помочь райкому с организацией митинга у завода «Радиоприбор». Сегодня, в 19:00. Людей должно быть много. Нужно написать и расклеить объявления у нас в НИИ, а потом и в окрестностях.

Вас немного настораживает внезапно появившееся доверие Сорокина к вам. Может, и вправду выбрать менее рискованный вариант? Но зато если будете выполнять его поручение, сможете больше повлиять на ситуацию.

☐ **Внедриться к «демократам» — (109)**

☐ **Готовить митинг — (186)**

Секретарь райкома вздохнул и махнул рукой.

– Делайте что хотите, – обречённо сказал он. – Но если провалитесь – я вас не знаю.

При этих словах вас стало одолевать смутное ощущение, что возможно в таком же положении сейчас находятся и сами члены ГКЧП. И те, кто сегодня носят значки с изображением Горбачёва, могут завтра с удивлением узнать, что на самом деле, всё это был его гениальный хитроплан.

На задание отправили Евгения, инициатора идеи, и вас, как её поддержавшего. Через полчаса вы оба уже стояли у типографии. На фоне большинства зданий Дангауэровки это выглядело довольно непрезентабельно – серое, пятиэтажное, с облупившейся штукатуркой и наскоро снятой вывеской. Несмотря на формальный запрет, у входа было оживлённо.

Вы вошли внутрь. В коридоре пахло типографской краской, горячим металлом и той особенной сыростью, какая бывает в старых зданиях. Справа – проходная, за стеклом – охранник, пожилой мужчина с усами и медалью на пиджаке.

– Пропуск? – спросил он, подозрительно глядя на вас.

Вы остановились. Сердце начало учащённо биться. Вы начинаете прокручивать в уме ответ: «Мы свои, пришли сюда, чтобы распечатать антиГКЧПисткие листовки». И одновременно другой вариант: «Мы свои, пришли сюда, чтобы встретиться с одним из сотрудников». Какой выберете? Времени на раздумья нет!

☐ Печатать листовки — (7)

☐ Встретиться с сотрудником — (13)

Кабинет Сорокина находился на втором этаже, в крыле, куда обычные сотрудники заходили редко. Длинный коридор, приглушённый свет, запах мастики для пола и чего-то ещё – канцелярского, казённого. У двери никого не было, но вы чувствовали себя так, будто за вами наблюдают.

Громов постучал. Три раза. Коротко.

– Войдите, – раздалось изнутри.

Сорокин сидел за большим столом красного дерева. Перед ним лежали какие-то бумаги, но он не читал – он ждал.

– Илья Семёнович, – Сорокин поднялся, жестом приглашая сесть. – Не ожидал. Присаживайтесь.

Он бросил быстрый взгляд на вас. Узнал. Ничего не сказал.

Громов сел, положив трость рядом. Вы остались стоять у двери.

– Товарищ Сорокин, – начал Громов без предисловий. – Мы в институте провели собрание. Двенадцать человек, доктора наук, заведующие лабораториями, ведущие специалисты. Мы поддерживаем ГКЧП. И хотим предложить свою помощь.

– Это... хорошо, – сказал он. – Сегодня вечером, в девятнадцать ноль-ноль, на площади у завода «Радиоприбор» состоится митинг в поддержку ГКЧП, – сказал Сорокин. – Организаторы – наш райком. Хорошо, если кто-то авторитетный выступит от НИИ. Также на митинге будут все штатские, им нужна поддержка. Нужно, чтобы присутствовало больше молодых людей, – он указал на вас, – которые могут... – он подбирал слова, – скорректировать ситуацию, если что пойдёт не так. Если появятся провокаторы, если начнутся столкновения.

После непродолжительного диалога он распустил всех по рабочим местам, но вам попросил остаться. Подобное доверие даже несколько интриговало.

– Есть и другая проблема, – продолжил Сорокин. – Ельцин призвал народ к забастовке. Забастовка – это серьёзно. Мы помним, к чему всё привело в Польше. Нужно вычислить её лидеров и подавить забастовку в зародыше. Скажи, ты действительно на нашей стороне?

– Конечно, – поспешили ответить вы.

– Отлично. Ты знаешь свою репутацию здесь. Просто намекни молодым, что Америка ждёт от них активных действий, и они тут же включат тебя в свой круг. Делай, что хочешь, но добейся, чтобы вместо забастовки они выбрали другую активность. Вот пусть тоже на митинг, к примеру, сходят. Или ещё что-то.

Что выберите?

«ГКЧП» = 500

☐ **Пойти на митинг — (9)**

☐ **Внедриться к «демократам» — (109)**

48

– Где находится комната с ксероксом? – спросили вы.

Голос прозвучал глухо, почти шёпотом, и в этом шёпоте слышалось то, что вы и сами чувствовали: абсурдность вопроса. Вы спрашиваете у духа Наполеона Бонапарта, где в советской редакции стоит японский копировальный аппарат. Если бы кто-то сказал об этом утром, вы бы решили, что у него поехала крыша. Но сейчас, в этом полумраке, при свете оплывшей свечи, среди людей, положивших руки на стол и вызывающих духов, это казалось почти естественным.

Как ни странно, на ваш вопрос Наполеон даёт быстрый и недвусмысленный ответ – «34». С учётом номера этажа, это вероятно означает кабинет 334. Вскоре сеанс заканчивается, и вы идёте проверять правильность сказанного «императором».

○ Далее... — (145)

49

– Послушайте, – сказали вы, откладывая лист в сторону и наклоняясь к редактору с доверительным видом. – Ваш вариант, безусловно, хорош. Но сейчас в таком духе пишут и говорят все.

Редактор нахмурился, но промолчал – он ждал продолжения. Вы взяли лист чистой бумаги и карандаш, лежавший на столе, и нарисовали сбоку триколор.

– Люди увидят флаг и сразу вспомнят, что мы не просто против диктатуры сражаемся, а за новую Россию!

После недолгих споров собеседник соглашается, и через полчаса вы получаете кипу нужных листков. Придя в райком, вы красной ручкой перечёркиваете триколор и подписываете внизу – «Сохраним СССР!». Образец встречает полное одобрение со стороны Александра Александровича, и через час подобным же образом выглядят и все остальные объявления.

 «ГКЧП» = 400

○ Далее... — (197)

50

Вы подошли к Сорокину.

– Товарищ майор, – сказали вы, понижая голос, чтобы не привлекать внимания прохожих. – Я хочу предложить свою помощь.

Сорокин остановился. Он был невысоким, плотным, с короткой стрижкой и цепким взглядом человека, привыкшего замечать детали.

– Помощь? – переспросил он, чуть прищурившись. – В чём именно?

– Сейчас такие события происходят, – продолжили вы тихо, – я не могу оставаться в стороне.

Он помолчал, изучая вас так, будто видел впервые.

– Хорошо, пройдёте в мой кабинет.

В кабинете было тесно, пахло мастикой для пола и старыми бумагами. Рядом со столом из красного дерева стоял сейф, видимо для секретных документов. Напротив стола – большой стеллаж с папками. Сорокин прошёл за стол, сел и жестом предложил сесть напротив.

– Помощь действительно нужна, – сказал он, раскрывая папку. – Есть две задачи, и обе не для слабонервных. Если выполнишь, мы решим все проблемы с твоими документами. Как, согласен?

Вы кивнули. Он достал из папки листок, и протянул вам. На листке было напечатано заявление о том, что вы согласны работать на КГБ в качестве секретного сотрудника. Неужто они уже давно к вам подбирались, просто ждали удобного момента? Не показывая колебаний, вы подписываете листок и протягиваете Сорокину. Он продолжает.

– Первое. Сегодня вечером, в 19:00, у завода «Радиоприбор» состоится митинг в поддержку ГКЧП. Организует его райком. Ты будешь официально числиться руководителем дружинников по охране митинга. Следить, чтобы не было провокаций, чтобы всё прошло гладко. И потом доложишь мне обстановку.

– Второе, – продолжал Сорокин, – опаснее. У нас есть сведения, что молодые активисты готовят забастовку. Ельцин только этого и ждёт. Твоя задача – внедриться к ним, на их сходку, и переубедить. Скажешь, что ты из Америки, – он усмехнулся, – твоя репутация это позволяет. Они поверят. Поможешь сорвать забастовку. Что вы решите?

 «ГКЧП» = 400

☐ **Идти на митинг** — (9)

☐ **Срывать забастовку** — (109)

51

Секретарь райкома, услышав слово «митинг», сначала поморщился, но потом в его глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение. Наконец-то конкретика. Наконец-то можно не просто ждать.

– Митинг, – повторил он, как бы пробуя слово на вкус. – Дело хорошее. Народ должен знать, что мы не безмолвствуем. Но...

Он обвёл взглядом собравшихся. Пятнадцать человек. Пятнадцать растерянных, испуганных, но решительных лиц.

– Такие вещи надо уметь организовывать. Перво-наперво – как людей позвать? Радио

требует санкции горкома, а телевидение и кого повыше. Остаётся одно – листовки.

В комнате повисла тишина. Все думали об одном и том же.

– Хорошо бы, конечно, расклеить листовки во всех возможных местах, – продолжил секретарь. – У метро, у магазинов, у заводских проходных. Да только как их изготовить? Не руками же всё это писать!

Пожилая женщина, со значком, тихо сказала:

– А что, можно и руками. Я с внучкой напишу.

– Тридцать штук напишете, – отрезал секретарь. – А нам нужны сотни.

Молодой инженер, тот, что предлагал звонить в горком, подал голос:

– А можно попросить изготовить листовки в газетной типографии. У них же есть офсетные машины, бумага...

Секретарь посмотрел на него с выражением, которое трудно было назвать иначе, чем глубокая усталость от десятилетий, проведённых в кабинетах, где каждое слово нужно было взвешивать, а каждый шаг – согласовывать.

– Вы думаете, товарищ, что я не пробовал? Я звонил туда час назад. Директор типографии, – он сделал паузу, подбирая слова, – выразил сомнение в целесообразности печати агитационных материалов без санкции вышестоящих органов. Да и я, – он развёл руками, – лично свою подпись под таким заказом ставить не буду. Потому что если завтра всё переменится...

Он не договорил. Все поняли.

И тут в разговор вступил тихий, невысокий человек, которого вы до этого не замечали. Он сидел в углу, в потёртом пиджаке, с лицом вечного бухгалтера. Заговорил он негромко, но от его слов в комнате стало прохладно:

– А есть ещё один вариант. Типография «демократов». Та, что «Московские новости» печатала. Им сегодня прикрыли лавочку... Может, сейчас листовки против нас клепают... А тут и мы со своим текстом придём, скажем, что от «Демократической платформы».

Секретарь райкома болезненно скривился. Как будто проглотил лимон.

– То есть вы предлагаете – начал он и остановился, будто не мог выговорить, – притвориться... демократами? – он почти выплюнул это слово. – Чтобы напечатать листовки в поддержку ГКЧП? В их же типографии?

– А почему нет? – тихий человек пожал плечами. – Война есть война. Разведчики же в форму врага переодеваются.

Какой вариант поддержите вы? Всё же писать листовки вручную? Попытаться «уломать» официальные типографии? Притворившись «демократом» распечатать листовки у них?

☐ Писать вручную — (68)

☐ Печатать официально — (94)

☐ Притвориться «демократами» — (46)

Вы принимаете решение ехать в райком и выходите из дома. Город, вопреки тревожному утру, казалось, жил обычной жизнью. По улицам тянулись как всегда переполненные автобусы. Троллейбус, позванивая сочленениями, вползал на остановку. Люди с портфелями спешили на работу, подчиняясь давней привычке начинать день с того, что положено, а не с того, что хочется. Лишь присмотревшись, можно было заметить странность: некоторые из прохожих приколоты к одежде маленькие значки с портретом Горбачёва, выражая вероятно так свой молчаливый протест против ГКЧП.

Расстояние до райкома небольшое, несколько автобусных остановок. Вот уже и нужная. У серого трёхэтажного здания с вывеской «Райком КП РСФСР» Поляков встретил вас деловитым рукопожатием. Теперь он старался не подавать виду, что вы для него загадка. Кивнул, коротко бросил: «Пошли», – и вы вместе вошли внутрь.

Здание было пустынным. Обычно здесь толклись посетители, секретарши, курьеры. Сейчас коридоры эхом отзывались на каждый шаг. Пахло старым линолеумом, нагретым за лето, табачным дымом, въевшимся в стены за десятилетия, и чем-то ещё – то ли страхом, то ли затхлостью уходящей эпохи.

Вы шли за Поляковым по длинному коридору, мимо закрытых дверей с табличками: «Орготдел», «Агитпроп», «Общий отдел». Шли, и ловили себя на мысли, что начинаете сомневаться. Точно ли райком это лучшее место для человека без биографии, с навыками, которых у нормального советского программиста быть не может? Сильнее засветиться можно было разве что, напрямую обратившись в КГБ, чья работа – вычислять таких, как вы. В обоих случаях, если что-то пойдёт не так, вам ещё это припомнят. Не эти, так те.

Наконец, Поляков привёл вас в небольшой зал для собраний на втором этаже. В центре стоял длинный стол, накрытый зелёным сукном, какие в советских учреждениях называют «совещательными». Вдоль стены – выцветший от времени портрет Ленина, светлое пятно, оставшееся, видимо, после спешного снятия портрета Горбачёва, и карта СССР.

За столом уже сидели трое: мужчина в очках с толстыми стёклами, суетливо перебирающий бумаги; пожилая женщина со значком на груди и с красным от недавних слёз лицом; и сам секретарь райкома – грузный, седовласый, с тяжёлым подбородком и усталыми глазами человека, который понимает, что его время истекло.

○ Далее... — (131)

53

Вы подошли к ближайшему БТРу, где уже знакомый вам лейтенант курил, прислонившись к броне.

– Как связаться с начальством? – спросили вы.

Лейтенант посмотрел устало и кивнул на рацию, висевшую у него на поясе.

Через минуту вас уже соединили с дежурным полковником. Сам командующий частью разговаривать не захотел, то ли потому что отдыхал, пока не поступило приказов об активных действиях, то ли вы были для него слишком мелкой сошкой.

Голос в динамике был сухой, официальный, с той особенной интонацией, какая бывает у людей, которые привыкли отдавать приказы, а не выполнять просьбы.

– Товарищ полковник, – начали вы, стараясь говорить чётко и убедительно. – У нас здесь несколько тысяч человек, которые готовы стоять до конца. Но людям нужны палатки, иначе к утру они разойдутся. Вы как настоящий коммунист должны понимать, как важна наша демонстрация для победы ГКЧП.

– Понимаю, – ответил он наконец. И голос его стал чуть мягче, человечнее. – И сочувствую. Честно. Но помочь не могу.

– Почему?

– Приказа нет, – отрезал полковник. – Но может поступить. Так что не занимайте линию.

На этом связь оборвалась. Вы можете всё же обратиться в горком или попытаться связаться с другими воинскими частями.

☐ Горком — (39)

☐ Другие части — (212)

54

Вы приезжаете на завод за деталями. Там быстро выясняется, что вас никто там не ждёт, а названный начальником кабинет пуст. Наконец минут через сорок кто-то заходит. На возмущённые вопросы вы получаете такой ответ, что работать сейчас некому, все обсуждают одну новость – отстранение от власти Михаила Горбачёва и передача её загадочной ГКЧП. Внезапно вас осеняет – вот оказывается, что это были за танки, вот оказывается, почему в автобусах пассажиры ходили со значками Горбачёва. И вот оказывается, что за события, в которых надо было бы поучаствовать в этом мире. Однако это озарение позднее, вам остаётся только молча взирать на дальнейшее развитие событий...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

55

– Стойте! – скомандовали вы, поднимая руку. – Ждём!

Остальные демонстранты, как и в прошлый раз, подчинились и остановились, переминаясь с ноги на ногу. Адреналин ещё кипел в крови, кулаки сжимались сами собой. Но они слушались, видимо как-то понимая, что вы лучше других читаете обстановку.

Сзади, нутужно ревя двигателями, подтягивались бронемашины. Танки и БТРы двигались медленно, почти нехотя. Башни были развёрнуты вперёд, люки открыты, а автоматчики сидели на броне.

☐ **Далее...** — (176)

56

Почти на ощупь вы проходите до конца коридора. Судя по полоске света внизу, впереди дверь в помещение, в котором горит свеча. А может быть, лампочка накаливания. Войдёте в неё, или вернётесь по коридору к предыдущей двери? Или и вовсе пойдёте по нему в обратном направлении?

☐ **Войти** — (130)

☐ **Предыдущая дверь** — (100)

☐ **Пойти обратно** — (107)

Вы опустили руку, давая знак остановиться.

– Не надо, – сказали вы негромко, но так, чтобы услышали свои. – Хватит.

Поляков, стоявший рядом, тяжело дышал, вытирая со лба пот. Его пиджак был разорван под мышкой, галстук съехал набок.

Вы оглянулись на недавнее поле боя. Там, в узких проходах, переводила дух молодёжь. Кто-то перевязывал разбитую руку, кто-то просто сидел на корточках, привалившись к тёплой броне, и курил, жадно затягиваясь. Молодой парень из партшколы с удивлением разглядывал собственную ладонь, перепачканную кровью.

– Они выдохлись, – сказали вы Полякову. – И мы выдохлись. Если сейчас побежим вперёд, они опять будут давить числом.

Вскоре подошёл Лобанов и другие, и на импровизированном «военном совете» вы решили сделать что-то наподобие укрепленного лагеря. Работа закипела быстро. Люди, ещё недавно растерянные и напуганные, теперь знали, что делать. Они тащили всё, что попадалось под руку: обломки заборов, мусорные баки, доски, куски арматуры, брошенные плакаты. Бронемашины сдвинули плотнее, образовав подобие баррикады – кривой, ненадёжной, но хоть какой-то защиты.

Впрочем, пока баррикада оказалась не очень-то и нужной. Сторонники Ельцина уgomонились и относительно мирно митинговали у Белого дома. Иногда одиночки подходили к вашим и вступали в споры.

Солдаты, выбравшиеся из машин, курили в стороне, поглядывая на вашу работу с ленивым любопытством. Командиры, собравшись в кружок, о чём-то спорили, но не вмешивались.

К девяти вечера, когда на набережной зажглись фонари, значительная часть сторонников ГКЧП засобиравалась по домам. Вы сидели на подножке БТРа, сжимая в руке остывшую кружку с чаем. Поляков сел рядом, достал пачку «Космоса», закурил.

– Вариантов, по сути, два, – сказал он, выпуская дым в вечернее небо. – Первый: сделать так, чтобы о нашем митинге узнали все. Телевидение, радио, газеты. Чтобы утром люди проснулись и поняли – мы есть. Мы сила.

Он затаился, помолчал.

– Второй: остаться здесь. Не расходиться. Пусть видят – мы не ушли, мы ждём. По примеру тех, кто у Белого дома.

Что посоветуете Полякову?

☐ Первое — (87)

☐ Второе — (39)

58

– Соединяйте, – сказали вы твёрдо. – У меня чрезвычайные полномочия от горкома.

На том конце трубки почти не раздумывали.

– Мы горкому не подчиняемся, – сухо сказал генерал. – Пусть Прокофьев лично звонит Язову. А вы, товарищ, не морочьте мне голову.

Вы медленно положили трубку.

– Не вышло, – сказали вы. – Не поверили.

Поляков выругался – тихо, сквозь зубы. Потом взял себя в руки.

– Ладно, – сказал он. – Будем действовать по-другому...

○ Далее... — (159)

59

– Обороняемся! – скомандовали вы, и голос ваш, усталый, но твёрдый, прокатился над площадью. – Закрепляйтесь!

Люди, ещё минуту назад готовые рвануть вперёд, остановились. Кто-то с облегчением выдохнул, кто-то, наоборот, разочарованно махнул рукой. Работа закипела быстро. Баррикады, которые соорудили сторонники Белого дома, теперьгодились вам. Вы не стали их ломать – наоборот, укрепили, благо подручного материала защитники принесли много, нашлись и ящики, и доски, и мешки с песком. Часть материала вы разместили между бронемашинами, превратив занимаемый вами участок площади в настоящую крепость.

Противник не пытался атаковать, а только делал укрепления рядом с вашими.

К полуночи вас подозвал лейтенант и дал рацию. На связи был Лобанов. Пока вы не заметили, он, как оказалось, переместился в здание СЭВ и теперь настойчиво звал туда вас с Поляковым.

В кабинете, однако, во главе стола сидел не он, а седой офицер КГБ. А Лобанов и Александр Александрович сидели рядом с потерянным видом.

– У вас тут, я смотрю, настоящее сражение было, – сразу начал седой. Четверо убитых. Сто раненых. И это только по предварительным данным.

Он показал рукой в тёмное окно, и вы невольно поёжились. Седой старался говорить спокойно, но по тону чувствовалось, что он крайней раздражён.

– Кто вам вообще давал права командовать? Организатор митинга – это Лобанов. Он и должен говорить, кому и куда идти. А никак не секретарь первички НИИ. И уж тем более не беспартийный активист!

Тут он в ярости показал в вашу сторону.

– Но мы... начали было вы.

– Всё наш разговор закончен, подождите с Поляковым у двери кабинета.

На выходе вас уже взяли под руки – вежливо, но твёрдо. Ещё двое взяли Полякова.

Начальство, видимо, решило сделать из вас козлов отпущения. Вы уже знали, что инициативных здесь не любят. Особенно когда такая инициатива идёт не совсем по плану.

○ Далее... — (171)

В милиции вас ожидаемо приняли за обычных хулиганов. Никто не стал слушать объяснений – ни про поддержку ГКЧП, ни про митинг, ни про листовки. Седой майор в очках с толстыми стёклами, бегло просмотрев документы, только поморщился и отправил вас к остальным смутьянам. Пусть потом начальство разбирается, за красных вы или за «серо-буро-малиновых». Однако начальство не приехало ни сегодня, ни 20 числа.

Наконец утром 21 августа дверь открылась. Дежурный, тот самый, который вас запирали, стоял на пороге с выражением, которое трудно было назвать иначе, чем растерянность.

– Это вы про ГКЧП говорили? – сказал он.

– Да, мы, – ответил Поляков, поднимаясь.

Как оказалось, ГКЧП уже почти проиграло, а раз вы как-то связаны с политикой, то на всякий случай вас решили освободить.

У здания милиции вас уже триумфально встречает небольшая толпа людей, как мучеников за дело демократии. Однако вы, наверное, хотели несколько другого триумфа? Что ж, решительные и прямолинейные действия иногда дают успех, но чаще всего желательно всё-таки анализировать последствия своих поступков...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

Надежда умирает последней, и вы решили скопировать наброски и пройтись по тоннелям. Путь был неблизкий и часто пролегал через узкие технические коридоры. По пути вам попадались таинственные двери с аббревиатурами «МПС» и «ГО», в которые, однако, вы не решились зайти. Даже несмотря на карту, вы один раз повернули не туда, но потом всё же смогли выйти на верную дорогу.

И вот вы стоите в технической комнате, где находится гудящая машина непонятного назначения с рычажками и циферблатами, из которой в стену идёт толстый железный трос. Но это не главное. Главное, что в углу располагается маленький, но вполне проходимый светящийся портал! Не веря своему счастью, вы рванулись к нему...

Но нет. Невидимое поле не пускает вас. Видимо, придётся перейти к плану Б и всё же выбраться на поверхность.

○ Далее... — (43)

Если отбросить личные неудобства, то в целом Советский Союз, как вы его успели узнать за эти месяцы, был миром со своей логикой. Да, очереди. Да, дефицит. Да, бесконечные талоны и необходимость «доставать» всё. Но были и другие вещи, которые вы замечали с удивлением, а потом – с пониманием.

На улицах вы не видели бедных. Не было бомжей, замерзающих у теплотрасс. Не было детей-попрошаек. Не было стариков с протянутой рукой. В целом большинство жило вполне сносно и, как некоторые рассказывали, до «перестройки» было ещё лучше.

Вы почти не знали этот раздел мировой истории и могли только гадать о последствиях смены режима в СССР, но за свои странствия по мирам повидали достаточно. Везде, где рушилась старая система, на её место приходил хаос. Экономика падала. Люди беднели. Начинались войны – за ресурсы, за территории, за память. Вы видели, как процветающая страна превращалась в руины за год. Вы видели, как вчерашний сосед становился врагом.

И сейчас, глядя на карту СССР, вы делали выводы. Прибалтика. Грузия. Молдавия. Украина. Они собирались отделяться – это было видно по всему: по газетам, по разговорам, по той лихорадочной спешке, с которой местные элиты выводили свои активы из-под центрального контроля. А отделение в этом мире, как вы уже знали из опыта Югославии, означало одно: война.

Вы вспомнили сухие строки местных газет. Словения, Хорватия, Босния. Было понятно, что в СССР может быть то же самое. Карабах уже горел. Приднестровье тлело. А если Украина выйдет... что тогда с Крымом? С Донбассом? Вы не знали будущего. Но чутьё подсказывало – распад СССР пахнет большой кровью.

Конечно, на Западе ГКЧП назовут «путчистами», «заговорщиками», «реакционерами». Но вы также знали, что в другом большом социалистическом государстве, в Китае, партия повела себя твёрдо, и страна сохранила свой экономический рост, мир и стабильность. Хотя и с цензурой и ограничениями. Если ГКЧПисты смогут повести дело твёрдо и перенять опыт у китайских коллег, глядишь и с СССР ничего страшного не случится.

☐ Если отсутствует «Служебная/Уехал в НИИ»: **Далее...** — (82)

☐ Если отмечено «Служебная/Уехал в НИИ»: **Далее...** — (69)

Ручка повернулась легко, даже слишком легко – будто дверь только и ждала, что её откроют. Вы шагнули внутрь и замерли.

Комната была небольшой, метров двенадцать, не больше, с высокими потолками и одним окном у самого потолка, выходящим, судя по положению, во внутренний двор. На окне – толстая решётка с крупными ячейками.

За столом сидел человек. В милицейской форме – летней, рубашечной, с погонами, на которых блестели маленькие звёздочки. Лицо его было широким, мясистым, с тяжёлой нижней челюстью и маленькими, глубоко посаженными глазами. Перед ним на столе стоял старый «Горизонт» с выпуклым экраном. По телевизору, по-видимому, показывали балет.

При вашем появлении он поворачивается в вашу сторону и говорит: «старший лейтенант Петренко». Что вы ответите? Назовёте своё имя? Напрямую спросите, как попасть в наборный цех? Или скажите, что заблудились и не знаете, как выйти из здания?

- ☐ Представитесь — (143)
- ☐ Спросите прямо — (8)
- ☐ Скажите, что заблудились — (144)

64

Вы сели за свой компьютер, развернули распечатки, сделали вид, что погружены в работу. Клавиатура привычно откликалась под пальцами, монитор светился зелёным. Внешне – обычный рабочий день. Но каждый нерв был натянут, каждое слово, долетавшее из коридора, ловилось и анализировалось.

После вашего разговора Анатолий Сергеевич взял трубку внутреннего телефона.

– Алло? Это лаборатория 317. Скажите, директор на месте?.. А когда будет?.. Понял. Спасибо.

Положил трубку. Посмотрел на вас, на Светлану, на остальных.

– Директора нет, – сказал он тихо. – Уехал с утра. Где – неизвестно. Зам по науке тоже не отвечает. Телефоны молчат.

Светлана сидела бледная, теребя карандаш. Она была из тех, кто всегда держался в стороне от политики, но сейчас её трясло. В отделе было ещё трое. Молодой инженер, которого вы знали как сына военного, сидел с каменным лицом и что-то быстро писал в блокноте. Две лаборантки, женщины за сорок, сбились в углу и шептались, поглядывая на дверь. Время тянулось медленно.

Некоторое время вы ещё делали вид, что работали, пока не услышали, как дверь открылась. В лабораторию вошли трое.

Впереди – заместитель директора по безопасности Сорокин, майор КГБ. За ним – двое его подчинённых. Один в штатском, с портфелем, второй – в форме капитана (и он выходит в КГБ работал?!)

– Товарищи, – Сорокин обвёл взглядом комнату. – Не отвлекайтесь. Я просто хочу сказать несколько слов.

Он подождал, пока все поднимут головы.

– Вы уже знаете, что в стране создан Государственный комитет по чрезвычайному положению. Это временная мера, необходимая для наведения порядка и предотвращения распада Союза. Наш институт – стратегическое предприятие. Мы должны продолжать работу в штатном режиме.

Он сделал паузу.

– Но имеются и дополнительные задачи, для которых нужны активисты. Есть ли добровольцы?

- ☐ Вызовитесь — (45)
- ☐ Не станете — (178)

К назначенному времени Пушкинская площадь начала заполняться людьми. Вы пришли за час до начала – Поляков попросил помочь с организацией. У памятника поэту уже установили настоящую трибуну с микрофоном и колонками. Над площадью развевались красные флаги, несколько транспарантов с лозунгами: «ГКЧП – защитник страны!», «Союз нерушимый!», «Нет – развалу!».

Людей было много, несколько тысяч. Не сравнить с демонстрациями у Белого дома, где, по слухам, собралось уже больше ста тысяч. Но здесь, на Пушкинской, толпа была плотной, организованной. Люди пришли не случайно – их привели с предприятий, из институтов, из райкомов. Многие держали самодельные плакаты, кто-то пришёл с семьями. Милиция стояла по периметру, но держалась нейтрально – видимо, получила указания не вмешиваться.

Вы заметили в штабе знакомые лица Лобанова, Громова и Полякова.

Поляков подошёл к вам, когда вы оглядывали площадь.

– Неплохо, – сказал он, и в голосе его слышалась гордость. – Семь райкомов, три института, два завода. И это только начало.

Он посмотрел на трибуну.

– Сейчас выступит заведующий сектором. Потом – Громов. Потом – представители заводов. А потом и мне слово дадут. Давай обсудим тактику. Надо что-то делать дальше. К вечеру «демократы» усилят давление, даже если наши митинг покажут по центральному телевидению, это не поможет.

Тем временем уже начал выступать Лобанов.

– Сегодня у Белого дома собрались те, кто хочет разрушить нашу страну, – сказал он. – А мы здесь, на Пушкинской, собрались, чтобы сказать: мы не дадим! Мы – народ! Мы – сила! И мы победим!

Вы и сами понимали, что надо что-то делать. Можно было бы выдвинуться к Белому дому сразу же. Да, вас мало, но вы сможете вдохновить солдат там, показать, что хоть кто-то их поддерживает. С другой стороны, хорошо бы использовать этот митинг, образец для всей страны. Пусть «демократы» в Москве митингуют, но если показать, что по всей стране сторонников ГКЧП больше, то возможно им придётся сдаться. Наконец, можно повести народ к горкому. Пора уже властям самим брать ситуацию в свои руки!

 «Ельцин» = 60000, «1991: 08» = 20

☐ Идти к Белому дому — (95)

☐ Организовывать митинги по всей стране — (44)

☐ Идти к горкому — (79)

66

Вы долго поднимаетесь по лестнице. Ступени противно скрипят, и вы уже боитесь, что они не выдержат веса всех троих, но в итоге всё оканчивается благополучно, и вы открываете люк в полу и оказываетесь в проходной здания редакции.

Вахтёрша лет пятидесяти опускает голову и окидывает вас долгим, оценивающим взглядом. По-видимому, вы совершенно не похожи на технических работников здания, тем более что на вас даже нет соответствующей формы. Поэтому надо что-то решать, и как можно быстрее.

Самым разумным было бы признать поражение и выйти из здания. Но можно набраться смелости и напрямую спросить, как попасть в наборный цех. Наконец, можно так же молча влезть с люк обратно, пока вахтёрша ещё окончательно не поняла, что происходит.

- ☐ **Выйти из здания — (18)**
- ☐ **Спросить про наборный цех — (146)**
- ☐ **Залезть обратно — (194)**

67

– Мы по ошибке не на тот этаж спустились, – сказали вы, стараясь, чтобы голос звучал как можно более непринуждённо. – Потом вниз пошли и совсем заблудились. Нас бы к лифту отвести.

Охранники переглянулись и повисла долгая пауза.

– А вы откуда вообще? – Наконец сказал средний.

– Из вычислительного отдела. Новенькие.

Трудно сказать, что их убедило, однако через несколько минут вы оказались в том самом месте, откуда начали своё незадачливое путешествие. Проводив вас, охранник скрывается за правой дверью около лестниц. Вам, очевидно, ходить туда не следует. Опять спускаться вниз тоже не дело, поэтому остаётся или подняться по лестнице наверх или попробовать открыть дверь слева.

- ☐ **Лестница наверх — (133)**
- ☐ **Дверь слева — (137)**

68

Женщина со значком вытерла глаза, достала из сумки очки в металлической оправе – такие носили учительницы и библиотекари, – и спросила: «Бумага есть?» Бумага нашлась. В шкафу, где хранились бланки учёта и отчётности, лежали несколько пачек серовой и рыхлой писчей бумаги. На такой в советских учреждениях обычно писали отчёты, заявления и объяснительные.

Внезапно секретарь опять попросил внимания:

– Времени у нас немного и на всё сил не хватит. Надо решить: либо делать много коротких объявлений, чтобы расклеить их повсюду, либо сделать немного, но подробных, и вывесить в самых людных местах.

Как же быть? Написать кратко, ручкой «Митинг. В 19:00. У завода "Радиоприбор"»? Или нарисовать полноценные плакаты, благо, что в райкоме имеются фломастеры и ватман?

Если отмечено «Служебная/Задание от райкома»: Вам уже пора уходить, поэтому вы получите слово первым.

- ☐ Написать кратко — (185)
- ☐ Нарисовать плакаты — (183)

69

И что теперь?

Вы могли бы действовать активно. Позвонить знакомым в другие отделы, выйти в коридор, прислушаться к разговорам, попытаться понять, кто на чьей стороне, и предложить помощь тем, кто близок по духу.

А могли бы просто ждать. Наблюдать. Слушать. В конце концов, вы здесь чужой, и ваше дело – не спасать этот мир, а просто не попасться и приносить людям пользу, как вы это успешно делали раньше. Рано или поздно кто-то из начальства примет решение и даст указания. А вы будете их выполнять. Или сделаете вид, что выполняете.

- ☐ Действовать активно — (157)
- ☐ Просто наблюдать — (64)

70

Вы смотрели, как редактор, довольный собой, отдаёт распоряжения наборщикам и как те, кивая, исчезают за дверью типографского цеха. Евгений сидел мрачнее тучи, не понимая, как могут помочь листовки с таким содержанием. Но вы уже сообразили, как победить в этом раунде и придя в райком, тут же обрезааете нижнюю часть одной из листовок и показываете получившийся образец. Получаются краткое объявление, вполне пригодное для дальнейшего распространения.

 «ГКЧП» = 450

- ☐ Далее — (215)

– Баррикады не помогут, – сказали вы, глядя, как сотрудники телецентра тащат к дверям тяжёлые стойки и ящики. – Толпу ими не остановить. Надо закрепиться наверху.

– На втором этаже? – спросил Поляков.

– Да. Лестницы – самое узкое место. Если их забаррикадировать, сможем держать оборону.

Работа закипела с новой силой. Люди – операторы, режиссёры, осветители – тащили на второй этаж всё, что могло пригодиться: мебель, кабельные бухты, аппаратуру. Солдаты, получив приказ, заняли позиции у лестничных маршей.

Вы успели вовремя.

Первые удары сотрясли здание. Толпа, ворвавшаяся на первый этаж, крушила всё на своём пути. Стекла летели, двери трескали, кто-то кричал, кто-то бил ломami по стенам.

– Наверх! – закричали снизу. – Там они!

Но лестницы были забаррикадированы надёжно. Мебель, ящики, тяжёлые стойки – всё это держало напор. Люди, пытавшиеся прорваться, натыкались на солдат с автоматами.

– Стоять! – крикнул капитан. – Дальше – стреляем!

Толпа замерла на секунду, но тут же напирала снова.

Лифты вы успели отогнать наверх. Теперь они висели где-то между этажами, недостижимые для штурмующих.

– Держимся! – крикнули вы, перекрывая шум.

Но радоваться было рано.

С улицы донёсся новый звук – рёв моторов, лязг гусениц. Вы выглянули в окно и похолодели.

Пожарные машины. Три, нет, пять. Они подъезжали к зданию, разворачивая лестницы. Скорее всего, их пригнал враждебный вам Моссовет.

Что делать? Расстрелять пожарные машины, чтобы они не смогли подъехать? Или послать солдат охранять окна?

☐ **Расстрелять машины — (127)**

☐ **Охранять окна — (180)**

72

Поляков шагнул первым, следом полезли вы, а потом и инженер. Лестница при этом скрипела, но вроде как терпела. Вы прошли три ступеньки

– Кажется, за стеной рабочие разговаривают, – сказал Поляков, оглядываясь.

И в этот момент лестница подломилась.

Звук был страшным – сухой, трескучий, как выстрел. Вы не сразу поняли, что случилось: просто почувствовали, как ступень под ногой провалилась в пустоту, тело потеряло опору, а мир перевернулся.

К счастью, вы упали на инженера и отделались (как и он) лёгким испугом. Полякову повезло гораздо меньше, и теперь он стонал, неестественно вывернув ногу. Лицо его было белым, как бумага, глаза закатились.

– Надо его в больницу, – сказал инженер. – Срочно.

Вы кивнули. Наборный цех, митинг, ГКЧП – всё это вдруг стало неважным, далёким, ненастоящим. Перед вами был живой человек со сломанной ногой, и его нужно было спасти...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

73

Через некоторое время вы доходите до заветной лестницы наверх и спешите подняться навстречу дневному свету...

○ Далее... — (163)

74

Вы переглянулись с Поляковым. Тот, кажется, понял всё без слов – его лицо побледнело, но он едва заметно кивнул. Инженер, стоявший у двери, замер, не зная, что делать.

Когда вы с Поляковым, словно по команде, бросились на милиционера, он даже не успел вскрикнуть. Вы схватили его за руки, Поляков за ноги, и через несколько секунд старший лейтенант уже лежал на полу, прижатый вашим весом.

– Тихо, – прошипели вы ему в ухо. – Мы не хотим вам вредить. Нам просто нужно...

Вы не договорили. Потому что в этот момент милиционер, вырвался и, извернувшись, дотянулся до стола. Его пальцы, короткие и сильные, нащупали маленькую красную кнопку, спрятанную под столешницей. И нажали. Раздался пронзительный звук сирены, от которого заложило уши.

– Твою мать, – выдохнул Поляков, отпуская милиционера.

Но было поздно. Дверь распахнулась и в кабинет ворвались двое.

– Они, – старший лейтенант, поднимаясь с пола, трясущейся рукой указал на вас. – Эти... Эти пытались меня убить!

Вас быстро и умело скрутили и отдали милиционерам.

75

Вскоре враждебную толпу видит и выступающий.

– Не отступаем! – кричит он в микрофон. – Провокаторы не пройдут!

Со стороны сторонников ГКЧП раздались одобрительные крики. Молодые стали пробираться к наступающим «демократам», сжимая кулаки, но вскоре стало видно, что они не успевают к месту «боя».

Через несколько секунд первые ряды нападающих столкнулись с митингующими. Вы видели, как одна женщина закричала – пронзительно, на одной ноте. Пожилой мужчина в кепке с разбитым лицом отползал в сторону, зажимая рукой окровавленный нос. Молодые пытались держаться. Они отбивались плакатами, кулаками и всем, что имелось под рукой. Но их было слишком мало и бой быстро превратился в избиение.

Всё кончилось быстро. Минут через десять, а может, через пятнадцать – сторонников ГКЧП уже не было на площади. Кто-то убежал сам, кого-то увели, кого-то унесли – на руках, на носилках, в машинах «скорой помощи»...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

76

Вы шагнули внутрь и замерли. Это был наборный цех.

Вы узнали его сразу – по запаху типографской краски и горячего металла, по характерному, ровному гулу работающих машин, по высоким потолкам, под которыми висели огромные лампы, заливавшие помещение белым, стерильным светом. Вдалеке, за прозрачными перегородками, виднелись линотипы – те самые, которые набирали газетные полосы.

– Ну вот, – выдохнул Поляков за спиной. – Кажется, дошли.

Но радость оказалась преждевременной.

Из-за угла выросла фигура в форме. Охранник – широкоплечий, с тяжёлой челюстью и маленькими, колючими глазами, которые смотрели так, будто вы уже были виноваты во всех смертных грехах. За его спиной маячил второй, такой же массивный, с такой же тяжёлой челюстью.

– Стоп, – сказал первый, поднимая руку. – Дальше нельзя.

После чего охрана, не увидев пропуска выгоняет вас не только из цеха, но и из здания редакции. Остаётся только радоваться, что вас не посадили в тюрьму, как хулиганов.

К половине седьмого вечера вы уже были рядом с Белым домом. Конечно, к самому Белому дому вашим пробраться не удалось. Все подходы прочно удерживали сторонники Ельцина. Их было много, по слухам, до шестидесяти тысяч, а может, и все восемьдесят. Они стояли плотно, плечом к плечу, и в их глазах читалась решимость, граничащая с ожесточением.

Сторонники ГКЧП постепенно подходили на Проспект Калинина рядом со зданием СЭВ. Конечно, ваш митинг было не сравнить с тем, что был у «противника», но уже подошло несколько тысяч, и люди всё прибывали. Везде были красные флаги, плакаты, транспаранты. Гул многотысячной толпы стоял в воздухе плотной, осязаемой волной. В общем, если не смотреть в сторону Белого дома, начало можно было бы считать успешным.

Неподалёку от вас замерли серые коробки бронетехники. Танки и БТРы пригнали сюда ещё утром, но так и не дали чёткого приказа: то ли охранять Белый дом, то ли брать его штурмом. Солдаты сидели на броне, курили, переговаривались вполголоса. Командиры хмуро смотрели на часы, на карты, на бесконечную толпу сторонников Ельцина и на вашу «группу поддержки».

Вы пробились к трибуне, где уже заканчивали устанавливать звуковую аппаратуру. В этот раз она уже выглядела солидно. Лобанов, как видно, уже не стеснялся направлять все ресурсы сектора на организацию митинга.

Ровно в 19:00 всё начинается. Юрий Поляков, как и раньше, выступает страстно и зажигательно, и постепенно подчиняет себе аудиторию. Довольно смело выступает и Лобанов. В толпе многие были настроены ещё более радикально. Вы слышали крики «Позор ельцинистам!», «Долой предателя Горбачёва!», «Развал страны не пройдёт!» и многие другие. Вы уже думаете, как бы сделать так, чтобы митинг не закончился простым «спусканием пара», как вдруг видите, что часть сторонников Ельцина неожиданно сдвигается с места и крича свои лозунги, медленно приближается к вам. Постепенно к идущим присоединяется всё больше людей. Расстояние между двумя митингами небольшое, и решать надо немедленно.

 (Если в наличии 10000 «Сила митинга/ГКЧП», но отсутствует 15000 «Сила митинга/ГКЧП»: достигнута точка сохранения), (Если в наличии 15000 «Сила митинга/ГКЧП»: достигнута точка сохранения)

- ☐ Продолжить митинг — (75)
- ☐ Отступить за бронетехнику — (33)

Коридор тянется ещё долго, или только кажется, что долго. Но, наконец, вы подходите к лестничной клетке, в которой лестница ведёт только вверх. Вы поднимаетесь по ней и обнаруживаете себя... на том месте, откуда начали путешествие в подвал.

– Вот чёрт, – выдохнул инженер, оглядываясь.

Вы промолчали. Но внутри поднималась глухая, тяжёлая усталость – не столько физическая, сколько от осознания того, что время потрачено зря, что листовки так и лежат в папке неразмноженными, что митинг, ради которого всё затевалось, скоро начнётся, а вы – здесь, в лабиринте, из которого нет выхода. Может плюнуть на всё, и пойти уже помогать своим в райкоме? Если же признать поражение не хочется, можно попробовать три другие дороги от лифта.

- ☐ По лестнице вверх — (133)

- В левую дверь — (137)
- В правую дверь — (63)
- Вернуться райком — (18)

79

Слово дали Полякову.

– Товарищи! – уверенно начал он. – Москвичи сказали своё слово! Народ с армией, народ с ГКЧП!

В толпе раздались одобрительные выкрики.

– Партия – это наш рулевой! Поэтому я предлагаю сейчас же пойти к горкому. Пусть коммунисты возглавят нас, и мы решительным образом выметем всю нечисть с улиц Москвы!

Лозунг подхватили мгновенно. Люди, ещё недавно слушавшие речи, зашевелились, подхватили флаги, плакаты. Лобанов, который поначалу сильно возражал против такой идеи, теперь, казалось, окончательно убедился в её правоте и взялся руководить процессом.

У здания горкома на Старой площади стояло несколько милиционеров, растерянно переминавшихся с ноги на ногу. Лобанов быстро показал пропуск и прошмыгнул в здание.

Тем временем толпа накалялась.

– Выходите! – кричали оттуда. – Хватит прятаться!

– Мы вашу власть защищаем, а вы?

Поляков и другие тем временем начали выступать, чтобы до поры до времени отвлечь народ от необдуманных действий.

Наконец, через полчаса на балконе кто-то появляется.

– Товарищи! – сказал он, поднимая руку. – Горком знает о ваших требованиях. Мы понимаем вашу тревогу и разделяем её.

Толпа затихла.

– Горком поддерживает волю народа, – продолжал он, и голос его, усиленный мегафоном, прокатился над площадью. – Мы требуем решительных действий. Поэтому горком сегодня же в 19:00 назначает новый митинг у Белого дома. Покажем армии, что народ её поддерживает!

– Времени мало, товарищи – продолжил он. Вам будет дан допуск на все предприятия Москвы. Идите, и убедите всех, кого можете, участвовать в новом митинге!

Толпа разразилась бурными аплодисментами и одобрительными выкриками.

Он перевёл дыхание, посмотрел на часы.

– Время пошло.

Толпа, ещё минуту назад стоявшая плотной стеной, начала рассасываться. Кто-то шёл к метро, кто-то – к остановкам автобусов, на ходу сворачивая плакаты. Вам тоже предстояло многое сделать за эти часы.

○ Далее..., ✎ «А» = 5, умножить «ГКЧП» на «А» — (77)

80

Почитав газету, вы решили продолжить осмотр помещения. Под столом лежало несколько пустых консервных банок. На столе, кроме газеты, лежали листы, на которых довольно подробно были нанесены схемы коллекторов около московской станции «Цветной бульвар» (где вы, по-видимому, и находились) и «Библиотека им. Ленина».

Внимание быстро привлёк кружок с пометкой «Артефакт. Стабилен. Колебания воздуха. Поле не пускает». По расположению это явно был портал, через который вы вошли! Значит, точка входа образовалась здесь не сегодня и уже привлекла внимание местных диггеров!

На другом листе, около станции «Библиотека им. Ленина», вы обнаруживаете несколько другую пометку. «Артефакт? Никак не себя не проявляет». Вполне возможно, это и есть портал выхода.

Неужели удача так быстро вам улыбнулась? По своему опыту вы понимаете, что вряд ли. Судя по пометке, диггеры просто нашли инородный объект, который никак себя не проявляет и не работает как портал. А чтобы он заработал, нужно будет опять совершить какой-то «подвиг». Тем не менее, возможно имеет смысл всё же сходить к соседней станции метро. Если же вы считаете это пустой тратой времени, то пора выбираться на поверхность и начинать исследование мира.

- ☐ На соседнюю станцию — (61)
- ☐ Выбраться на поверхность — (43)

81

Вы неспеша заканчиваете завтрак, выходите из дома, садитесь в автобус, гасите талон компостером и готовитесь к началу обычного рабочего дня. За окном привычно мелькает меняющийся пейзаж, из открытой форточки доносится шум города. Вы поворачиваетесь к стоящим в автобусе пассажирам. Тоже ничего странного не видно, обычные советские люди. Хотя нет, внимательный глаз различает необычного вида граждан, на одежде которых виднеются значки с портретом Горбачёва. Это надо же, думаете вы, неужели к нему вернулась былая популярность? Вроде и «красные» против него и «белые», ан нет, вот пожалуйста в одном автобусе нашлось несколько активных сторонников. Удивляясь про себя, вы доходите до здания НИИ, а затем бодрым шагом входите в лабораторию.

Начальник уже на месте. Вы обмениваетесь рукопожатиями, и он жестом приглашает сесть за его стол. Дело, порученное вам, состоит в следующем – необходимо срочно выехать в область за деталями, которые удалось наконец-то «выбить» для всего НИИ. Если не успеть, то отгрузят только в порядке общей очереди, в декабре.

Вы уже было готовитесь встать, как помещение входит Светлана и возбуждённым голосом говорит, что, идя на работу видела на улице несколько танков. Начальник успокаивает её, типа ничего, обычные манёвры. Они уже в прошлом году непонятно зачем водили танки по Москве, и сейчас дурью мучаются. Вам же чутьё подсказывает, что это не спроста. Включить радио, послушать, что происходит? Или всё же ехать за деталями, а то опоздаешь – подведёшь лабораторию. А новости можно и на месте узнать.

✓ «Уехал в НИИ»

- ☐ Включить радио — (156)
- ☐ Ехать за деталями — (54)

82

Вы встали. Решение должно быть быстрым. Есть два способа действовать, если хотите поддержать тех, кто пытается сохранить Союз.

Первый – осторожный. Ваш институт – гражданское учреждение, но у него есть связи с военно-промышленным комплексом. Там работают люди, которые помнят старые порядки и, возможно, сейчас лихорадочно решают, на чьей они стороне. Можно пойти туда, поговорить, предложить свои знания. Но и тут есть риск: среди многих вы имеете репутацию почти что шпиона. Будет странным, если так называемый «специалист по западным ЭВМ» вдруг начнёт сколачивать группу сторонников ГКЧП.

Второй – более прямой. Секретарь первичной парторганизации НИИ всегда казался тихим и неприметным. Но именно такие люди сейчас, возможно, знают больше всех. Он-то уж сможет направить вашу энергию в нужное русло. Но с другой стороны, он знает куда больше нестыковок в вашей биографии, чем остальные.

- ☐ **Пойти на работу — (36)**
- ☐ **Позвонить секретарю первички — (177)**

83

Вы шагнули в служебный проход. Здесь было темно – свет из основного зала сюда проникал с трудом, а выключатель вы так и не смогли найти. В центре помещения темнел огромный посудомоечный агрегат. Пахло здесь мылом, хлоркой и чем-то кислым. В соседнем помещении угадывались контуры промышленных котлов – таких, в которых варят супы и каши на сотни человек.

В глубине кухни, вы увидели лестницу. Железную, узкую, с перилами, обмотанными изоляцией. Она уходила вниз – в темноту, откуда тянуло холодом и запахом сырого бетона. По ней, наверное, доставляли продукты со склада. С другой стороны кухни виднелась дверь – деревянная, крашеная бледно-зелёной краской.

Поляков огляделся, поёжился.

– И куда теперь? – спросил он.

Вы задумались. Идея о потайном ходе из наборного цеха в столовую звучала абсурдно, но, с другой стороны, в этом лабиринте всё было возможно.

- ☐ **Зайдёте в дверь — (201)**
- ☐ **Спуститесь по лестнице — (103)**
- ☐ **Вернётесь назад — (42)**

84

– Нет, – сказали вы твёрдо. – Не пропустим.

Полковник посмотрел на вас долгим, тяжёлым взглядом. Потом перевёл его на Полякова, потом на офицеров, сидевших рядом.

– Вы понимаете, чем это грозит? – спросил он тихо.

– Понимаем, – ответили вы.

Вы даже не успели опомниться, как вас схватили под руки. Полякова – тоже. Солдаты, которые ещё минуту назад слушали ваши речи, теперь стояли в стороне, опустив глаза. Вас увели в сторону, затолкали в БТР. Через щель в броне вы видели, как мотопехота разбирает баррикаду. Мешки с песком летели в стороны, доски ломались, железо со скрежетом оттаскивали к обочине.

Ваши люди стояли молча. Кто-то плакал, кто-то сжимал кулаки, но никто уже не бросился им мешать. Ведь это были их, советские солдаты. К утру отступление завершилось. Бронетехника покинула город. Ваш палаточный городок, баррикады, флаги – всё осталось позади.

Проехав пару километров, военные остановили бронемашину и вытолкали вас на улицу без всяких объяснений, вероятно даже не включив происшествие в свой рапорт. Теперь ничто не помешает вернуться в райком и посмотреть по телевизору падение ГКЧП...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

85

Впереди оказался ещё один склад – тесный, забитый коробками до самого потолка и только узкие, извилистые проходы позволяют хоть как-то перемещаться по нему. Пахнет пылью и старыми газетами.

Прямо напротив, за штабелем коробок, виднелась дверь – деревянная, крашенная тёмно-коричневой краской, с потёртой ручкой и табличкой, на которой ничего нельзя было разобрать. А слева, куда-то отходил маленький узкий коридорчик, по которому вы могли пройти только друг за другом.

○ **Пойдёте в коридорчик — (128)**

○ **Откроете дверь — (115)**

Кабинет был небольшим, с высокими потолками и тяжёлыми порттьерами на окнах, сквозь которые почти не проходил свет. На столе – ровная стопка бумаг, настольная лампа с зелёным абажуром, чернильница, в которую, наверное, никто не заглядывал со времён чернильных ручек. На стенах – портреты классиков марксизма-ленинизма и несколько дипломов в рамках под стеклом.

За столом сидел мужчина. Лет пятидесяти, плотный, с тяжёлым подбородком и маленькими, глубоко посаженными глазами, которые смотрели на вас с выражением, не предвещавшим ничего хорошего. Он читал какой-то документ – крупный, с красной шапкой, – и когда вы вошли, не поднял головы сразу.

– Вы кто? – спросил он, не поднимая глаз. Голос был низким, с хрипотцой, как у человека, который много курит и много говорит. Или, может быть, просто много приказывает. – Вы ко мне? По какому вопросу?

Вы замерли в дверях. Поляков за спиной тоже остановился, и вы почувствовали, как он задержал дыхание.

– Мы тут заблудились... – начали вы и запнулись, так как сами поняли, как глупо это звучит. «Заблудились» в коридоре, который идёт прямо, без поворотов? «Заблудились» на третьем этаже здания с жёсткой пропускной системой?

Впрочем чиновник, покрутив пальцем у виска, поступает с вами довольно мягко и не вызывает охрану, а даже лично проводит вас до лифта и сажает в него, бормоча при этом что-то про срочное совещание

○ Далее... — (18)

– Звоните на телевидение, – сказали вы. – Пусть покажут митинг. Вся страна должна знать, что мы есть.

Поляков усомнился, но спорить не стал. Звонки в редакции, долгие уговоры, обещания, просьбы. В итоге почти все газеты и радиостанции оповещают о прошедшем митинге.

Даже по центральному телевидению утром диктор ровным голосом сообщал, что «сторонники ГКЧП проводят манифестацию в центре Москвы, призывая к стабильности и порядку».

Однако было уже поздно. Вечером те, кто был с вами, устали. Палаток не было, спали на голом асфальте, прижавшись друг к другу. К ночи от нескольких тысяч осталась жалкая горстка – человек сто, не больше...

...Они пришли в три часа, причём с той стороны, где вы не ждали. И это была не толпа, а несколько сотен самых боеспособных сторонников Ельцина, с цепями и резиновыми «демократизаторами». Они шли тихо, не издавая не звука. Несмотря на тревогу, поднятую часовыми, многие из ваших людей, спавшие на асфальте, не успели даже подняться.

Не сказать, что избиение было жёстким и окончилось большой кровью. Но подступы к Белому дому вы потеряли. В ГКЧП, узнав о разгроме, не решились на штурм. Ночью, под покровом темноты, технику вывели из города, а днём Язов и Крючков уже летели в Форос, отдавать власть обратно Горбачёву...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

– Мы должны заявить о своей позиции, – сказали вы Громову. – И выйти на связь с теми, кто реально может организовать поддержку. Надо в общем райком звонить, тем более там уже наш секретарь Поляков сидит.

Громов и его спутники закивали. Но кто будет звонить? Кто возьмёт на себя ответственность? Вы по понятным причинам этого сделать не могли, так как должны были пойти к Полякову, а сами пошли на работу. Наконец, этот вопрос был улажен, Громов согласился позвонить, и даже отметить вашу помощь. Это качество у некоторых советских людей особенно вас удивляло. В иных мирах большинство бы и не подумало прикрывать малознакомого человека в такой ситуации.

Как выяснилось, в райкоме уже начали действовать, и довольно грамотно, организовав на 19:00 митинг и даже достав листовки с призывом пойти на него. Самое интересное, что листовки удалось распечатать в типографии «демократов». Половину листа, правда, занимала надпись «диктатура не пройдёт» и теперь, райкомовцы занимались тем, что лихорадочно это исправляли, чтобы потом расклеить листовки во все места, до которых удастся дотянуться.

Вы спешно едете в райком, чтобы помочь им в этом нелёгком деле. Секретарь райкома, Александр Александрович, быстро здоровается с вами и приглашает сесть рядом с Поляковым.

 «ГКЧП» = 450

☐ Далее... — (215)

89

– Дайте нам полчаса, – сказали вы, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё кипело. – Люди разгорячены. Проведём короткий митинг, спустим пар. А потом я сам призову их разойтись.

Полковник посмотрел на вас с подозрением. Его глаза – маленькие, глубоко посаженные – изучали ваше лицо, будто пытались прочесть мысли.

– Полчаса? – переспросил он.

– Тридцать минут, – подтвердили вы. – И мы уйдём.

Он помолчал, потом вздохнул – тяжело, нехотя.

– Ладно. Полчаса. Но если вы обманете – пеняйте на себя.

Теперь встаёт вопрос, как использовать это время. Попытайтесь втравить войска в потасовку с «демократами» помимо их воли? Или действительно проведёте митинг и попытаетесь «разагитировать» вновь подошедших солдат.

☐ Потасовка с «демократами» — (10)

☐ Агитация — (91)

90

Секретарь райкома объявил «свободный микрофон», и народ потянулся к трибуне. Сначала шли робко, с оглядкой, будто боялись, что их освищут. Но когда первые слова встретили одобрительными кивками и редкими хлопками, очередь выстроилась сама собой. Люди, в основном благодарят за проведение митинга, и задают малозначительные вопросы, но вдруг один невысокий пожилой человек говорит нечто интересное.

– Я сегодня утром к метро ходил. У входа листовка висела. Не наша, – он кивнул в сторону трибуны, – а демократов. И там написано было, что Ельцин до Белого дома добрался. На танк залез. И зачитал заявление. В двенадцать часов. Прямо перед телекамерами.

Похоже, пока вы тут поднимали один район, противники ГКЧП уже играют по-крупному. Значит и вам надо удвоить усилия. Можно в том же составе прямо сейчас, пока демократы не очухались, пойти к Белому Дому. Тогда весь мир увидит, что у ГКЧП тоже много сторонников. Либо отложить дело на завтра и тогда уж привести к Белому дому всю Москву. Ещё можно попытаться сорвать всеобщую забастовку, к которой призывает Ельцин, создав на предприятиях антизабастовочные комитеты. А уж митингующих «демократов» и без вас разгонят.

- ☐ **Пойти к Белому дому — (123)**
- ☐ **Готовить «большой» митинг**, ☒ «Митинг у белого дома» — **(153)**
- ☐ **Срывать забастовку — (202)**

91

– Товарищи! – крикнули вы, обращаясь к солдатам, которые только что подошли с подкреплением. – Вы нужны стране! Вы нужны Союзу! Не дайте развалить то, за что проливали кровь наши отцы и деды!

Правда, лично ваши отцы и деды проливали кровь совсем за другое, но сейчас было не то время и не то место, чтобы заострять на этом внимание.

Солдаты слушали. Кто-то кивал, кто-то, наоборот, отворачивался. Молодые парни в форме, переглядывались, пожимали плечами. Офицеры сидели с каменными лицами, не выдавая эмоций.

Потом выступил Поляков. Было видно, что какое-то действие агитация приносит, однако всё же вы не вполне уверены, что солдаты откажутся выполнять приказ об отступлении.

Оставалось ещё 10 минут, и надо было что-то решать. То ли теперь-то уж отказываться пропустить солдат, то ли всё же вернуться к плану потасовки с «демократами».

- ☐ **Отказаться пропустить — (84)**
- ☐ **Потасовка с «демократами» — (10)**

– Вперёд! – крикнули вы, разгорячённая толпа, хлынула к дверям Белого дома.

Люди бежали, не чувствуя ног. Кто-то сжимал в руках палки, кто-то – пустые бутылки, кто-то – просто кулаки. Им казалось, что победа уже в кармане, что осталось только войти, схватить, закончить.

Вы бежали в первых рядах. Рядом – Поляков, с окровавленной бровью. Сзади – сотни ваших сторонников, те, кто не сдался, кто верил, кто шёл до конца.

Только вот вы забыли, что сторонники Ельцина до зубов вооружены. Однако трудно требовать от них такой же забывчивости. Как только толпа начинает врывать в Белый дом, раздаются выстрелы.

Первая очередь уложила троих – тех, кто был впереди. Они упали, даже не вскрикнув, просто осели на асфальт, как подкошенные. Вторая – ещё пятерых.

– Ложись! – крикнул кто-то, но было поздно.

Пули летели из окон, и даже из дверей. Вооружённые «демократы», те самые, кто ещё минуту назад казался разбитым, били наверняка. Они били точно, метко и беспощадно.

Вы почувствовали удар. Сначала – просто толчок, будто кто-то сильно ударил в грудь. Потом – жар, разливающийся по телу. Потом – боль. Ослепительная, всепоглощающая. В последний миг, уже теряя сознание, вы увидели, как бронемашины разворачиваются к Белому дому, как солдаты, наконец получив приказ, идут на штурм.

Вскоре войска, верные ГКЧП, подавят мятежников. Белый дом возьмут. Ельцина арестуют и будут судить. Но вам от этого уже не легче...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

Коридор оказался длинным и извилистым – он несколько раз поворачивал, петлял, будто пытался запутать вас окончательно. Минут через десять, или только казалось, что через десять, коридор повернул направо. Вы пошли по новому направлению, и вскоре впереди показалась деревянная лестница – старая, разохшаяся, с перилами, которые, наверное, помнили ещё довоенные времена. Лестница гостеприимно звала наверх.

☐ Подниметесь по ней — (72)

☐ Пойдёте дальше — (2)

Вы вошли в здание газеты «Правда» вместе с Поляковым и молодым инженером, который, собственно, и подал идею печататься официально. У инженера здесь работал знакомый, потомственный наборщик, дед которого, по слухам, помнил ещё времена, когда «Правду» подпольно печатали с матриц, привезённых из-за границы. Старик должен был провести вас внутрь, минуя лишние вопросы. И провёл – молча, только кивнул на проходную, где охранник, мельком глянув на пропуск, махнул рукой: «Проходи, раз с Палычем».

Он же подробно рассказал, как пройти в кабинет нужного начальника на втором этаже. Дальше пришлось действовать самим. Начальник с необычной фамилией Селезнёв оказался мужчиной лет сорока пяти, в строгом тёмно-синем костюме с галстуком. Лицо его было деловым и сосредоточенным, как у человека, который уже всё видел и ничему не удивляется. Он выслушал Полякова, не перебивая, пододвинул к себе какие-то бумаги, полистал, потом поднял глаза.

Как вы и боялись, его ответ был краток: газета работает в обычном режиме, и указаний распечатывать листовки сторонникам ГКЧП со стороны не поступало. И тем более, указаний делать это без официального решения бюро вашего райкома. А даже если решение появится, печать надо будет согласовать лично с Фроловым, главным редактором газеты.

Напоследок он сказал, что сам-то сочувствует ГКЧП и даже готов выписать пропуск, чтобы вы могли вернуться в здание, когда решение бюро райкома будет готово.

Подавленные, вы вышли из кабинета и хотели уж было спуститься вниз, но тут Поляков потребовал остановиться и прекратить панику. По его словам, ещё не все было потеряно. Если уж этот Селезнёв не даёт санкции, вы можете пойти в наборный цех и сами. Главное правильно объяснить наборщикам ситуацию, и они сами согласятся напечатать листовки без санкции сверху.

Инженер немного пришёл в себя, но всё ещё был настроен скептически, и предложил более осторожный вариант, подняться на третий этаж, где стоит большой японский ксерокс. Конечно, тысячу копий на нём не размножишь, но полсотни или сто вполне можно сделать. Ещё столько же листовок сделают вручную в райкоме. Поддержите Полякова и пойдёте в наборный цех или предпочтёте действовать более осторожно?

☐ Первое — (42)

☐ Второе — (155)

Последнему слово дали Полякову.

– Товарищи, мы показали, что мы народ, мы сила! – В толпе раздались одобрителные выкрики. – Теперь нам надо поддержать наших солдат у Белого дома. Им внушают, что народ против армии. Но на самом деле народ за нашу доблестную армию!

В толпе раздались аплодисменты, и вскоре многие начали строиться в колонну для движения. Но идти согласились не все. Кто-то устал, кто-то просто не хотел связываться с теми, кто собрался у Дома Советов.

Вы шли по пустым улицам. Город, казалось, вымер. Лишь редкие прохожие провожали колонну настороженными взглядами. Наконец, вы у цели. Толпа у Белого дома была огромной, несколько десятков тысяч человек, ошестинившаяся флагами, плакатами, транспарантами. Не успели сторонники ГКЧП подойти, как значительная её часть пришла в движение и вскоре столкнулась с вашей.

Драки, однако, не случилось и дело ограничилось разговором. И надо сказать «демократы» были убедительны, говоря, что за ГКЧП меньшинство, а они никакие не экстремисты, а просто пришли защитить свои голоса, поданные на выборах в Верховный Совет.

Вскоре половина ваших разошлась, а остальные явно не горели желанием звать армию на штурм Белого дома...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

 «А» = 2, разделить «ГКЧП» на «А»

– Стреляйте по ногам! – крикнули вы капитану.

– Не могу, – сказал он тихо. – Не имею права. В гражданских стрелять? Это не война!

Это было страшное осознание. Тысячи людей, которые ещё днём шли с вами в бой, растворились по квартирам и праздновали победу. А здесь вы были никто, чтобы отдавать приказы военным.

Толпа смела оцепление за считанные минуты. ОМОНовцы, не получив приказа, разбежались. Солдаты, прижавшись к стенам, подняли руки. Кто-то пытался стрелять в воздух, но его тут же сбили с ног. Телецентр пал.

○ Далее... — (104)

97

Вы подошли к полковнику, который формально командовал всей бронетехникой, но как вчера не проявлял инициативы, так не делал это и сейчас.

– Соедините нас с командованием, – сказали вы, беря трубку полевого телефона, который майор, зная о вашем новом статусе, протянул молча, с каменным лицом. – Нужно разрешение наступать.

Связь была плохой, трещали помехи, голоса тонули в шипении. Но вас услышали. И ответили – после долгой, тягучей паузы, когда казалось, что на том конце просто бросили трубку.

– Не можем, – раздалось наконец. Голос был усталым, безликим, будто говорил не человек, а сама система. – Нет санкции.

– Как нет? – вы сжали трубку так, что побелели костяшки. – Вы что там, не понимаете? Ельцинские сторонники сейчас...

– Понимаем, – перебили вас. – Но без санкции лично товарища Язова – ни шагу.

Вам нужно решать в течение нескольких секунд, пока на том конце не бросили трубку. Либо потребовать соединить с Язовым, либо попытаться «разагитировать генерала» отдать приказ самому.

☐ Потребовать соединить — (16)

☐ «Разагитировать» генерала — (30)

98

За дверью оказался коридор – прямой, длинный, с бетонными стенами и редкими лампочками под потолком. Коридор тянется в обе стороны. Чем оканчивается путь налево, не видно. Свет там тусклый, лампочек ещё меньше, чем здесь, и они ещё и противно мигают. Направо – короткий пролёт, метров десять-пятнадцать, заканчивающийся чуть приоткрытой дверью. Куда вы по нему пойдёте?

☐ Налево — (93)

☐ Направо — (115)

Сначала преследование удавалось. Убегающие не ожидали, что их станут догонять. Их первые ряды смешались, кто-то упал, кто-то сам сел на землю и закрыл лицо руками.

– Держите их! – кричали ваши.

– Не уйдёте!

Но радость оказалась недолгой. У самого Белого дома случилось то, чего вы боялись. Убегающие остановились. Среди них нашлись люди, умеющие командовать. И они повернули толпу назад.

– Стоять! – раздалось оттуда.

– Диктатура не пройдёт! – заскандировали они, и этот крик, подхваченный тысячами глоток, ударил в уши, как колокол.

И они пошли на вас колоннами. Плотными, организованными, уверенными. Их было много – намного больше, чем сторонников ГКЧП...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

100

За дверью оказалось небольшое, закутанное в полумрак помещение, заставленное коробками и ящиками. Пахло здесь картоном, пылью и ещё чем-то неприятным – то ли старой типографской краской, то ли мылом, которым мыли полы много лет назад, и запах так и не выветрился.

Света было мало – тусклая лампочка под потолком мигала так, что начинала болеть голова. В её прерывистом свете стены то выплывали из темноты, то снова исчезали, и весь мир казался зыбким, ненадёжным.

Поляков огляделся, чихнул.

– Сколько же тут складов? – сказал он с тоской.

Вы не ответили и немного нервно стали искать выходы. И они нашлись, один в левой стене, второй в правой. Какую дверь выбрать?

☐ Левую — (85)

☐ Правую — (98)

101

Вы связались с Кравцовым через те же каналы, что и вчера. Генерал ответил не сразу – сначала дежурный сказал, что «товарищ генерал-майор на совещании», потом долго выяснял, кто его спрашивает и по какому праву.

Наконец, знакомый голос раздался в трубке:

– Кравцов слушает. Говорите кратко.

Вы изложили ситуацию: приказ об отступлении, баррикада, люди, которые готовы стоять, но нужна поддержка. К сожалению, он ничем не может помочь. Потому что одно дело, проявить собственную инициативу. Тут он, хоть с большим риском для себя может что-то сделать. Но совсем другое дело идти против приказа сверху. Тем более, что рядом с баррикадами стоят не его войска, и прав ими командовать у него не больше, чем у вас.

Сторонникам ГКЧП осталось только разобрать баррикады и смотреть как танки и БТР уползают навстречу новому рассвету...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

102

Как и предполагал ваш «первый», в других райкомах считают, что надо ждать. Сверху если что обратятся. Самые активные райкомы собираются провести сегодня партсобрание с целью быть на всякий случай в полной готовности. Александра Александровича в целом такая ситуация устраивает, и он без труда убеждает остальных сделать то же самое.

○ **Далее...** — (160)

103

Вы попадаете в небольшое помещение, стены которого когда-то были выкрашены в белый цвет, а теперь покрыты росписью из трещин и грязных разводов. Единственное, что в нём есть, это железная лестница – крутая, почти вертикальная, с перилами, покрытыми слоем краски, которая уже давно пошла пузырями.

Лестница, вероятно вывела вас на тот этаж, где вы начали своё путешествие. Коридор тут был побольше и посветлее. Но, к сожалению, поздравлять себя с гениальным обходным манёвром было рано. Все двери в коридоре были закрыты. Поляков дёрнул одну ручку, другую – бесполезно. Да и надписи над ними – «Служебное помещение», «Посторонним вход воспрещён», не сулили ничего хорошего.

Пришлось пройти до конца и опять спуститься по лестнице. Новый коридор встретил вас полутьмой и непривычным для лета холодом. Где-то капала вода, отсчитывая время, которого у вас становилось всё меньше.

– Ну и куда теперь? – спросил Поляков, поёживаясь.

○ **Пойти налево** — (2)

○ **Пойти направо** — (38)

104

Вскоре телевидение уже работало на мятежников. В эфир вышел экстренный выпуск «Вестей», где Киселёв обвинял ГКЧП уже не только в незаконном захвате власти, но и в убийстве Бориса Ельцина и призывал народ подниматься.

Вы не знали, правда это или ложь. Но кто-то из миллионов людей, которые смотрели телевизор, поверил или захотел поверить в это.

К утру телецентр перешёл под контроль верных ГКЧП частей. Мятежников выбили – кого арестовали, кого разогнали. Но было поздно.

Армения и Молдова объявили о своём отделении. В некоторых воинских частях отказались подчиняться приказам. В Сибири, на Урале, во многих союзных республиках начались волнения. Победа, если её ещё можно было так назвать, теперь достанется ГКЧП очень тяжёлой ценой...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

105

Охранник удивлённо посмотрел, а затем его глаза, холодные и колющие, впились в вас, как шипы. Он явно вам не верил, и его можно было понять.

– Какие же вы свои, если не знаете, что Иванов три года как уж здесь не работает, – наконец сказал он. – Нет уж, идите пропуск получайте, без него не пушу!

Надо срочно возвращаться в райком или придумывать другие варианты.

- ☐ Писать листовки вручную — (28)
- ☐ Официальные типографии — (94)

106

Эта часть коридора была довольно короткая и тёмная, потому что в ней не горело ни одной лампочки. Света из другой его части еле хватило, чтобы разглядеть две двери. В какую пойдёте?

- ☐ В левую — (100)
- ☐ В правую — (130)

107

Эта часть коридора явно светлее. Вскоре перед вами железная лестница, уходящая вверх, вероятно на этаж, с которого вы недавно спустились. Теперь-то можно будет сказать спутникам, что все предыдущие блуждания были осознанным решением обойти все проходные и попасть прямо в наборный цех. Впрочем, если вы и сами в этом не уверены, то можете свернуть налево и продолжить движение по коридору.

- ☐ Подняться по лестнице — (66)
- ☐ Свернуть налево — (128)

108

Вы подошли к двери, взяли за потёртую ручку и потянули на себя. Она не поддавалась. Тогда вы толкнули, и она чуть-чуть, буквально на пару сантиметров приоткрылась, но дальше не пошла. По-видимому, за дверью было какое-то препятствие. Вы толкнули снова – на этот раз сильнее, плечом. Дверь жалобно скрипнула, сдвинулась ещё на сантиметр, но всё же не открылась. Что-то там было основательное – может, шкаф, может быть, штабель коробок, а может быть, и вовсе бетонная плита. Может, попробовать навалиться на дверь втроем? Или предпочтёте всё же подняться по лестнице?

- ☐ Навалиться на дверь — (204)
- ☐ Поднимитесь по лестнице — (191)

– Я попробую, – сказали вы Сорокину. – Внедрюсь.

Он одобрительно кивнул.

Вскоре вы уже в комнате, где молодёжь по радиоприёмнику слушала Ельцина. Увидев вас, они не удивились. Один из них, высокий парень с рыжими бакенбардами, радостно похлопал вас по плечу.

– А что думает «Америка»? – весело сказал он.

– Америка думает, подхватили вы, – что действовать надо. Что нам бояться? Их ткнёшь, и посыпятся.

Некоторые посмотрели на вас настороженно, но большинство одобрительно загалдели, и подняли большой палец вверх. Когда радиопередача закончилась и многие стали расходиться, рыжий негромко сказал: «У Димона собираемся, Пруд-Ключики 5. В восемь.»

Квартира на Пруд-Ключиках была набита битком. Народу пришло больше, чем вы ожидали – человек тридцать. Молодые, возбуждённые, с горящими глазами. На столе, заваленном листовками, лежали свежие экземпляры «Московских новостей». На подоконнике – портативный магнитофон, из которого доносился голос Ельцина, призывающий к забастовке.

– Мы должны действовать! – говорил парень в джинсовой куртке, стоя в центре комнаты. – Забастовка – единственный способ заставить их уйти!

Рыжий, стоявший у дверей, кивнул вам, пропуская внутрь.

– Это тот парень из НИИ, – сказал он. – Говорит, из Америки.

В комнате повисла тишина. Все взгляды устремились на вас.

– Так ты... – начала девушка с длинными волосами.

Вы кивнули.

Вскоре дали слово и вам.

– Настоящая борьба – не в забастовках, – сказали вы. – Забастовки – это долго. А время не ждёт. ГКЧП сейчас не укрепились. Если мы все выйдем к Белому дому завтра, то они не посмеют арестовать законную власть и переворот не состоится.

То ли ваше обаяние, то ли репутация «американца» так подействовала, а может этот вариант и так имел большинство, но вскоре все единодушно решили идти завтра к Белому дому. Вы же пошли домой со смешанными мыслями. С одной стороны задание Сорокина удалось выполнить, с другой закрадывалась мысль, а может, вы случайно сказали правду, и Белый дом действительно ключ ко всему?

○ Далее... — (202)

Стены коридора по-прежнему были выкрашены в мрачный, угольный цвет, и в тусклом свете редких лампочек казались бесконечными, уходящими в никуда.

Наконец коридор упирался в другой, где стены вполне нормальные. Однако и налево, и направо путь преграждали массивные железные решётки. Они были старыми, ржавыми, но выглядели надёжно, что подтверждало гипотезу о режимной зоне. К счастью, решётки можно было приоткрыть и продолжить дорогу дальше. Куда пойдёте?

☐ **Налево** — (40)

☐ **Направо** — (25)

111

Вы пытаетесь отказаться, аргументируя это тем, что де ГКЧПисты сорвут такие плакаты, на что он резонно возражает, что и плакаты просто созывающие на митинг сорвут.

Неожиданно упоминание о ГКЧП вызывает у него неприятные ассоциации, перерастающие в смутные подозрения. А точно ли вы за демократию? Не агенты ли КГБ случаем? Нет, вот точно, агенты. То-то вы так отказываетесь ставить воззвание против диктатуры.

– Думаете мы совсем идиоты, – наконец взрывается он, – будем своими руками помогать ГКЧП?

С этими словами он вызывает охрану, которая выставляет вас из помещения типографии. Хорошо ещё, что он видимо был не очень уверен в своих подозрениях, иначе не миновать вам более худших последствий. Но и сейчас положение незавидное, надо срочно возвращаться в райком или придумывать другие варианты.

☐ **Писать листовки вручную** — (28)

☐ **Обратиться в официальные типографии** — (94)

Митинг шёл своим чередом. Ораторы сменяли друг друга – заводские ветераны, партийные активисты, какой-то полковник в отставке. А на складных стульях уже сидели Поляков, секретарь райкома и другие руководители, обсуждая, как правильно закончить митинг.

По традиции подобных мероприятий, возникшей с начала перестройки, в конце обычно давали слово народу. Народ, как известно, часто говорит интересные мысли, которые никому наверху не приходят в голову. И сейчас кто-то мог сказать такое, что может сильно помочь общему делу. На первый взгляд это кажется беспроектным вариантом.

С другой стороны события сейчас требуют быстрых действий и чёткого руководства. Например, можно расклеить короткие объявления вида: «Митинг в поддержку ГКЧП состоялся. Люди пришли. Люди поддерживают. Следующий митинг – (дата)». Расклеить их у станций метро, у заводских проходных, в рабочих районах. Пусть те, кто не пришёл сегодня, знают: они не одни. Точный текст можно завтра придумать, сейчас главное сама идея.

Ещё выдвигается предложение призвать людей создать на своих заводах, в НИИ, в учреждениях инициативные группы в поддержку ГКЧП. Не официальные, не партийные – просто группы людей, которые будут держать связь, обмениваться информацией, координировать действия. В условиях, когда телевидение и газеты не успевают за событиями, живая связь между людьми – единственное, что работает.

Наконец, если сегодняшний митинг удался, почему бы теперь не повторить то же в масштабах города? Отправить делегации в соседние районы, рассказать о том, что здесь произошло, призвать людей выходить завтра. Это рискованно – но это может создать цепную реакцию.

- Пусть задают вопросы — (90)
- Развесить сообщения о митинге — (216)
- Создать комитеты поддержки ГКЧП — (181)
- Идти делегациями в другие районы — (209)

Свеча дрогнула – язычок пламени метнулся в сторону, будто от ветра, хотя в комнате было тихо. Люди за столом замерли.

Блюдце дёрнулось. Сначала – едва заметно, как будто кто-то невидимый толкнул его пальцем. Потом сильнее. Оно заскользило по ватману, останавливаясь то на одной букве, то на другой, но не складывая слов. Просто металось, как заяц, почуявший опасность.

– Спокойно, – сказал длинноволосый. – Не давите. Все расслабьте руки.

Вы пытались. Честно пытались просто касаться блюдца, не давя на него. Но оно не слушалось и двинулось в сторону – туда, где на ватмане было написано крупными буквами «ДА». Несколько человек – вы среди них – непроизвольно потянулись за ним. Потом оно метнулось к «НЕТ» и вам показалось, что несколько человек прямо толкали его туда.

– Пустите! – закричала женщина в платке. – Пустите, оно вырывается!

Вы, как и многие непроизвольно отдёргнули руку, и блюдце полетело прямо в окно и даже штора не смогла смягчить удар...

...Тут же начинается ещё больший переполох, включается свет и обнаруживаются виновники всего произошедшего. Один из сотрудников предусмотрительно вызывает охрану, которая передаёт вас в руки доблестной советской милиции

○ Далее... — (60)

– Товарищи, – сказали вы, повышая голос, чтобы перекрыть их разноголосицу. – Вы правы. Режимный объект. Спецпропуска. Шпионы. Всё так.

Рабочие замолчали. Пожилой прищурился. Молодой перестал переминаясь с ноги на ногу. Толстый так и замер с трубкой в руке.

– Но дело в том, – продолжали вы, делая шаг вперёд, – что страна сейчас на краю пропасти. Вы смотрите телевизор? Слышали, что вчера сказал Ельцин? Что он призвал военных не подчиняться приказам? Что он назвал ГКЧП заговором?

– Слышали, – нехотя буркнул молодой.

– И что вы думаете? – спросили вы, глядя ему в глаза. – Кто прав?

Молодой молчал. Пожилой крикнул, почесал затылок.

– ГКЧП, конечно, – сказал он негромко. – Порядок нужен. А то развалили страну, понимаешь... демократы.

– Вот и мы о том же, – сказал Поляков из-за вашей спины, и голос его звучал твёрже, чем вы ожидали. – Мы хотим поддержать ГКЧП. Организовать митинг. Расклеить листовки. Но официальная типография отказывается нам помогать. Боится. А без листовок никак.

Рабочие переглянулись. В их взглядах, ещё минуту назад таких настороженных, теперь появилось что-то новое. Понимание, сочувствие, а возможно и злость.

– Значит, не печатают? – переспросил пожилой, и его усы шевельнулись. – Для своих, и не печатают?

– Не печатают, – подтвердили вы.

– А для этих... для демократов, значит, печатают? – вставил толстый. – Я слышал, у них там в Москве свои подпольные типографии.

– Вот и мы о том же, – сказали вы. – У нас – нет.

Повисла пауза.

– Ладно, – сказал вдруг пожилой, и в его голосе прозвучала решимость. – Есть у нас один свой человек в наборном цехе. Он поможет.

Вы отдаёте пожилому черновик, и через час он, довольный, появляется с запечатанным ящиком. Теперь остаётся только расклеить эти листовки, и дело сделано. Вы благодарно пожимаете руки рабочим и уходите из типографии

○ Далее... — (138)

Комната, в которую вы попали, оказалась небольшой – десять квадратов максимум. В углу стоял старый, поцарапанный стол, на котором высилась горка купюр – рублёвки, трёшки, и даже несколько пятёрок. И вперемешку с ними талоны на сахар, на колбасу, на что-то ещё, что вы не успели разглядеть. На его краю притулился выключенный «Горизонт».

Выше висел постер известного игрока московского «Динамо», Игоря Колыванова. Обознаться тут было невозможно, так как точно такой же постер висел у одного из программистов вашего НИИ. Сами вы болели за команду Мостового, Шалимова и Радченко, резонно считая их самыми вероятными кандидатами в чемпионы.

За столом сидели трое. В одинаковой форме, с одинаково бритыми затылками и одинаково тяжёлыми челюстями. Разве что волосы того, кто сидел слева, в отличие от других, были рыжими. Они не спали, не пили чай и не играли в карты. А вместо этого вглядывались в стенд, который висел на стене напротив – большой, фанерный, с десятками лампочек, впаянных в него. Рядом с каждой лампочкой была табличка с трёхзначным номером – на некоторых лампочки горели ровным жёлтым светом, на других – были погашены.

И в тот самый момент, когда вы открыли дверь, на стенде загорелась ещё одна лампочка.

Охранники, как по команде, повернулись. А затем тот, что сидел посередине с чувством глубокого удовлетворения придвинул горку денег и талонов к себе.

– Ну вот, – сказал он, обращаясь к соседям. – Говорил же я, что сами сюда придут.

– Ну, – сказал средний, опять поворачиваясь к вам и откидываясь на спинку стула. – Рассказывайте. Кто такие? Что забыли в подвале? Почему столько дверей поотрывали?

Он указал на стенд, где горели огоньки.

Выбор был небогат. Можно сказать правду – про наборный цех, а если повезёт и про листовки. Правда это рискованно. Кто знает, на чьей стороне эти трое.

Можно соврать про ошибку – сказать, что ищите выход и спустились сверху. Подумали, что попали первый этаж, и итоге заблудились. Это безопасно, но тогда придётся уйти ни с чем.

Можно сказать полуправду, и попросить отвести к лифту. Но если они будут расспрашивать подробно, вы можете «поплыть».

☐ Сказать про наборный цех — (208)

☐ Попросить отвести к лифту — (67)

☐ Сказать, что ищите выход — (149)

Свист и улюлюканье нарастали. Молодёжь напирала, их голоса становились громче, увереннее. Поляков на трибуне что-то кричал в микрофон, но его уже почти не было слышно.

– ГКЧП – палачи! – раздалось из толпы. – Долой самозванцев!

– Провокаторы! – отвечали пожилые. – Да ваш Ельцин страну развалит!

Один из молодых людей, парень в джинсовой куртке рванул вперёд. Он ловко обогнул пожилых женщин, оттолкнул растерянного мужчину с плакатом и одним прыжком оказался у грузовика, на котором была установлена трибуна. Его руки ухватились за микрофон и дёрнули вниз. Микрофон соскочил со стойки и ударился о металлический борт, издав пронзительный визг обратной связи.

Сторонники ГКЧП бросились к грузовику, пытаясь оттеснить парня. Молодёжь, видя, что их товарища атакуют, двинулась вперёд. Кто-то ударил соседа. Кто-то упал. Женщина закричала. Началась драка.

Милиция прибыла через десять минут и профессионально разняла дерущихся, не забыв задержать всех зачинщиков драки, а заодно и организаторов митинга. И их было можно понять: вместо того, чтобы в первый день образования ГКЧП не допустить беспорядков, вы собственными руками их разожгли...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

Шестое чувство подсказывало, что двери вряд ли ведут куда нужно, а наверх лезть было вообще несерьёзно. Трудно себе представить, чтобы типографские работники главной газеты страны ежедневно поднимаются на работу по технической лестнице наверх. Значит оставался только путь по лестничной клетке.

Коридор внизу, правда, тоже не радовал в этом плане. Стены здесь были бетонными, некрашеными, с пятнами сырости и плесени, и многочисленными трубами. Чисто интуитивно, на этом этаже скорее располагались какие-то склады, а не цеха. Однако, если вы и дальше хотите влиять на принятие решений, придётся делать вид, что спуск сюда был вами изначально задуман.

– Далеко ещё? – прошептал Поляков.

Вы не ответили.

На счастье, вскоре показывается массивная железная дверь, которую кто-то забыл запереть. Войдёте в неё, или рискнёте пойти дальше по коридору несмотря на то, что на вас уже поглядывают, как на последователя Сусанина?

☐ **Войти в дверь — (130)**

☐ **Пойти дальше — (124)**

118

Вы, с Поляковым, а также несколько активистов и членов бюро райкома сели рядом с секретарём. Секретарь пододвинул к себе аппарат с гербом СССР, по-видимому, подключённый к правительственной связи АТС-2, снял трубку и нажал какую-то кнопку под столом. В кабинете раздался знакомый звук длинного гудка.

Секретарь стал набирать номер. После прокрутки каждой цифры диск тяжело, будто нехотя возвращался на своё место. Зазвучали гудки ожидания и только на пятом послышался голос.

– Лобанов слушает.

– Это Александр Александрович, Калининский райком. По поводу продолжения нашего вчерашнего митинга.

– Где будете митинговать теперь?

Секретарь просит разрешение на проведение митинга в поддержку ГКЧП у Белого дома. Хотя Лобанов, похоже, не в восторге от выбранного места, но в конце концов соглашаются. Главное дело сделано, но пока ваш «первый» на связи с представителем МГК, вы можете передать ему записку и попросить что-нибудь ещё, например послать на грядущий митинг своего представителя. Или снабдить агитаторов мегафонами. Также можно осветить ваш вчерашний успех в прессе, а заодно и оповестить население о будущем митинге.

○ **Нужен представитель от горкома — (119)**

○ **Нужны мегафоны — (213)**

○ **Нужно освещение в прессе — (205)**

119

Товарищ Лобанов, – сказал секретарь райкома, – нам бы очень помогло, если бы на митинг приехал кто-то из членов бюро горкома. Человек весомый, авторитетный. Чтобы народ видел: мы не сами по себе.

На том конце трубки повисла пауза. Такая долгая, что вы успели подумать: всё, отказ, повесили трубку.

– Из бюро, говорите? – переспросил он, и в голосе его появилась странная нотка – то ли усмешка, то ли усталое сожаление. – Знаете, Александр Александрович, у нас в бюро большинство считают поспешные действия нецелесообразными.

– Однако... – Лобанов замялся, и вы физически ощутили, как он взвешивает слова – раз уж калининская районная организация проявляет такую принципиальность, мы поддержим эту инициативу.

На этом разговор с заведующим сектором завершается. Остаётся только надеется, что это чем-то поможет при митинге.

 «А» = 20, умножить «ГКЧП» на «А»

○ **Далее... — (77)**

Уфологи, это конечно хорошо, но как быстро получить доступ к их среде? По всему выходило, что тут мог помочь только Поляков.

– Слушай, – сказали вы ему, когда встретились в райкоме на следующий день. – У нас страна сейчас наводнена разной... мистикой. Кашпировский, Чумаков, всякие колдуны и экстрасенсы. Надо с этим бороться.

Поляков удивлённо поднял бровь.

– С чего это вдруг? – спросил он. – Мы же вроде победили. Другие заботы есть.

– Борьба за умы, – ответили вы. – Если мы не займёмся этим сейчас, через год они захватят телевидение. И тогда будет второй раунд перестройки, как вы и говорили тогда в Останкино.

Поляков посмотрел с сомнением, но решил опять довериться вашему чутью. Вскоре вас приняли в компартию РСФСР, и вы были отправлены работать в сектор пропаганды в горкоме. А ещё через неделю уже сидели в кабинете на Останкино, отстаивая необходимость запрета всех «паранормальных» программ на московском телевидении. Ваши аргументы были услышаны и передачи закрыли. Звонки от возмущённых зрителей шли потоком, но телевидение осталось твёрдым.

А потом вы встретились с теми, кто ещё не остался без работы и намекнули, что кое-кто наверху требует от них конкретных результатов. А если их не будет, то передачи закроют, а авторов привлекут за тунеядство. В качестве задачи для решения вы и выдаёте поиск портала.

Вскоре на Московском телевидении начинает выходить новая передача, затмившая по популярности старые. В ней вы и другие журналисты посещаете «аномальные» объекты и делаете разоблачения. Летающая тарелка – оказалась старой антенной радиотелескопа. Аномальная зона – просто геологический разлом. Светящийся круг на поле – испытание новой военной техники. Такими же пустышками оказываются и многочисленные «порталы», которые для вас старательно находят по всей стране, а потом и за её пределами. Пару раз, правда вы готовы поручиться, что это был настоящий портал, но увы, даже тот, что сохранился лучше всего, перестал работать лет 100 назад, а то и больше.

Ваша карьера журналиста идёт хорошо, программу даже ставят на первый канал, а Поляков смотрит каждый ваш репортаж. Но пока это никак вам не помогает выбраться из этого мира...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

Коридор тянулся прямо, без поворотов, и ваши шаги гулко отдавались от бетонных стен. Лампочки здесь горели через одну, и полосы света чередовались с глубокими, почти осязаемыми тенями. Наконец, в стене справа показалась дверь.

☐ Войдёте в неё — (158)

☐ Пойдёте дальше — (196)

122

– Товарищи! – закричали вы в мегафон. – Остаёмся на месте, ждём команды на движение бронетехники.

– Хватит! – крикнул кто-то из толпы. – Чего стоим? Надо наступать, пока они не очухались!

– Правильно! – подхватили другие. – Задавим их!

И тут вы вспомнили про важного гостя. В самом деле, член бюро горкома же был на митинге, и если он не сбежал, то вполне может отдать приказ об атаке. Но точно ли сейчас атака уместна?

☐ Пусть приказывает атаковать — (147)

☐ Настойте, что атака не нужна — (57)

123

Вы говорите, что надо немедленно идти к Белому дому. В штабе ошарашенно смотрят на вас, но молчат. В итоге где-то половина митингующих, лихорадочно одалживая друг у друга 15-копеечные монеты, погружается в метро и под вашим руководством приезжает на станцию Краснопресненская.

Там вы сталкиваетесь с куда большим количеством «демократов». Они даже и не пытаются как-то силой вас разогнать. Люди просто подходят друг к другу и начинают разговаривать. Каждый выдвигает свои аргументы, и никто никого конечно же не может переспорить. Постепенно усталые, утратившие наступательный порыв, ваши сторонники расходятся по домам, а вы понимаете, что время похоже уже упущено...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

 «Ельцин» = 10000

124

Коридор тянулся, не поворачивая, – такой же полутёмный, такой же бетонный, с редкими лампочками под потолком, которые мерцали так, будто вот-вот перегорят. Гул станков наверху то нарастал, то затихал – казалось, само здание дышало и жило своей, неведомой жизнью. Вы уже начали жалеть, что не остановились у первой двери, но в этот момент показалась ещё одна.

Поляков остановился, перевёл дыхание.

– Ну что? – спросил он тихо. – Эта?

☐ Войдёте — (179)

☐ Пойдёте дальше — (93)

125

Как не странно, в горкоме сейчас сидит не только дежурный. Вас оперативно связывают с заведующим сектором, который обещает позвонить куда надо. И точно, поздним вечером вы идёте к типографии и получаете множество листовок с призывами выйти на митинг.

✎ «ГКЧП» = 2500

○ Далее... — (65)

126

Как ни странно, завсектором Лобанов всё ещё не ушёл.

– В чём дело? – спросил он у вас с Поляковым без предисловий, голосом, в котором слышалась усталость.

– Люди остаются на ночь, – сказали вы. – Нужны палатки. Армейские. У военных наверняка есть.

– Палатки, говорите, – протянул он. – Дело нужное. Но вы, надеюсь, понимаете – такие вопросы запросто не решаются.

– Понимаю, – ответили вы, хотя внутри всё сжалось.

– Тут согласование нужно, – продолжал Лобанов. – С министерством обороны, с вещевым управлением, с начальником гарнизона. И обосновать целесообразность.

– А если люди разойдутся? – спросили вы. – К утру никого не останется.

В итоге завсектором пообещал сделать, что может, и направился к зданию СЭВ обзванивать различные ведомства. А вам оставалось приступить к плану Б и связаться со СМИ.

○ Далее... — (87)

127

В этом случае солдаты готовы стрелять и выполнить свой долг.

– Огонь по колёсам! – вскоре скомандовал капитан.

Солдаты, до того сжимавшие оружие в нерешительности, получили приказ. Автоматные очереди ударили по пожарным машинам – короткими, прицельными очередями. Шины лопались с глухим хлопком, машины кренились, замирали на месте.

Пожарные, сидевшие в кабинах, выбрались наружу, подняли руки. Им не нужно было объяснять, они уже поняли, что здесь всё серьёзно.

Толпа, не имея возможности добраться до вас, постепенно стала расходиться. К середине ночи у стен телецентра не осталось никого, кроме пожарных машин с простреленными колёсами да брошенных плакатов на асфальте.

○ Далее... — (22)

Коридорчик приводит на заброшенный, плохо освещённый склад. Почти все потолочные лампочки здесь вывинчены или выбиты, а оставшаяся светит как-то вполнакала.

Немногочисленные коробки стояли по углам, некоторые были разорванные, с вываливающимся содержимым. В коробках в основном были нереализованные тиражи «Правды» за разные года, старые бланки и пара проржавевших банок с краской. В воздухе пахло сыростью, гнилым картоном и чем-то сладковато-приторным – то ли старыми чернилами, то лидохлыми мышами.

В центре комнаты, прямо перед вами, стояла железная лестница, уходящая наверх в темноту, где тускло поблёскивали трубы отопления.

Прямо от лестницы, в стене напротив, виднелась дверь – деревянная, крашенная когда-то белой краской, а теперь серая от пыли и времени. За ней, наверное, был ещё один коридор. Или ещё один склад.

○ Подниметесь по лестнице — (191)

○ Пойдёте в дверь — (108)

– Вперёд! – крикнули вы.

Люди, разгорячённые боем, поддерживали вас. Они рванули следом – усталые, злые, но не сломленные. Бронемашины, взревев двигателями, двинулись в атаку, сминая баррикады, разбрасывая гусеницами обломки досок и железа.

Казалось, победа была рядом.

Противник отступал. Плотные колонны, ещё час назад такие грозные, теперь рассыпались, как карточный домик. Теперь противник уже не смел бросать бутылки и только маячил перед бронемашинами, зачем-то пытаясь задержать колонну.

Но тут случилось то, чего вы не предусмотрели.

С двух сторон, с Калининского моста и Конюшковской улицы в тыл вам ударили тысячи молодых сторонников Ельцина.

– Отходим! – скомандовал лейтенант, но было поздно.

Толпа накатилась волной – с флангов, с тыла, с фронта, где ваши люди только что праздновали победу. Пространства для манёвра не осталось. Бронемашины, стиснутые со всех сторон, не могли ни развернуться, ни выстрелить – слишком близко.

Кто-то из ваших побежал, но был настигнут. Кто-то пытался отбиваться кулаками, но их было слишком мало. Солдаты, выбравшиеся из машин, подняли руки – но их всё равно били, сбрасывали с брони, топтали.

Всё, что вы строили последние дни, рухнуло за один час. Слишком мало людей, слишком много врагов, слишком поздно понятая ошибка.

Не пройдёт и дня, как победители начнут свой пир на костях Советского государства. А вы, если повезёт, будете сидеть и тщетно стучать кулаками в закрытый портал. А если нет, то лежать в морге...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

За дверью оказалось большое, прямоугольное помещение с низким бетонным потолком, на котором тускло горела одна-единственная лампочка, подвешенная на скрученном проводе. Света было так мало, что углы комнаты тонули в полумраке, и только ближе к центру можно было разглядеть, что здесь хранится.

Не признаваясь, что идёте наугад, вы уверенно говорите, что отсюда должен быть ещё один выход, и вскоре вы его находите – слева, почти в самом углу. Он приоткрыт – буквально на пару сантиметров, но в щель пробивался свет.

Вторую дверь находит инженер. Она справа, метрах в пяти от вас, за штабелем коробок. Дверь закрыта, но не на замок, а на простую щеколду, старую, заржавевшую, какую часто ставят на чуланах и подсобках. Если дёрнуть посильнее, то откроется. Куда идти?

- ☐ В левую дверь — (136)
- ☐ В правую дверь — (164)

– Садитесь, товарищи, – сказал секретарь глухо, даже не подняв головы. – Ждём остальных.

Вы сели у стены, на стул с продавленным сиденьем, который, наверное, помнил ещё заседания, посвящённые двадцать шестому съезду. Поляков занял место рядом с секретарём, шепнул ему что-то на ухо. Секретарь бросил на вас быстрый, оценивающий взгляд, кивнул и отвернулся.

«Остальные» подтягивались медленно. Кто-то пришёл в растерянности, кто-то – с решительным видом, кто-то – явно из любопытства. Всего набралось ещё человек десять. Знакомые лица институтских сотрудников, пара человек из местного завода, пожилой учитель истории.

Наконец, секретарь кашлянул, привлекая внимание. Шум стих.

– Товарищи, – начал он, и голос его звучал тяжело, будто каждое слово давалось с трудом. – Вы все знаете, что случилось. Страна в опасности. Государственный комитет по чрезвычайному положению взял на себя ответственность за судьбу Родины. Наша задача –...

Он запнулся. Посмотрел в окно, за которым серело московское небо. На секунду показалось, что он забыл, что хотел сказать, или, может быть, понял, что говорить это всё уже поздно.

– Наша задача – помочь. Всеми силами помочь ГКЧП.

Он говорил ещё минут десять. О том, как страна скатывается в пропасть. О том, что Горбачёв «заболел» в самый неподходящий момент. О том, что только твёрдая рука может спасти Союз. Но чем дольше он говорил, тем яснее становилось: он сам не знает, что делать. Поэтому вскоре секретарь развёл руками и сказал: «Нужно ждать указаний сверху».

Тут же началась дискуссия. Сначала робкая, потом всё более горячая. Голоса смешивались, кто-то стучал кулаком по столу, кто-то вздыхал, кто-то предлагал «немедленно звонить в горком», кто-то – «выйти на площадь, показать, что мы не безликая масса».

Вы сидели и слушали, чувствуя себя непрошеным гостем, который случайно забрёл в чужой дом, где решают семейные дела. Эти люди говорили о спасении страны, а вы думали о том, что ваша страна – там, за порталом. Что вы здесь – случайность, человек без биографии, который не имеет права решать, какой путь для них правильный.

И всё же... вы были здесь. И ваш голос мог что-то изменить. Постепенно из шума выкристаллизовались три варианта действий.

Во-первых, можно организовать в районе митинг в поддержку ГКЧП. Также можно немедленно созвать внеочередное партсобрание, обзвонив всех партийцев, кандидатов и сочувствующих типа вас. А там, глядишь, и горком даст указания. Эту тактику поддерживает секретарь райкома, которого, как вы выяснили, зовут Александр Александрович. Наконец, можно самим выйти на контакт с горкомом и предложить свою помощь. Секретарь не очень одобряет такие методы, но, так уж и быть, готов позвонить.

За какой вариант выступите вы?

☐ Митинг — (51)

☐ Партсобрание — (160)

☐ Связаться с горкомом — (29)

132

В помещении наступила та странная тишина, когда обычные звуки города: шум моторов, голоса, трамвайные звонки замещаются чем-то другим. Вы как будто собственными ушами стали слышать тяжёлый, далёкий гул дизелей и редкие команды, отдаваемые офицерами по рации.

Очнувшись, вы вдруг понимаете – вот, он шанс открыть портал! Вы – не просто свидетель, а имеете навыки, знания, опыт других миров. А также можете программировать, владеете языками, понимаете логику систем, которые здесь только зарождаются. И владеете другой информацией, которую никто здесь не имеет.

Сердце забилось чаще. Мысли понеслись вскачь, обгоняя друг друга. Уж вы-то при таких козырях на руках найдёте способ забороть эту ГКЧП и установить в стране демократию. Ну, или наоборот, помочь им сохраниться у власти. А кстати вот и правда, что нужно-то от вас?

Может вы помните мировую историю, такой как она есть, потому что именно туда её направите? С другой стороны, миров бесконечное число и этому может потребоваться именно сохранение коммунизма, пусть и с очередями за колбасой и коммуналками.

☐ **Выступить против ГКЧП — (190)**

☐ **Поддержать ГКЧП — (62)**

133

Железные ступени противно скрипели под ногами, перила дрожали от прикосновений, и на каждом шаге казалось, что лестница обрушиться, но нет, вы все поднимаетесь без приключений.

Вы оказались в узком, низком коридоре, который, судя по всему, был техническим. Здесь не было ни люстр, ни высоких потолков – только голые бетонные стены, выкрашенные бледно-голубой краской, и низкий, давящий потолок. Вы инстинктивно пригнулись, чтобы не задеть закреплённые на нём толстые чёрные кабели, пучками уходящие в разные стороны и исчезающие в отверстиях, пробитых в стенах.

Запах краски ударил в нос сразу, как только вы сделали первый шаг. Запах был химическим и противным, но не очень резким. Похоже помещение красили относительно недавно, но не вчера. Вы двинулись вперёд, стараясь не касаться кабелей. Кто знает, в каком состоянии их изоляция.

Дверей здесь было много. Они тянулись бесконечной чередой – справа, слева, впереди и позади. Почти все – металлические, с замками-защёлками, с табличками «Служебное помещение», «Электрощитовая», «Не входить». Вы дёргали ручки, но они не поддавались.

– Куда мы попали? – спросил Поляков, оглядываясь. – Это же лабиринт какой-то.

Наконец, слева вы видите чуть приоткрытую дверь. Ещё одна дверь поддаётся справа. Сам же коридор заканчивается лестницей вниз, подобно той, по которой вы сюда поднялись. Куда будете держать путь?

☐ **В левую дверь — (158)**

☐ **В правую дверь — (140)**

☐ **Спуститься вниз — (76)**

134

– Какой у вас красивый кабинет, – сказали вы, удивившись естественности своего голоса. – И я знаю, кто в нём красивее всех.

– Но, но! Вы из какого отдела вообще? – спросила она тоненьким, противным голоском. Но по лицу было видно, что комплимент ей понравился.

– Из вычислительного. А Александр Алексеевич у себя?

– Нет, его не будет сегодня. А вы новенькие? – Спросила в свою очередь секретарша.

– Да, новенькие, и нам бы ещё документы отксерить...

– А, это в 334 идите, – коротко ответил она, и начала новую партию в «Tetcolor».

○ Далее... — (145)

135

Вы сделали глубокий вдох. Было страшно, но отступить было некуда.

– Товарищ старший лейтенант, – сказали вы, стараясь говорить твёрдо и внятно. – Мы не просто так здесь. Мы – за ГКЧП. За порядок в стране. Мы хотим поддержать тех, кто взял на себя ответственность в эти трудные дни. У нас есть листовки, воззвания, мы собираем митинг. Помогите нам – вы же советский человек, вы должны понимать...

Милиционер смотрел на вас немигающим взглядом. Его лицо, ещё минуту назад такое равнодушное, начало меняться. Сначала появилось удивление, потом – недоверие, а потом... потом вы увидели усмешку. Кривую, злую, торжествующую.

– За ГКЧП, говорите? – переспросил он, и в его голосе зазвенели металлические нотки. – За путчистов? Которые опять по-старому хотят?

Его рука метнулась к столу и что-то нажала. Раздалась сирена и вскоре здесь уже было трое охранников.

– Эти, – майор кивнул в вашу сторону, – пытались пройти в наборный цех без пропуска. Угрожали.

Охранники переглянулись.

– Бывает, – сказал рыжий, хватая вас за локоть. – Пройдёмте.

– Вы не имеете права! – закричал Поляков, вырываясь. – Мы ничего не нарушали!

– В отделении разберутся, – сказал другой охранник, беря его за вторую руку.

○ Далее... — (60)

136

За дверью оказался ещё один склад – поменьше предыдущего, но такой же пыльный и тёмный – горела только лампочка над головой, да и та мигала, отбрасывая длинные, колеблющиеся тени. Здесь пахло не картоном, а старыми тряпками и чем-то металлическим, ржавым. Коробок тут было явно меньше. В основном они были свалены в углах, а стена напротив была почти полностью свободна и там располагались ещё две двери. Около левой был красной краской нанесён значок лестницы, а правая вообще никак не выделялась. В какую пойдёте?

☐ В левую — (103)

☐ В правую — (141)

137

Ручка поддавалась легко, без скрипа, и вы шагнули внутрь, в большое, просторное помещение, которое сразу узнали. Столовая. Самая обычная советская столовая, каких тысячи по всей стране. И одновременно – самая странная, какую вы когда-либо видели.

Всё здесь было на своих местах. Слева, у самой стены, – стойка с подносами, горкой выложенными друг на друга. Рядом – подставки для ложек и вилок, никелированных, с выбитыми на черенках цифрами. Дальше, за стеклянной перегородкой, угадывался шкаф-витрина, в котором, наверное, должны были стоять тарелки с салатами. Ещё дальше – место для бадьи с супом, из которой половником разливают порции по глубоким тарелкам. За ней – раздача для вторых блюд, где в прямоугольных корытах дышат паром котлеты, гуляш, пюре. Наконец, в самом углу раздаточной – прилавок для компотов, киселей и хлеба, нарезанного толстыми ломтями на деревянной доске.

Справа от входа, почти у самой стены, торчала касса – маленькая, с железной решёткой и заляпанным стеклом, за которым различался силуэт кассового аппарата. Перед вами и чуть справа стояли столы – квадратные, на четырёх ножках, с поцарапанными столешницами. К каждому столу были аккуратно приставлены стулья – ровно четыре, как и положено. На столах – салфетницы с посеревшими от времени бумажными салфетками и солонки, наполненные крупной серой солью, слипшейся от влаги.

И ни одного человека.

Ни в очереди у кассы. Ни у раздачи. Ни за столами. Ни на кухне, которую было видно в проёме служебного входа. Пусто. Абсолютно, полностью, до звона пусто.

Поляков замер за спиной, тоже осматриваясь.

– Куда все делись? – прошептал он. – У них же обеденное время должно быть. Или повара хотя бы готовить должны. А тут...

– Так в типографии же только вечером начинают работать, чтобы утренний номер печатать. А обедают, наверное, и вовсе ночью, – неуверенно сказал инженер.

Вы промолчали, ибо такие тонкости, как график выпуска бумажных советских газет для вас всё ещё были тайной за семью печатями. И какими бы ни были причины, заброшенная столовая производит жутковатое впечатление, и вы хотите побыстрее покинуть её.

☐ Вернуться в коридор — (42)

☐ Пойти дальше — (83)

138

Достижение – Подвалы «Правды».

Вскоре все активисты получают листовки и размещают их на всех проходных заводов, выходах из метро и других местах, куда успевают дойти. Времени оставалось очень мало, но вы с Поляковым успеваете всё-таки расклеить свою часть и вернуться в райком. Там уже погрузили звуковую аппаратуру на старенький «Элли» и готовы выдвигаться к месту митинга.

 получено достижение «Подвалы "Правды"», «ГКЧП» = 500

○ [Далее...](#) — (197)

139

– В три будут талоны выдавать, – сказали вы сухим и усталым голосам.

– Чего-чего? А вы из какого отдела вообще? – спросила она тоненьким, противным голоском. Но по лицу было видно, что информацию про талоны она ухватила.

– Из вычислительного. Новенькие мы. Вот ходим теперь как дураки по всем кабинетам.

– А не повторите, когда будут раздавать? В 15:00?

– Так точно, – повторил ей Поляков.

– И теперь каждый день так будут. – Добавили вы. – В холле второго этажа. Нам бы тут бы ещё отксерить объявление об этом, а то сами понимаете...

– В 334-м ксерокс, как и был, – сказала секретарша, и опять уткнулась в игру.

Даже спасибо за «талоны» не сказала!

○ [Далее...](#) — (145)

140

В коридоре было очень темно, и вы непроизвольно бросили взгляд вверх. Лампочки там были. Может быть и немного, но вполне достаточно, чтобы всё было видно. В чём же дело?

Вы моргнули, ещё раз поглядели на стены, и только тогда поняли, что они окрашены в густой чёрный цвет. Краска лежала ровно, толстым слоем, и казалась свежей – на ней не было ни потёков, ни трещин. Хотя возможно в полутьме их и не разглядишь.

Поляков замер у вас за спиной.

– Что за чертовщина? – прошептал он. – Зачем им чёрные стены?

И правда, зачем? Может рабочие решили пошутить вдали от начальства? Или чёрную краску сейчас легко достать, а другой не было? А может, это означает какой-то режимный объект, например наборный цех?

В любом случае Поляков был прав и коридор действительно выглядел жутковатым. Рискнёте идти по нему дальше, или вернётесь обратно и сделаете другой выбор?

○ [Повернуть назад](#) — (133)

141

Когда глаза привыкли к нормальному освещению, вы увидели, что стоите ещё в одном коридоре. Здесь горели лампы дневного света – две штуки под потолком, и их белый, ровный свет заливал всё вокруг. Стены были выкрашены в бледно-зелёный, тот самый казённый цвет, который вы уже не раз видели в редакции «Правды». Пахло хлоркой, как будто тут недавно мыли полы. В каком направлении лучше пойти?

☐ Налево — (107)

☐ Направо — (152)

142

Воодушевлённым тоном он благодарит за бескорыстную помощь в борьбе с диктатурой, и гарантирует, что типография конечно же поможет вам и распечатает любое количество антирежимных листовок. Вы объясняете, что вам надо провести митинг в знак протеста против действий ГКЧП. И показываете ему образец листовки «Сегодня, в 19:00 пройдёт митинг, посвящённый анализу происходящих событий. Сбор на площади у завода "Радиоприбор"».

Редактор ведёт вас в типографию и вместе с тамошними работниками любезно подбирает шрифты, расположение текста и через двадцать минут в ваших руках – вполне приличное объявление. Однако, рассматривая его, редактор нахмушивается и затем начинает вслух размышлять:

– Здесь чего-то не хватает. Хм... Надо написать какой-то лозунг, чтобы все поняли, что это действительно митинг ПРОТИВ ГКЧП, а то придут ГКЧПисты – дураков у нас в стране много, и митинга не получится.

Работники типографии одобрительно кивают.

– Самый лучший вариант надписи – «диктатура не пройдёт!», – наконец заключает он. – С ней листовка будет выглядеть намного лучше!

Вас подобный поворот событий, естественно, совершенно не устраивает. Можно, конечно, категорически отказаться от такого предложения. Но зачем? Ведь хитрость никто не отменял. Вместо надписи можно поместить, к примеру, ельцинский флаг, у вас есть идея, как его обыграть в свою пользу. Впрочем, если боитесь возбуждать подозрение, лучше б согласится с ним полностью, а уже получив листовки, придумать что-нибудь ещё.

☐ Отказаться — (111)

☐ Схитрить — (49)

☐ Согласиться — (70)

143

– Михаил Павлов, – представляетесь вы. – Из вычислительного отдела.

Милиционер одобрительно кивает и ждёт продолжения разговора.

☐ **Спросите прямо — (8)**

☐ **Скажите, что заблудились — (144)**

144

– Извините, пожалуйста, – сказали вы, опуская глаза и стараясь выглядеть как можно более сбитым с толку. – Мы заблудились. Нам бы выйти из здания.

Милиционер прищурился. Его взгляд, холодный и цепкий, скользнул по вашим лицам, по одежде, по папке, которую вы нервно сжимали в руке. Он молчал так долго, что вы уже начали думать, – «всё, не поверил». И когда Петренко так же молча взял трубку телефона и вызвал охрану, сообщив код 03, опасения только усилились.

К счастью, пришедший охранник с рыжей, коротко постриженной головой всего лишь провожает вас до выхода.

☐ **Далее... — (18)**

145

Вы открыли дверь. Комната была маленькой, метра четыре, не больше. И половину её занимал огромный копировальный аппарат Konica. Рядом – стопка чистой бумаги, картридж с тонером, и запах озона – тот самый, который вы помнили по другим мирам, по другим ксероксам, по другой жизни.

Вы включили аппарат. Он загудел – низко, ровно, как живое существо, просыпающееся ото сна. Зелёная лампочка замигала, потом загорелась ровным светом. Вы положили листовку, которую дал Поляков, нажали кнопку, и аппарат, всхлипнув, начал работу. Через несколько минут на столе лежала уже целая стопка в двадцать листовок, потом их стало тридцать, сорок и она всё росла.

– Хватит, – сказал Поляков, когда стопка стала увесистой. – Больше не унесём. Да и расклеить ещё время нужно...

 «ГКЧП» = 400

☐ **Далее... — (197)**

146

– Извините, пожалуйста, – сказали вы, стараясь, чтобы голос звучал как можно более непринуждённо. – Мы немного заблудились. Не подскажете, как пройти в наборный цех?

Вахтёрша подняла бровь. Медленно, как будто не веря своим ушам. Её лицо, и так уже довольно удивлённое, принимает и вовсе ошарашенное выражение.

– В наборный цех? – переспросила она, выделяя каждое слово. – А вы собственно кто такие?

Дальнейшие лепетания о том, как вы оказались здесь, и почему у вас нет пропуска были столь неубедительны, что на второй фразе вы и сами стали мечтать, чтобы всё это поскорее закончилось. К вашему облегчению к ней довольно быстро прибывает подкрепление, которое вскоре передаёт всю компанию в руки милиции.

○ Далее... — (60)

147

– Товарищи! – опять закричали вы. – Наш митинг возглавляет член бюро горкома, Алексей Пригарин. Давайте проявим дисциплину и будем слушаться его решений.

– Товарищ Пригарин! – заорали из задних рядов. – Вы там! Командуйте атаку!

Член бюро горкома был бледен, но старался держаться.

– Товарищи, – начал он, но его голос утонул в шуме.

– Громче! – закричали из толпы.

– Санкционируйте наступление! – выкрикнул кто-то.

Представитель горкома посмотрел на вас, потом на Лобанова, потом на солдат, на бронетехнику, на толпу – злую, уставшую, но готовую идти до конца.

– Наступаем, – наконец сказал он негромко, но так, чтобы услышали все. – Я беру ответственность на себя.

Толпа взорвалась криками.

– Ура!

– Дави их!

– За Союз!

Вы повернулись к полковнику, возглавляющему войска. Тот кивнул, махнул рукой солдатам.

– Заводи моторы! – скомандовал он.

○ Далее... — (176)

148

– Товарищи! – взяли вы слово. – Сейчас мы показали Моссовету, за кого народ на самом деле! – Пора нанести решающий удар, пойти к Белому дому. Пусть сторонники Ельцина увидят, какая мы сила!

Толпа загудела. Кто-то одобрительно закричал, кто-то, наоборот, засомневался.

– А как же Моссовет? – спросил пожилой мужчина с плакатом. – Мы же их почти взяли!

– Моссовет никуда не денется, – ответили вы. – Давайте оставим возле него оцепление, чтобы не забывались!

В «оцеплении», правда, в итоге осталось слишком много людей, особенно пожилых.

Но большинство, разбившись на группы, потянулись к Арбату. Демонстрация шла с флагами, плакатами, самодельными транспарантами. Периодически вы видели корреспондентов, делающих снимки.

У Арбатской площади колонна поредела. Кто-то устал, кто-то просто решил, что с него хватит. Но основная группа, повернула на Калининский проспект и дошла до здания СЭВ, где за это время работники от горкома смонтировали новую трибуну и перевезли звуковую аппаратуру.

Однако только вы начинаете митинг на новом месте, как часть сторонников Ельцина неожиданно сдвигается с места и крича свои лозунги, медленно приближается к вам. Постепенно к идущим присоединяется всё больше людей. Расстояние между двумя митингами небольшое, и решать надо немедленно.

 «ГКЧП» = 5000

☐ Продолжить митинг — (75)

☐ Отступить за бронетехнику — (33)

149

Охранники переглянулись. Средний усмехнулся – не зло, скорее с пониманием.

– Да, – сказал он, качая головой. – Наше здание – лабиринт. Сами тут первый год плутали, пока не привыкли.

– Проводи, – продолжил средний, слегка повернувшись к рыжему, – А то опять заблудятся, будут до вечера по подвалам шастать. Начальство не обрадуется.

Рыжий вздохнул, встал и жестом пригласил следовать за ним.

☐ Далее... — (18)

150

Вы присели на корточки, всматриваясь в полумрак. К сожалению, вонючий ручеек так и остался вонючим ручейком. Да и на стенах коллектора ничего интересного не было.

Но внезапно монотонный писк портала прервался. Вы обернулись и увидели, как стенки портала медленно, а затем всё быстрее изгибаются внутрь и исчезают. Затем раздаётся громкий хлопок, от которого закладывает уши, стенка окончательно проваливается внутрь и воздух перестаёт колыхаться. Подходите поближе и проводите рукой. Ничего.

Теперь вам надо как можно быстрее покинуть это место: определённо датчики поблизости засекли хлопок и скоро тут будет служба безопасности, с которой вы встречаться не очень-то хотите.

- ☐ **Пойти по течению грязного ручейка — (165)**
- ☐ **Пойти против течения — (73)**

151

– Ладно, – сказали вы, делая шаг к столу и понижая голос до доверительного полусшепота.
– Давайте договоримся по-другому.

Вы полезли в карман. Из кармана достали деньги – несколько трешек, червонец, горсть мелочи, – а следом за ними все талоны на сахар и колбасу, которые вы ещё не успели отоварить.

Молодой с рыжими бакенбардами присвистнул.

– Ого, – сказал он. – А у вас, я смотрю, запасы.

Остальные реагируют куда более жёстко и прямо обвиняют в пособничестве «демократам» и наотрез отказываются распечатывать всякие там подстрекательские листовки. Вы пытаетесь было убедить их, что листовки как раз наоборот, за ГКЧП, но тут в помещение влетает непонятно кем вызванная охрана.

Через несколько минут вы уже сидели в милицейской машине, глядя на удаляющееся здание редакции.

- ☐ **Далее... — (60)**

152

В этой части коридора лампочек нет и идти становится всё темнее. К счастью, он очень быстро оканчивается дверью: деревянной, крашенной тёмно-коричневой краской и с потёртой медной ручкой. Из-под двери пробивается узкая полоска жёлтого света. Вы уже было хотите войти, но тут обнаруживаете, что направо коридор продолжается, и уходит в совсем крошечную тьму.

- ☐ **Войдёте в дверь — (100)**
- ☐ **Пойдёте дальше по коридору — (56)**

Схема родилась на удивление быстро, будто все эти люди только и ждали, чтобы им сказали, что делать. Завтра утром митингующие разбиваются на небольшие группы – по два-три человека, расходятся по станциям метро и встают у входа с плакатами.

С чувством выполненного долга вы пошли домой. Автобусы уже не ходили, но, возможно, это было и к лучшему. Сейчас хотелось тишины, чтобы голова перестала гудеть и можно было хотя бы попытаться заснуть.

В квартире, когда вы открыли дверь, было темно. Только на кухне ещё горел свет и доносились громкие голоса.

– А вспомни-то их главного! – это был голос соседа дяди Миши, слесаря с завода с вечно насмешливым прищуром. – Руки-то, руки у него как ходуном ходят!

– Не главный, а вице-президент, – поправила его соседка тётя Клава, что работала в гастрономе и всегда могла достать дефицит. – И что с того, что трясутся? У него давление, наверное. У моего покойного тоже тряслись, когда он...

– Да при чём тут давление! – перебил её дядя Миша. – Они ж, эти из ГКЧП, чего устроили. А сами трясутся. Ты подумай: страна – на ушах, танки в городе, а у них руки дрожат. Какой тут, к лешему, порядок?

Вы были настолько уставшим, что в спор вступать не стали. Да и о чём спорить, вы и сами прекрасно сегодня видели растерянность на всех уровнях власти и руки в любом случае были тут лишь маленьким штрихом к общему портрету.

○ Далее... — (184)

По вашему совету Громов стал продвигать идею ставки на региональные Академии, и его мнение оказалось решающим. Александр Коптюг и другие услышав это, немедленно взялись за телефон. Звонки в Новосибирск, Свердловск, Владивосток, Ташкент – они обзванивали коллег, убеждали, уговаривали, требовали. Некоторые сомневались, некоторые отказывались, но большинство соглашалось.

К вечеру 20 августа в кабинет Академии наук стали поступать первые сообщения.

– Сибирское отделение приняло постановление о поддержке ГКЧП, – прочитал Поляков, держа в руках факс. – Уральский филиал – присоединяется.

– Дальневосточный – тоже, – добавил Громов, просматривая телеграммы. – Ташкент, Алма-Ата, Фрунзе – все поддерживают.

Вы сидели в кабинете Коптюга, смотрели на стопку бумаг, которые приходили одна за другой, и чувствовали, как крепнет уверенность.

– Получается, вся наука – за нас, – сказал Коптюг, откидываясь на спинку стула. – От Владивостока до Ташкента.

Вы ждали. Вечер перешёл в ночь. В окнах Академии горел свет – учёные, пришедшие на подмогу, не расходились до утра. Многие, кто изначально колебался, уже были готовы принять постановление в поддержку ГКЧП на заседании Академии наук в Москве, которое назначили на 22 число.

Но утро 21 августа принесло не победу. С первыми лучами солнца по каналам пришло сообщение: ГКЧП отказался от штурма Белого дома. Танки, уже готовые двинуться, развернулись и пошли к заставам. Язов, Крючков, Ахромеев – все они, ещё вчера казавшиеся такими решительными, теперь сидели в своих кабинетах и ждали, пока история перелистнёт страницу.

Коптюг, узнав об этом, долго сидел неподвижно, глядя на карту СССР, на которой красными флажками были отмечены все поддерживавшие его регионы.

– Сибирь, Урал, Дальний Восток..., – сказал он тихо. Они нас поддержали. Они были с нами. Но мы их подвели...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

Вы поднялись на третий этаж. Свежая краска, цветы и включённое даже днём освещение на лестничной клетке красноречиво показывали, что у главной редакции страны со средствами явно получше, чем в райкоме. Впечатление усилилось, когда в холле вы увидели огромную карту Советского Союза. Взглянув на неё, Поляков замедлил шаг, возможно представляя, как сильно сейчас судьба огромной страны зависит от случайных действий таких как он, и таких как его противники.

Вскоре остановился и инженер, так как не знал, в какой комнате находится ксерокс, а затем пришлось остановиться и вам. Справа и слева от карты страны располагались две одинаковые стеклянные двери, сейчас открытые. За ними были два таких же одинаковых пустых коридора. Поляков переводил взгляд с слева направо и наоборот, и в его глазах читалась та же растерянность, что и у вас. Похоже в этом выборе придётся полагаться только на «шестое чувство».

- ☐ Левый коридор — (167)
- ☐ Правый коридор — (182)

156

Голос был монотонный и не выражал никаких эмоций. Однако вскоре эмоции от услышанного появились у вас:

...исходя из результатов всенародного референдума о сохранении Союза Советских Социалистических Республик;

руководствуясь жизненно важными интересами народов нашей Родины, всех советских людей, заявляем:

В соответствии со статьей 127 Конституции СССР и статьей 2 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и идя навстречу требованиям широких слоев населения о необходимости принятия самых решительных мер по предотвращению сползания общества к общенациональной катастрофе, обеспечения законности и порядка, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев с 4 часов по московскому времени 19 августа 1991 года...

- ☐ Далее... — (132)

157

Трубку сейчас никто не брал, зато коридоры НИИ гудели, как потревоженный улей. Обычно в это время здесь было тихо – все сидели по кабинетам и работали. Сейчас двери были открыты, люди высыпали в коридоры, переговаривались шёпотом, курили у открытых форточек, сбивались в группы и тут же рассыпались.

Вы двинулись по этажу, прислушиваясь, впитывая атмосферу.

В основном, народная поддержка склонялась к «демократам». Кто-то уже принёс радиоприёмник, и оттуда доносился бодрый голос Ельцина, призывающий не подчиняться ГКЧП.

Совсем другое настроение было в отделе физики, где шло бурное обсуждение. Там выступал Илья Семёнович Громов, старый профессор, ветеран войны, и яростно призывал что-то делать. Аудитория довольно сочувственно ему внимала.

В коридоре вы встретили замдиректора по безопасности, майора КГБ Сорокина. Собственно, он первый выдвинул версию, что вы шпион, после чего вас особо не копали, и все несоответствия списывали на это. Увидев вас, он ухмыльнулся, как бы говоря: «мы вам сегодня показали».

Что делать?

- ☐ Присоединиться к физикам — (195)
- ☐ Предложить Сорокину свою помощь — (50)
- ☐ Всё же выбрать более пассивную позицию — (64)

158

Комната оказалась производственным помещением – длинным, узким, с высокими полками и большими окнами. Вдоль стен ровными рядами тянулись рабочие столы. Стены цеха были увешаны плакатами с портретами певцов, звёзд кино, спортсменов. Вот смотрела с глянцевого листа Алла Пугачёва. Рядом – Владимир Высоцкий, чёрно-белый, с гитарой. Рядом с ним – девушка с дерзким взглядом, которую вы по своей неопытности опознать не могли. Рядом с ней, ещё несколько лиц, которые казались смутно знакомыми по журналам, которые вы доставали на Арбате или смотрели у соседей.

В центре, за одним из столов, скопилась группа людей – человек пять, все в синих рабочих халатах, с засученными рукавами и усталыми, засаленными руками. Они сидели на табуретках, сгрудившись вокруг стола, и играли в карты. Возможно, в дурака, а возможно и во что-то другое. Из радиоприёмника на соседнем столе доносилось: «Я буду долго гнать велосипед...»

Когда вы вошли, они подняли головы и уставились на вас. Скажете им правду, или же соврёте, что заблудились и ищите выход?

- ☐ **Сказать правду — (19)**
- ☐ **Сказать, что заблудились — (31)**

159

До самого вечера вы не покидали полевой телефон. Созванивались с Лобановым, обзванивали лояльные райкомы. Убеждали, уговаривали, спорили. Удалось наконец связаться и с центральным телевидением, где тоже пообещали поддержку.

В итоге люди шли к вам, но «демократов» всё равно было намного больше. Оставалось, надеяться, что хотя бы приезжающие репортёры дадут народу нужную картину событий.

– Мало нас, – сказал Поляков, когда стемнело. – Но хоть что-то.

К ночи на вашей половине площади вырос палаточный городок. Несколько десятков армейских палаток, которые удалось «выбить» через знакомых на вещевых складах. Внутри горели керосиновые лампы, пахло махоркой, потом и пресными сухарями.

Кто-то спал, утомлённый долгим днём. Кто-то, наоборот, не мог сомкнуть глаз – всматривался в темноту, туда, где за баррикадами тоже горели костры. Отстояв вечернее дежурство, вы тоже легли ...

- ☐ **Далее... — (199)**

160

Секретарю райкома нравится такое развитие событий. Ему явно не пришлась по душе ни идея митинга, ни тем более рискованный контакт с горкомом. А вот партсобрание было его стихией. Он тут же деловито раздаёт указания по телефону, и коридоры здания начинают наполняться привычным шумом.

В 18:00 актовый зал ближайшей школы был заполнен до отказа. Вы не знали, все ли партийцы пришли, но за счёт того, что пригласили беспартийных активистов типа вас,

собрание выглядело очень внушительно.

Александр Александрович открыл собрание ровно в назначенный срок. Голос у него был усталый, но привычно-официальный.

– Товарищи! Сегодня, 19 августа, в стране произошли события, требующие нашего немедленного реагирования. Государственный комитет по чрезвычайному положению взял на себя ответственность за судьбу Родины. Наша задача – поддержать ГКЧП и мобилизовать партийные ресурсы для стабилизации обстановки.

Он говорил долго. О том, что страна на краю пропасти. О том, что враги не дремлют. О том, что Партия должна показать свою волю.

Вы слушали и чувствовали, как время течёт сквозь пальцы. Слова были правильные, но пустые. Ни одного конкретного предложения. Ни одного призыва к действию. Просто – «поддержим», «мобилизуем», «покажем».

Когда секретарь закончил, начались выступления.

Первый выступающий, пожилой мужчина в очках, говорил о том, что надо усилить агитацию. Но как – не уточнил.

Вторая, женщина с красным лицом, предлагала разослать письма поддержки в газеты. Какие газеты – непонятно, многие уже не выходили.

Третий, молодой парень из райкома, предложил создать «оперативный штаб». Но кто в него войдёт, чем будет заниматься – осталось загадкой.

Вы слушали и понимали: эти люди не знают, что делать.

Они привыкли работать по инструкциям, спускаемым сверху. А сейчас инструкций не было. И они просто имитировали бурную деятельность, чтобы не выглядеть растерянными.

Поляков сидел рядом с вами, мрачный, сжав губы. Вы видели, как он сдерживается, чтобы не вскочить и не закричать: «Хватит болтать! Надо действовать!»

Но он молчал, соблюдая партийную дисциплину.

Наконец, слово взял Громов. Профессор, ветеран войны, и уважаемая фигура в вашем НИИ. Он поднялся медленно, и, опираясь на трость, вышел к трибуне.

– Товарищи, – сказал он. Его голос был жёстким, как удар хлыста. – Я слушаю вас уже час. И не слышу ни одного конкретного предложения.

В зале стало тихо.

– Страна разваливается. Ельцин у Белого дома. Завтра, может быть, будет поздно. А мы здесь говорим о «письмах поддержки»!

Он обвёл зал тяжёлым взглядом.

– Я предлагаю: сегодня же принять резолюцию о митинге. Митинг провести завтра в 12:00. Пусть каждый здесь соберёт на своём предприятии сторонников. Пока всё готовится, выходим на связь с горкомом и не ждём указаний, а сами предлагаем помощь. Кто за предложение?

В зале зашептались. Кто-то зааплодировал, кто-то, наоборот, испуганно замер.

Опешивший секретарь не знает, что делать, но потом решает всё-таки вынести вопрос на голосование и в итоге резолюция принимается почти единогласно.

Всё это вроде бы хорошо, но лично вы пока особо не помогаете развитию событий, а даже скорее мешаете. Надо что-то предложить Громову. Например, связаться с горкомом, чтобы распечатать листовки. Либо оповещать людей через предприятия.

☐ **Связаться с горкомом — (125)**

☐ **Оповещать через предприятия — (214)**

Ваше предложение поехать прямо в горком повисло в воздухе. Секретарь райкома, поморщился так, будто вы предложили ему съесть лимон.

– Я, пожалуй, не смогу, – сказал он наконец. – У меня тут... текучка. Но резолюцию бюро райкома я вам дам. Он быстро нацарапал что-то на бланке и поставил подпись. Протянул бумажку, не глядя в глаза.

– Печать в канцелярии поставите.

В комнате было тихо. Все ждали, кто же поедет. Кто-то смотрел в пол, кто-то – в потолок. Секретарь уже отвернулся, показывая, что вопрос решён.

– Поеду я, – сказал Поляков. Голос его звучал спокойно, но в глазах читалось напряжение. – И Павлов со мной.

Он посмотрел на вас. Не спрашивая – утверждая. Вы кивнули.

Горком находился у метро «Площадь Ногина», в старом здании с высокими потолками и тяжёлыми дверями. Охранник на входе долго изучал ваши документы, звонил куда-то, потом махнул рукой: «Проходите».

В приёмной пахло старым деревом и табаком. Секретарша, женщина лет пятидесяти с уставшим лицом, сказала, что «товарищ из сектора» примет вас, но нужно подождать.

Ждать пришлось долго. Минут сорок, а может, и час. Поляков сидел молча, перебирая бумаги. Вы смотрели в окно на пустынную улицу, где изредка проезжали машины с затемнёнными стёклами.

Наконец дверь открылась.

– Заходите, – сказала секретарша.

○ Далее... — (26)

– Товарищ старший лейтенант, – сказали вы, понижая голос почти до шёпота. – Может, мы договоримся по-хорошему?

Милиционер поднял бровь. Его маленькие глазки, ещё секунду назад такие колючие, вдруг оживились.

– Это как же? – спросил он, и в его голосе появилась осторожная, но явная заинтересованность.

Вы полезли в карман. Поляков – следом. На свет появились две десятирублёвки – мятые, потёртые, но вполне настоящие. Вы положили их на стол, рядом с выключенным телевизором.

Милиционер посмотрел на деньги. Потом на вас. Потом снова на деньги.

– Это что? – спросил он, и в его голосе послышалась та особенная интонация, которую вы слышали уже не раз в этом мире: интонация человека, который хочет взять, но боится подвоха.

– Это... – начали вы, но договорить не успели. Потому что Поляков, переборов страх, выложил на стол ещё и талоны.

– Богато живёте, – сказал старший лейтенант, присвистнув.

Вы просите милиционера выписать пропуск в наборный цех, что он без лишних разговоров и делает. Через час вы уже держите в руках пачку листовок призывом пойти на

МИТИНГ.

 получено достижение «Подвалы "Правды"», «ГКЧП» = 500

☐ **Далее...** — (138)

163

Опыт путешественника между мирами позволяет быстро определить, что вы находитесь в Советском Союзе на планете Земля, и сейчас март 1991 года. Во всеобщей истории вы не сильны и из учебников помните только, что в этом году страна распалась, потому как правящие там коммунисты потеряли популярность. И ещё, что Советский Союз победил во второй мировой войне и запустил первый космический корабль.

Так что же, вы, получается, попали в прошлое? Или это просто ещё один параллельный мир, очень на это прошлое похожий? Что же может потребовать такой мир? Изменить его историю? Или может, наоборот, заставить её идти так, как вы помните? Вопросов пока было больше, чем ответов...

☐ Если отмечено «Служебная/Карта диггеров»: **Далее...** — (80)

☐ Если отсутствует «Служебная/Карта диггеров»: **Далее...** — (43)

164

Вы открыли правую дверь. За ней оказался длинный и узкий коридор. Он был не освещён и свет шёл только со склада, который вы только что покинули. Даже вглядываясь, можно было различить контуры стен, но не более того. Коридор тянулся долго, но, наконец, сквозь полумрак проступила дверь – деревянная, массивная, с круглой ручкой. Из-под двери пробивалась узкая полоска жёлтого света. Войдёте в неё или рискнёте, уже почти совсем в потёмках, пойти до конца коридора?

☐ **Войти** — (100)

☐ **Пойти дальше** — (107)

165

В этой части тоннеля лампочек уже не было, и приходилось ориентироваться на свет фонарика. Воздух становился тяжелее и пахнул не просто сыростью, а затхлостью. По всем признакам, эта часть коллектора явно не была рассчитана на частое посещение людей.

Спустя минут десять пути тоннель упёрся в решётку. Возможно её поставили из технических соображений, а возможно, что-то и скрывали, но в любом случае, проход дальше был закрыт. Вы уже было развернулись, но тут заметили, что один из кусков бетонной стены как-то отличается от других.

Вы подошли поближе и пощупали. Это оказался кусок старого брезента, прикрывающий узкий боковой проход. Заинтересованный, вы решили пройти по нему.

Проход привёл вас к маленькому прямоугольному помещению, судя по всему, довольно примитивному узлу управления насосами. Его стены были увешаны многочисленными трубами с вентилями. Посредине стоял массивный, покрытый ржавыми пятнами и граффити чугунный агрегат, от которого в пол и потолок уходили толстые трубы. Теперь он служил столом. На нём стояла керосиновая лампа-коптилка, полупустая пачка сигарет с надписью «Космос» и газета «Аргументы и факты».

 ✓ «Карта диггеров»

☐ Далее... — (163)

166

В понедельник была ваша очередь выбирать программу, поэтому, проснувшись 19 августа, вы решили посмотреть телевизор, хотя обычно слушали новости по своему трёхкнопочному радио.

Старенькая «Чайка», помнившая времена застоя, привычно загудела, а на экране стало медленно проявляться изображение. Поставив на плиту турку с молотым кофе, вы бросили взгляд на вчерашний номер «Вечерней Москвы». Как уверяла телепрограмма, сейчас по первому каналу транслировали что-то музыкальное.

И правда, на экране плавали какие-то утки в пруду, а из динамика звучала классическая музыка. Вдруг изображение резко сменилось на говорящую голову, которая загнусила что-то вроде: «Заявление Президента СССР Михаила Сергеевича Горбачева».

Первой мыслью, было: «Ну его, этот телевизор, опять, наверное, фигня про "Перестройку"». Но, возможно, в этот раз скажут что-то дельное?

 «1991: 08» = 19

☐ Ну его — (6)

☐ Ладно, послушаем — (156)

167

Вы входите в коридор... Сколько же тут дверей! Они тянулись бесконечной чередой – справа и слева, одна за другой, одинаковые, как две капли воды. Деревянные, крашенные тёмно-коричневой краской, с потёртыми медными ручками.

Вы остановились посреди коридора. Поляков встал рядом, оглядываясь с нарастающей тревогой.

– Сколько же их, – прошептал он. – Как среди них найти комнату с ксероксом? Тут же сто лет искать.

Недолго посоветовавшись, вы решаете найти дверь, хоть немного отличающуюся от прочих. Логично же, что ксерокс должен быть в какой-то особенной комнате. Например, напротив одной из дверей табличка с именем важной персоны. А где важная персона, там и секретарша, наверняка что-то знающая про ксерокс. Ещё у одной из дверей ручка более потертая, чем в остальных. В кабинет явно кто-то часто заходит. Куда зайти?

☐ Где табличка с именем — (5)

☐ Где потёртая ручка — (37)

168

Дежурная, женщина лет пятидесяти с усталым, но цепким взглядом, казалось, была готова выслушать. Вы рассказали ей о митинге, о ГКЧП, о том, что стране нужна поддержка. Однако посередине речи она вас перебила.

– Знаете, – сказала она прокуренным, надорванным метрополитеновским сквозняком голосом, – у нас тут работа такая: чтобы поезда ходили, чтобы двери открывались, чтобы люди не падали с эскалаторов. А не политика.

☐ Сделать другой выбор — (217)

Заведующий сектором благосклонно выделил вам помещение, и Поляков начал обзвон райкомов. Начали с тех, кого порекомендовал сам Лобанов.

Телефонный аппарат, подключённый к АТС-2, был старый, чёрный, с тяжёлой трубкой. Вы сняли её, набрали первый номер. Раздались гудки. Долгие, тревожные.

– Райком Сокольнического района, – раздался усталый женский голос.

– Это звонит Поляков. От Лобанова. Соедините, пожалуйста, с секретарём.

Дальше – ожидание, щелчки, снова голоса.

Разговоров было много. Каждый – как маленькая битва.

Секретарь Сокольнического райкома, мужчина лет пятидесяти, быстро согласился с идеей митинга и сказал, что к 12:00 народ придёт. Но нужно помочь организационно с печатью листовок.

В Перовском районе ответил молодой секретарь, его голос дрожал от напряжения. Он вроде поддерживал митинг, но боялся, без санкции горкома. Поляков уверил, что бюро поддержит после митинга, Лобанов же не от своего имени действует. Вы, конечно, этого точно не знали, но в этой ситуации приходилось полагаться на то, что Лобанов действительно не сам по себе.

В итоге решительно действовать согласились 7 райкомов. Ещё пять пошлют малые делегации. Остальные вежливо, но твёрдо сказали, что не будут действовать без санкции бюро горкома или хотя бы устного распоряжения Прокофьева. В одном райкоме секретарь даже прямо сказал, что если процесс координирует только лишь заведующий сектором, то это несерьёзно. Конечно, он догадывается, кто в бюро за этим стоит, но пока тот не наберётся смелости лично возглавить процесс, райком на подобные дела подписываться не будет.

Вы, конечно, не знали, принято ли в КПСС говорить по телефону о таких подробностях аппаратной борьбы, но по опыту прошедших месяцев, думали, что скорее нет. А раз так, то полученную информацию следует хорошенько запомнить.

Оценив наличные силы, вы решаете провести митинг на Пушкинской площади в 12:00.

 «ГКЧП» = 3000

☐ **Далее...** — (65)

– Вперёд! – крикнули вы, и толпа, до того сдерживаемая милицейским оцеплением, рванула к дверям Моссовета.

Охрана, не ожидавшая такого напора, дрогнула. Кто-то из милиционеров попытался перекрыть вход, но его оттеснили. Кто-то и сам отошёл в сторону. Двери с треском распахнулись, и люди хлынули внутрь.

Вестибюль Моссовета, ещё час назад такой чопорный, с мраморными колоннами и ковровыми дорожками, наполнился криками, топотом, звоном разбитого стекла. Сотрудники, попадавшие на пути, шарахались в стороны, прятались за стойками, убегали по лестницам.

– Обыскать всё! – крикнул Поляков, вбегая следом.

Вы побежали по лестнице на второй этаж – туда, где, по слухам, находились кабинеты руководства. Коридоры были пустыми, двери – закрытыми.

– Открывайте! – крикнули вы, барабани кулаком по двери с табличкой «Председатель исполкома».

Тишина. Потом за дверью послышались голоса, шорох.

– Ломаем! – скомандовал кто-то из ваших, и через минуту дверь слетела с петель.

Внутри, прижавшись к стене, стояли трое – двое мужчин в строгих костюмах и женщина с папкой в руках. Лица у всех были белые, как бумага.

– Где Попов? – спросили вы.

– Его нет, – сказал один из мужчин, заикаясь. – Он... он уехал.

Поляков подошёл к столу, схватил телефонную трубку и начал набирать номер местных энергетиков, с требованием отключить свет в Белом доме. На том конце, видимо, ответили отказом. Поляков нахмурился, положил трубку.

– Отказываются подчиняться, – сказал он. – Говорят, приказа от Попова нет.

Похоже, с этим осиным гнездом надо было возиться и возиться. Самым простым вариантом было вызвать сюда партийных работников. Они-то уж должны понимать, как заставить себе подчиняться. Можно поступить и более авантюристически, взяв штурмом пару непокорных служб, после чего остальные бы, наверное, присмирели.

☐ **Вызвать парработников — (35)**

☐ **Действовать самим — (188)**

В двенадцать часов дня дверь неожиданно открылась. Перед вами стоял офицер КГБ, помоложе и, видимо, пониже рангом, чем седой.

– Принято решение вас освободить. И официально назначить ответственными за безопасность митинга.

Он протянул «корочки».

– Это удостоверения внештатных сотрудников КГБ.

Вы открыли «корочку» и удивились, как быстро органы за ночь добыли вашу фотографию и вклеили в удостоверение. «Вот Ельцина бы они так же оперативно арестовали, вместо того чтобы мудрить» – подумали вы.

Вы не верили своему счастью. Ноги сами понесли к Белому дому – туда, где ещё вчера гремели выстрелы, где стояла бронетехника, где решалась судьба страны.

Войска не оставили занятых позиций – бронемашины всё так же стояли на набережной, солдаты курили, сидя на броне. Но чувствовалось, что они уже не ждут боя. Сторонников ГКЧП на вашей половине площади осталось немного. Большинство разошлись по домам, не выдержав напряжения. Хорошо, ещё постепенно подходили новые люди.

Вскоре вы увидели знакомого комсомольца, который вместе с вами участвовал в битве. Сейчас он сидел у входа в палатку, перематывая бинтом разбитую руку. Увидев вас, он попытался встать, но вы жестом остановили.

– Обстановка такая, – сказал он деловым тоном. – Наших – около пяти тысяч. Демократов – тысяч десять, не больше. Но есть ещё их группы на Кутузовском проспекте и на улице 1905 года. По слухам, там тоже около десяти тысяч.

Он понизил голос.

– Армия не вмешивается. Приказа нет. Но и не уходит. Ждёт.

Комсомолец посмотрел на вас в упор.

– Нужно что-то делать. Либо связаться с генералами, просить, чтобы армия действовала. Или выходить в эфир, звать новых людей на митинг.

Поляков тоже посмотрел на вас.

 «ГКЧП» = 5000, «Ельцин» = 20000, «1991: 08» = 21

☐ Связаться с генералами — (97)

☐ Запросить доступ в эфир — (159)

– Отходим к зданию СЭВ! – крикнули вы, и сторонники ГКЧП потянулись вглубь Калининского проспекта.

Там, у массивных серых стен, ещё вчера предусмотрительно соорудили баррикаду – на тот случай, если «демократы» попытаются зайти в тыл. Ночное движение бронетехники немного повредило её: несколько досок вылетело, мешки с песком сползли, железные листы покосились.

– Быстро чиним! – крикнул Поляков, и люди, забыв про усталость, бросились укреплять баррикаду.

Дело спорилось. Мешки взваливали на плечи, доски прибавляли заново, железо выравнивали ломami. К тому моменту, когда техника стала ехать назад, баррикада снова стояла надёжно.

– Свои! – крикнул кто-то из передних машин. – Не стрелять!

Танки и БТРы, взревев моторами, встали перед баррикадой, прикрыв её своей бронёй. Пехота, которая шла пешком заняла позиции на баррикаде и между танками.

Следом, из-за поворота, выбежали сторонники Верховного Совета – уставшие, злые и всё ещё опасные. Они бежали, размахивая флагами, палками и бутылками.

– Вперёд! – кричали оттуда. – Добьём их!

Первая волна накатилась на баррикаду и отхлынула, наткнувшись на сопротивление пехотинцев и сторонников ГКЧП.

– Не пройдёте! – заорали ваши.

Вторая и третья волны оказались слабее первой. «Демократы» начали терять интерес штурму и стали возвращаться защищать Белый дом.

Но радость была недолгой. Через полчаса, когда первые отблески рассвета окрасили небо в серый цвет, колонна зашевелилась. Солдаты, собравшись в кружок, о чём-то спорили. Потом к вам подошёл лейтенант. Лицо у него было растерянным.

– Приказ, – сказал он. – Отступить.

– Как отступить? – вы не поверили своим ушам. – Мы же отбили атаку!

– Большинство отступали по другим улицам и их прогнали. Есть жертвы среди солдат.

Вы сжали кулаки. Отступление означало переход города под контроль тех, кого вы считали врагами. Означало, что всё: палатки, обзвоны, митинги, бои – было напрасным. Но приказ есть приказ. Его не отменишь. Или всё же отменишь? Что если обратиться к генерал-майору, который помог достать палатки, с просьбой о помощи? Да и в конце концов можно просто не пропустить солдат через баррикаду. Не будут же они давить своих сторонников?!

☐ Звонить генералу — (101)

☐ Не пропускать солдат — (34)

Ситуация накалялась с каждой секундой. Свистки становились громче, голоса – злее. Поляков на трибуне явно терял контроль над частью толпы. Вы видели, как секретарь райкома, стоявший в стороне, сделал шаг к микрофону, но передумал. Вы приняли решение и подошли сами.

– Надо прекратить, – сказали вы, кивнув на свистящих. – Сейчас начнётся драка. Дайте мне слово.

Секретарь, как будто обрадовавшись, поднялся на трибуну, тронул Полякова за плечо, что-то шепнул на ухо. Поляков замолчал и вскоре вы заняли его место.

– Товарищи! – голос прозвучал резче, чем вы ожидали. Микрофон пронзительно засвистел, вы чуть отодвинулись. – Товарищи, я прошу минуту внимания!

Толпа зашумела, но постепенно стихла. Свистки прекратились – люди ждали, что скажет новый голос.

– Сегодня сюда пришли люди разных взглядов, – сказали вы, стараясь говорить ровно и спокойно. – Мы признаём: это произошло в результате нашей ошибки. Листовки были слишком короткими, и многие из вас не поняли, на какой митинг идут.

В толпе пронеслось волнение. Кто-то крикнул: «Правильно! Обманули!», кто-то: «Слышите? Сами признаются!»

– Но поймите другое, – продолжили вы, повысив голос. – Сейчас всем сторонам важно решить дело мирно. Без драк, без кровопролития. Если здесь есть сторонники Бориса Ельцина – они имеют право на свои взгляды. И они могут прямо сейчас, сегодня, в любую минуту, устроить митинг в любом другом месте. Это их право.

Вы сделали паузу. Толпа замерла.

– Но здесь – наш митинг. Мы собрались, чтобы высказать свою позицию. И мы не допустим, чтобы нас спровоцировали на драку. Поэтому я прошу всех – сохранять спокойствие. Уважайте тех, кто думает иначе.

Вы отступили от микрофона, кивнули Полякову и спустились с трибуны.

Ноги дрожали. Вы отошли к стене ближайшего дома, прислонились спиной к холодному кирпичу и закрыли на секунду глаза. Публичные выступления никогда не были вашей сильной стороной. В Море Корпораций все люди сидели по углам, а если всё-таки надо было выступить, на это были свои специалисты. Но сейчас ваша речь сработала – или, по крайней мере, не провалилась.

Несколько секунд ничего не происходило.

Толпа гудела, но свистки не возобновлялись. Поляков, помявшись, снова подошёл к микрофону, но говорить не начинал – ждал.

А потом вы увидели, как из толпы начали выходить люди.

Сначала поодиночке, потом группами. Молодые парни в джинсовых куртках, девушки со значками Горбачёва, несколько мужчин средних лет. Они оглядывались, переговаривались, но шли к выходу с площади. Кто-то из них бросил злой взгляд в сторону трибуны, кто-то – в вашу сторону. Но никто не останавливался, никто не пытался спровоцировать драку.

Поляков снова взял микрофон. Его голос звучал увереннее, чем прежде.

– Товарищи! Благодарю вас за выдержку и понимание. Продолжим наш митинг. Я прошу всех, кто остался, соблюдать порядок. Слово предоставляется...

○ Далее... — (112)

Вы вернулись в райком с чувством, что не сделали главное. Мегафоны –это, конечно, хорошо, но людей нужно больше. Гораздо больше. Толпа у Белого дома наверняка растёт с каждым часом, и, если сейчас, не подтянуть всех, потом будет поздно. Секретарь райкома сидел на своём месте, сгорбившись, и перед ним на столе лежали списки – длинные, на нескольких листах, с фамилиями, номерами телефонов, пометками карандашом.

– Нам нужно больше агитаторов, – тут же выпалили вы. – Если не усилимся сейчас, потом не догоним.

Секретарь поднял голову, видимо хотел возмутиться таким обращением, но потом передумал.

– Дело говорите, – сказал он глухо. – Но кого посылать? Мои люди – все на местах. Вы сами видели: кто у метро, кто на заводах, кто в типографиях. Больше просто нет.

– А соседние райкомы? – спросили вы. – Мы же не одни в Москве. Может, у кого-то есть резервы?

Дальше начался тот бесконечный, изматывающий обзвон, причём звонили не только вы, но и оставшиеся в райкоме люди.

Наконец, когда список кончился, Александр Александрович подвёл итоги. Руки у него дрожали – то ли от усталости, то ли от напряжения.

– Семь райкомов, – сказал он тихо. – Остальные – либо уже в деле, либо... – он махнул рукой, – либо не с нами.

Остаётся только уповать, что этой помощи хватит для привлечения достаточного числа людей на митинг.

 «А» = 15, умножить «ГКЧП» на «А»

○ Далее... — (77)

– А, к Михаилу Петровичу? – переспросил он с уважительной ноткой в голосе – Ну идите. Он сейчас в сто восьмом кабинете.

Вы прошли по коридору. Дверь была закрыта. Вы замерли на секунду, собираясь с мыслями, потом постучали и шагнули внутрь. В кабинете стояло несколько столов, за одним из которых находился тот самый Петров, которому вы и рассказали о своей проблеме ...

○ Далее... — (142)

Вы перестроили людей. Теперь они двигались не толпой, а рассредоточено – между бронемашинами, прижимаясь к броне, как пехота во время атаки. Поляков шёл справа, сжимая в руке свёрнутый в трубку плакат – единственное оружие, которое у него было.

Но и защитники Белого дома, только что бежавшие в панике, уже начали останавливаться. Они оглядывались, перестраивались, что-то кричали друг другу. Среди них нашлись люди, умеющие командовать. Их голоса, резкие, властные, перекрывали гул толпы.

– Не отступать! – орали оттуда. – Стоять насмерть!

– Фашизм не пройдёт!

И они пошли на вас. В толпе вы увидели у некоторых палки и куски арматуры. Непонятно, откуда они их взяли, но факт оставался фактом.

– Стоять! – крикнул лейтенант в толпу, но его никто не слушал.

Наоборот, в первую бронемашину тут же полетела бутылка с зажигательной смесью. Она разбилась о броню БТРа, и жидкость, вспыхнув, растеклась по металлу.

Вторая бутылка угодила в танк. Третья в сторонника ГКЧП, которого оттащили и повалили на землю, пытаясь сбить пламя.

В этот раз экипажи стали действовать предельно жёстко и выпустили очередь перед толпой сторонников Ельцина. Большинство пуль попало в асфальт, но часть и по ногам демонстрантов. Толпа опять развернулась и бросилась бежать.

Первая линия баррикад, которую защитники Белого дома соорудили из скамеек, мусорных баков и обломков забора, треснула под гусеницами танков. Доски захрустели, а металл заскрежетал. Теперь здание Верховного Совета находится справа от вас. Кажется, осталось совсем немного, и противник будет отброшен от Белого дома. С другой стороны, толпа впереди только отступила, возможно при продолжении опять будут жертвы с обеих сторон.

☐ Продолжите атаку — (129)

☐ Перейдёте к обороне — (59)

Чёрный диск несколько раз крутанулся под пальцем, возвращаясь с характерным механическим шорохом. Раздались длинные, тяжёлые гудки, и время будто замедлилось.

На третьем гудке трубку сняли.

– Слушаю. – Голос секретаря партийной организации Юрия Николаевича Полякова был спокоен. Даже слишком. Как у человека, который ждал звонка.

– Юрий Николаевич? Это Михаил Павлов, из отдела прикладных систем. Извините, что в такое время... – вы запнулись, подбирая слова. – Я... хотел спросить ваше мнение о случившемся. Что нам делать?

На том конце повисла пауза. Было слышно, как за стеной соседка убавила радио, где-то на лестничной клетке хлопнула дверь, а вы успели почти явственно представить, как крутятся шестерёнки в чужой голове. А потом Поляков заговорил. И в его голосе, ровном и чуть насмешливом, появилась странная нотка – что-то вроде удивления. Или даже восхищения.

– Знаете, Михаил... – начал он медленно, растягивая слова. – Я, признаться, не ожидал от вас такого интереса к общественной жизни. Думал, вы больше по... западным компьютерам. – Он сделал ударение на последних словах, и в этом ударении могло быть всё что угодно: от лёгкой иронии до многозначительного «нам всё о вас известно».

Вы промолчали, чтобы не выдать волнения.

– Что касается моего мнения... – Поляков чуть понизил голос, будто говорил по секрету, – я считаю: давно пора. ГКЧП – единственная сила, которая может спасти страну от надвигающейся катастрофы. Вы же видите, что творится? Союз разваливают по кускам, как арбуз на базаре. Кто за прилавком стоит – сами знаете. А завтра, может быть, будет поздно.

– Я так понимаю, вы готовы помочь? – спросил Поляков после короткой паузы. В его голосе уже не было вопроса – только утверждение, подкреплённое многолетней привычкой к тому, что Партия знает лучше. – Тогда слушайте. Надо ехать в райком. Там сейчас будут люди. Настоящие. Дадут указания, как действовать.

Согласитесь с его предложением и поедите в райком? Или же сделаете заключение, что он до конца вам не доверяет и надо действовать через других?

☐ **Ехать в райком — (52)**

☐ **Действовать через других — (36)**

178

Вы опять повернули голову к зелёному экрану компьютера. Где-то в коридорах НИИ гудели голоса, хлопали двери, трещали телефоны. Но вы сидели неподвижно, потому как наконец-то в голову пришла интересная идея, и вы в числе немногих сотрудников погрузились в работу и даже не заметили, как рабочий день закончился.

Выйдя из проходной, вы видите объявление, висевшее у выхода. На листе бумаги, приклеенном скотчем к стене, было написано чётким, каллиграфическим почерком:

МИТИНГ В ПОДДЕРЖКУ ГКЧП

Сегодня, в 19:00

У завода «Радиоприбор»

– Пойдёшь? – спросил кто-то из проходящих мимо.

Вы пожали плечами.

☐ **Пойти** — (186)

☐ **Не идти** — (21)

179

Этот склад был так же заставлен коробками. Они громоздились вдоль стен, лежали друг на друге, образуя неустойчивые башни, и единственный свободный проход вился между ними, как русло пересохшей реки.

Впереди – две двери. Левая дверь была приоткрыта, буквально на несколько сантиметров, но в эту щель отчётливо виднелся коридор, уходящий в полутьму. Тусклый свет, пробивавшийся оттуда, отбрасывал длинные тени на коробки. Куда вы пойдёте?

☐ **В левую дверь** — (107)

☐ **В правую дверь** — (85)

180

– Охранять окна! – скомандовали вы.

Солдаты рассредоточились, заняли позиции у окон верхних этажей. Снаружи слышались крики, звон разбитого стекла – штурмующие уже пытались добраться по лестницам до окон и безуспешно пытались в них влезть.

Но каждый солдат, отвлечённый на окна, ослаблял оборону внутренних лестниц. А там тоже напирали.

– Держитесь! – крикнул Поляков сотрудникам, забаррикадировавшим лестничные марши.

Но они были гражданскими. Без оружия, без подготовки. Просто люди, которые хотели сохранить свои рабочие места. Их силы таяли с каждой минутой.

А снизу уже подтаскивали новые лестницы, на этот раз переносные. Да, они не доставали до третьего и четвёртого этажа, но на второй вполне позволяли залезть.

Штурмующие карабкались по ним быстро и ловко, как и полагается молодым парням. А молодых у вашего противника было в избытке.

Через час телецентр был взят.

○ Далее... — (104)

181

На трибуну поднимается последний оратор.

– Товарищи! – сказали вы. Голос звучал устало, но твёрдо. – Мы сегодня собрались здесь, чтобы показать, что мы за порядок. Но митинг – это только начало. Если мы хотим победить, мы должны быть не только на площади, но и на наших заводах, в наших институтах, в наших домах.

Толпа затихла.

– Я предлагаю: пусть каждый из вас, вернувшись на своё предприятие, создаст комитет поддержки ГКЧП. Не официальный, не партийный – просто группу людей, которые будут держать связь, обмениваться информацией, координировать действия. Пусть таких комитетов будет сто, двести, тысяча. Пусть они будут везде, где работают люди.

Слова падают на благодатную почву. Утром не только по району, а по всему городу создаются комитеты поддержки ГКЧП. Власть использует эту инициативу снизу и организует комитеты так, чтобы они сорвали забастовки в Москве.

○ Далее... — (202)

182

Казалось бы, газета «Правда», это оплот Партии, а значит ГКЧП, но почему-то вы все трое, не сговариваясь, замедлили шаг, стараясь ступать бесшумно. Вы шли впереди, а Поляков двигался следом, держа в руках папку с агитационными листами, которые предстояло «отксерить».

Неожиданно дверь открылась и из неё вышла женщина. Лет сорока, в строгом сером костюме и очках в металлической оправе, с папкой в руках. На её лице застыло выражение человека, который всё время куда-то опаздывает, но никогда не признаётся в этом даже себе. Возможно её папка говорит о том, что она что-то копировала.

Войдёте в эту дверь сами? Или же прямо спросите женщину, где стоит ксерокс?

☐ **Спросить, где ксерокс** — (23)

☐ **Войти в дверь** — (86)

183

– Плакаты – это хорошо, – медленно ответил Александр Александрович. – Но времени у нас... – он посмотрел на часы, старые, с потёртым циферблатом, – у нас три часа. Максимум. Успеем?

– Успеем, если будем их развешивать только в ключевых местах, – сказали вы. – Тем более развешивать могут только несколько человек, а остальные будут продолжать делать новые. Тогда у нас куда больше трёх часов...

...К назначенному времени всё готово и вы, захватив из райкома звуковую аппаратуру, едете к проходной завода.

 «ГКЧП» = 200

☐ **Далее...** — (197)

184

Ночью спалось тревожно. Снилось, как вы ехали на пожарной машине штурмовать Белый дом, но ничего не получилось, потому что машине простелили колёса, потом демократы погнались за вами, но вы добежали до роботов и спрятались за ними, а те включились и палками прогнали их обратно...

...Вы проснулись оттого, что где-то за стенкой соседка включила «Маяк» на всю мощность, и оттуда, сквозь шипение и помехи, вещали о «стабилизации обстановки». Тело немного ломило – сказался вчерашний день, полный беготни и нервов. Но сейчас не время было раскисать, ибо всё только начиналось.

В райком ехали на автобусе. Город просыпался, но как-то настороженно, будто прислушиваясь к самому себе. Совсем другая обстановка была в райкоме. Секретарь, оправившись от вчерашнего, действовал вполне осмысленно и сейчас деловито распределял, кому куда ехать.

Если отмечено «Служебная/Митинг у белого дома»: Вызовитесь агитировать за митинг на месте, около станции Авиамоторная? Или будете участвовать в его согласовании с органами власти?

 «1991: 08» = 20, «Ельцин» = 60000

- ☐ Если отмечено «Служебная/Митинг у белого дома»: **Работать у метро** — (217)
- ☐ Если отмечено «Служебная/Митинг у белого дома»: **Согласовывать митинг** — (118)
- ☐ Если отмечено «Служебная/Митинг на красной площади»: **Далее...** — (206)
- ☐ Если отмечено «Служебная/Митинг у моссоведа»: **Далее...** — (11)

185

Вы писали быстро, почти не глядя на бумагу. Рука двигалась автоматически, выводя одни и те же слова. Минута на лист. Несколько секунд на то, чтобы отложить готовый и взять следующий. Рядом так же торопливо работала женщина со значком и остальные.

 «ГКЧП» = 300

- ☐ **Далее...** — (215)

186

У завода «Радиоприбор» к семи часам вечера уже собралась приличная толпа. В основном рабочие, многие в промасленных куртках, с усталыми, но решительными лицами. Были и женщины с авоськами, и много пожилых. Как ни странно, на митинг пришло и много молодёжи. На трибуне стоял секретарь вашей парторганизации Юрий Поляков.

– Товарищи! – зазвучал из динамиков его голос. – Мы собрались здесь, чтобы поддержать ГКЧП! Чтобы сказать: мы не хотим развала страны! Мы за стабильность!

Толпа загудела одобрительно. Кто-то поднял флаг, кто-то выкрикнул лозунг. Но были и те кому выступление не понравилось. С задних рядов донеслись крики.

– Враньё!

– ГКЧП – заговорщики!

Это было странно, ибо вы своими глазами видели, что объявление призывало поддержать ГКЧП. Возможно, в других рукописных экземплярах этого уточнения не было, а может, это просто были провокаторы. В любом случае к ним подошли дружинники и уговорили уйти.

Митинг продолжался. Последний выступающий, к неожиданности слушателей, сказал, что прямо сейчас сторонники Ельцина начали свой митинг у Белого дома. После чего призвал собрать митинг на Красной Площади, дабы показать, кто в городе хозяин. После окончания митинга, вы вместе с остальными записались в агитаторы, чтобы призывать завтра идти всех на Красную площадь.

○ Далее... — (206)

187

Но когда проводить митинг? Можно сегодня в 20:30, но тогда вы не успеете расклеить достаточно объявлений. А даже если и успеете, будет уже поздно, и не все придут.

Можно назначить митинг на завтра в 10:00, тогда заведующий сектором обещает напечатать большой тираж, подключить другие райкомы, чтобы помогали расклеивать, оповестить предприятия, согласовать с милицией. В общем, всё будет сделано основательно, но время будет потеряно.

○ Сегодня, ✎ «ГКЧП» = 400 — (9)

○ Завтра, ✎ «ГКЧП» = 1500 — (65)

– Остаёмся здесь, – сказали вы. – Закрепляемся.

Поляков кивнул, и работа закипела.

Люди, ещё недавно растерянные, теперь знали, что делать. Они рассредоточились по зданию, занимали кабинеты, перекрывали коридоры. На входе выставили посты. Кто-то из ваших, бывший военный, взял на себя охрану.

Несколько сотен человек пошли на штурм управления энергетики. Через час телефон в кабинете Попова зазвонил. Объект был взят под контроль, а значит, свет в Белом доме будут отключать.

Поляков уже говорил по телефону с водоканалом. Голос его звучал жёстко, требовательно.

– Это Моссовет. Повторяю: мы берём управление городом на себя. Немедленно отключите Белый дом от водоснабжения. Это приказ.

На том конце, видимо, снова возражали. Поляков слушал, потом сказал:

– Попова нет. Исполком – под нашим контролем. Если не подчинитесь – будет как с энергетиками, позвоните им, если не верите.

Вскоре они перезвонили и сказали, что готовы сотрудничать. Московские связисты имели двойное подчинение, поэтому особо возражать не стали. К середине ночи в кабинете появился и сам Попов, и взволнованно заявил, что исполком и не думал идти против решений ГКЧП и готов лично отдать все нужные распоряжения.

Но утром, когда первые лучи солнца пробились сквозь шторы, всё изменилось. Поляков принял очередной звонок и встал, бледный, с перекошенным лицом.

– Только что из горкома передали, – сказал он. – ГКЧП приказал выводить технику из города. Штурма не будет.

– Как не будет? – вы не поверили своим ушам. – Мы же Моссовет взяли! Коммунальщиков подчинили!

– Неважно, – ответил Поляков. – Язов и Крючков не решились. Побоялись крови. Сейчас танки уже разворачиваются. Да и нам приказали вернуть здание Попову...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

Вы тут же подходите к толпе свистящих и говорите, что это партийный митинг, а их митинг находится совсем в другой стороне и показываете на уже уходящих людей. Таким нехитрым манёвром вы вскоре разгоняете большую часть недовольных, а остальные, видя, что им «нечего ловить» через некоторое время тоже к ним присоединяются. Вскоре вы уже идёте докладывать в «штаб» об удачном выполнении задания...

○ Далее... — (112)

190

И вы вступаете в неравный бой с ГКЧП. Помогли ли ваши действия или нет, неизвестно, но через три дня этот комитет проигрывает, произошедшее объявляется «путчем», и значительная часть руководства страны оказывается в тюрьме. В конце 1991 года СССР распадается, и его осколки, в том числе и Россия, начинают идти путём рыночных реформ. Всё это было бы даже может и хорошо, но в итоге ваши усилия никак не помогли открыть портал. Запоздало вы понимаете, что, похоже, надо было помогать другой стороне...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

191

Наконец лестница кончилась. Вы толкнули тяжёлый железный люк и оказались наверху. По вашим расчётам именно на этот этаж вы спустились на лифте, хотя после долгих хождений уже ни в чём нельзя было быть уверенным.

Но, по крайней мере шум из типографии стал заметно слышнее. И коридор уже был вполне светлым.

– Кажется, мы близко, – прошептал Поляков.

Но ваша радость была такой же короткой, как и сам коридор. На всех дверях висели таблички «Служебное помещение», «Электрощитовая», «Не входить». Поляков попробовал дёрнуть одну ручку, другую, но двери были закрыты.

В конце коридора вы увидели ещё одну лестницу. Она была почти копией предыдущей и, увы, уходила вниз.

С чувством обречённости вы спустились. Новый коридор встретил темнотой и холодом. Но идти куда-то всё равно было надо.

☐ **Налево** — (106)

☐ **Направо** — (121)

192

Вы покачали головой. Медленно, но решительно.

– Нет вопросов, – сказали вы. – Я просто посмотрю.

Длинноволосый посмотрел на вас с выражением, которое трудно было истолковать. Может быть, с уважением за то, что не лезете не в своё дело. Может быть, с лёгким разочарованием, что не поддержали игру. А может быть, просто с усталостью человека, который уже привык к тому, что посторонние ведут себя странно. Как бы то ни было, он передаёт право задать вопрос другому. Вскоре сеанс заканчивается, включается свет, а свечка задувается.

Вы поднялись. Подошли к одному из участников – молодому парню, который всё время молчал, только смотрел на блюдце широко раскрытыми глазами, как на чудо. Как ни странно, он не только ответил, где комната с ксероксом, но и согласился лично туда вас проводить. Вы мысленно похвалили себя за мудрое решение не задавать лишних вопросов и не вмешиваться в то, чего не понимаешь.

193

– Мы должны выступить, – сказал наконец Громов. – Вся страна должна услышать голос науки. Идея родилась быстро, но воплощать её пришлось несколько часов. Даже академикам не так легко было уговорить Гостелерадио.

Наконец, вечером 19 августа, когда программа «Время» уже готовилась к выходу в эфир, вам дали зелёный свет.

– Одна минута, – сказал режиссёр, провожая Коптюга в студию. – Ни секундой больше.

Коптюг вышел в кадр. Он стоял у микрофона в сером костюме, с аккуратно завязанным галстуком, и голос его звучал ровно, спокойно, как на лекции в университете.

– Дорогие соотечественники! – начал он. – Страна на краю пропасти. Многие из тех, кто пришёл к власти в республиках, не имеют ни опыта, ни воли сохранить нашу державу. ГКЧП – это единственная сила, которая может остановить развал. Я призываю вас: выйдите завтра на улицы! Покажите свою поддержку! Не дайте уничтожить страну, которую мы строили десятилетиями!

Он хотел сказать ещё что-то, но режиссёр махнул рукой, и камера выключилась.

– Всё, – сказал он. – Минута вышла.

Весь следующий день вы занимались подготовкой митинга у Белого дома. И митинг даже состоялся. Но не успел первый выступающий заговорить, как толпа сторонников Ельцина тут же побежала в его сторону, крича свои лозунги...

194

Медленно, стараясь не спугнуть вахтёршу, вы начинаете лезть назад в люк. Поляков внизу, уже догадывается, что наверху не всё хорошо, и повторяет ваше движение.

Однако вахтёрша, может и удивлена, но трудовых навыков не растеряла. Увидев, что нарушители пытаются уползти, она издаёт властный, режущий слух окрик:

– Стоять!

В этот раз на принятие решения есть не более секунды. Можно подчиниться, и всё-таки попытается объясниться с вахтёршей. Либо можно ускорится, закрыть люк и понадеется, что вас не будут искать.

195

Вы заходите в отдел к физикам. Профессор уже закончил свою речь и теперь стоял у окна и смотрел на улицу. Рядом с ним, переговариваясь вполголоса, собрались ещё трое немолодых научных работников. Остальные тоже разделились на группки. Похоже, решить, как поддержать ГКЧП, они не могли.

Профессор обернулся, будто почувствовав чужой взгляд. На секунду ваши глаза встретились. Он кивнул.

– А вы, какими судьбами? – сказал он, разглядывая вас с любопытством. Ещё не надумали на какую сторону встать?

Вопрос был прямым, почти грубым. Вы промолчали, но он и не ждал ответа.

– Молодёжь наша, – он кивнул в сторону первого отдела, – уже к Ельцину побежала. Думают, что сейчас им демократию дадут, свободу, сто сортов колбасы. А что на самом деле будет – не думают. А будет развал страны, нищета и гражданская война, как в Югославии. Вы Югославию видели?

Вы в целом были согласны с его логикой, но сейчас от вас требовались не сочувствие, а конструктивные предложения. В голову приходило несколько вариантов. Можно было позвонить Полякову в райком. Наверняка они уже придумали, как организовать народ. Можно предложить свою помощь Сорокину. Раз уж КГБ участвует в образовании ГКЧП, то, вполне возможно, им бы сейчас не помешали лишние помощники. Ещё вариант, использовать связи самого Громова. Наверняка же у него есть знакомые в академии наук, пусть они и решают.

- ☐ Позвонить в райком — (88)
- ☐ Пойти к Сорокину — (47)
- ☐ Связаться в Академией — (4)

196

Коридор сделал ещё несколько поворотов, один из которых был настолько узким, что в него пришлось протискиваться боком. Наконец впереди показалась старая деревянная лестница. Первой мыслью было подняться по ней, по крайней мере на верхнем этаже не придётся так петлять и протискиваться.

- ☐ Подняться — (72)
- ☐ Пойди дальше — (38)

197

И вот начинается выступление. Юрий Поляков берёт слово первым.

– Товарищи! В критическом положении сегодня находится наша страна, – начинает он описывать создавшееся положение. Вы, стоя неподалёку, смотрите в толпу. Значительная её часть сочувственно смотрит на агитатора, видно, как мысленно они признают справедливость его слов. С первых минут становится ясно, что оратор овладел аудиторией.

198

– Попробуем договориться, – сказали вы, кивая на здание Моссовета. – Должны же они понимать, какую мы силу привели.

Поляков с сомнением покачал головой, но спорить не стал.

Переговоры начались с получасового ожидания. Депутат Борщёв всячески настаивал на необходимости мирных переговоров и просил подождать мэра Гавриила Попова, который вот-вот уже должен был приехать.

Наконец он появился, протянул руку для рукопожатия и суетливо провёл делегацию в своё кабинет.

– Я понимаю ваши чувства. Но Моссовет – не враг народу.

– Тогда почему вы поддерживаете Ельцина? – спросил Поляков, садясь напротив.

– Я поддерживаю законность, – ответил Попов. – Исполком Моссовета – нейтральная сторона. Мы выполняем свои функции и не вмешиваемся в политические игры.

Переговоры длились долго. Вы спорили, убеждали, требовали. Попов слушал, кивал, иногда возражал, но в целом держался спокойно, как человек, который не боится давления.

Наконец, когда вы пригрозили, что толпа ворвётся в здание, он сдался.

– Хорошо, – сказал он, поднимая руки. – Я отдам распоряжение отключить в Белом доме свет и воду. И буду ждать дальнейших распоряжений ГКЧП. Но – с одним условием.

– Каким? – спросили вы.

– Вы выводите людей. И оставляете здание в покое.

Лобанов согласился, а вам с Поляковым оставалось только его поддержать.

Вы вышли на крыльцо Моссовета и поднялись на трибуну.

– Товарищи! – крикнули вы в микрофон. – Мы договорились! Моссовет прекращает поддержку Ельцина! В Белом доме отключены свет и вода! Они остались без связи!

Толпа взорвалась криками «ура!». Люди обнимались, бросали вверх шапки, плакали от облегчения. Митинг, казалось, удался.

Но приехав к Белому дому, вы поняли: это ничего не изменило.

ГКЧП так и не решился на штурм. Язов, Ахромеев, Крючков – все они сидели в своих кабинетах и ждали. Ждали чуда, ждали, что Ельцин сдастся сам. А Ельцин не сдался...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

Вам показалось, что прошла всего секунда, и тут же чья-то рука стала трясти вас за плечо.

– Подъём! – голос Полякова звучал тревожно, на грани срыва. – Вставайте скорее!

Неужели так быстро наступил новый день?

Вы сели, с трудом разлепляя глаза. Внутри палатки было темно.

– Который час? – спросили вы, нашаривая ботинки.

– Третий час ночи. К Белому дому идут новые войска. А наш городок у них на пути.

По Калининскому проспекту, освещённому луной и огнями города, действительно двигалась бронетехника. Танки, БТРы и прежде всего грузовики для пехоты.

– Сворачиваемся! – командовал полковник, и митингующие, уже проснувшиеся, забежали, складывая и оттаскивая палатки в сторону. Солдаты тоже помогали процессу как могли. Вскоре подкрепление уже было на площади.

Однако в лагере сторонников Ельцина активность тоже нарастала. Они преградили путь технике, размахивая флагами, палками и бутылками. В свете фар и уличных фонарей их лица казались злыми и решительными. Раздались крики:

– Не пропустим!

– ГКЧП – палачи!

– Свободу!

Один из БТРов уже горел – бутылка с зажигательной смесью угодила прямо в моторный отсек. Солдаты вылезли из люков и один из них в панике побежал прочь. Если его паника передастся остальным, техника вскоре отступит, оставив вас один на один с разъярёнными «демократами». Возможно, стоит направить людей в гущу событий и помочь бронетехнике? Или почините одну из баррикад, чтобы пехота помогла вам её защитить?

 «1991: 08» +1

☐ **В бой!** — (207)

☐ **Чинить баррикаду** — (172)

200

– Скажите, пожалуйста, где у вас находится ксерокс? – спросили вы прямо, стараясь, чтобы голос звучал ровно и деловито.

Девушка повернулась, и вы увидели её лицо. Капризное, с претензией на обиду, которую она сама себе только что придумала. Такое лицо вы уже не раз видели в НИИ у девушек, которым подолгу приходилось работать с матричными принтерами.

– А вы кто такие? – спросила она тоненьким, противным голоском. – Вы из какого отдела? У вас есть пропуск? Вы знаете, что посторонним здесь находиться запрещено?

Поляков открыл рот, чтобы что-то сказать, но девушка не стала ждать ответа. Она сделала то, чего вы никак не ожидали: открыла ящик стола, достала свисток и засвистела. Звук был абсолютно такой же, какой вы слышали на футбольных матчах, которые вы периодически смотрели с соседями по старенькой «Чайке». Интересно, неужели в таком кабинете нет нормального способа оповестить охрану?

Но вам было не до этого. Вы уже бежали, не разбирая дороги, только бы подальше от этого свиста, от этого кабинета, от этой женщины с накладными ресницами. К счастью, заблудиться тут было нельзя и вы быстро вбежали по лестнице на первый этаж, и стараясь не привлекать лишнего внимания, вышли из здания.

○ Далее... — (18)

201

Вы подошли к двери кладовой, взяли за ручку и потянули на себя.

Дверь не поддавалась. Вы потянули сильнее – и она неожиданно распахнулась, громко ударившись о стену. А следом раздался грохот – звонкий, drobный, как будто внутри разбилось не меньше десятка тарелок. Или чашек. Или целый сервиз, который копили здесь со времен Хрущёва.

– Что это было? – прошептал Поляков, замирая.

Вы не успели ответить – потому что в следующую секунду завыла сигнализация. Пронзительно, на одной высокой ноте, от которой закладывает уши и начинают звенеть стёкла. Казалось, этот звук заполнил всё здание – от подвала до чердака.

– Бежим! – крикнул инженер, дёргая за рукав.

Но бежать было поздно.

Из основного зала столовой, оттуда, где стояли столы и салфетницы, уже доносился топот; тяжёлый, ровный, как у бегущей строевым шагом роты. Через несколько секунд в проёме служебного входа показались трое охранников.

Вскоре вас уже рассадили по милицeйским машинам и увезли навстречу неизбежной расплате.

○ Далее... — (60)

202

Забастовок руководство боялось не зря. Вскоре они начались в Кузбассе, Воркуте, были готовы бастовать шахтёры Донбасса. В Москве же вы отлично выполняете свою задачу, и все попытки забастовок (а они были весьма робкими) удаётся подавить. Но, к сожалению, судьба ГКЧП решалась на улице, а там вы даже и не появились...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

203

Напоследок вы решили немного отдохнуть. Кто знает, куда вас забросит портал в следующий раз? Может быть, там не будет даже кровати, чтобы прилечь, особенно в первые дни. А может, там и вовсе не будет времени на отдых. Поэтому вы взяли небольшой отпуск и стали спать до обеда, гулять по осенней Москве, и даже один раз попили чай с баранками на кухне у Полякова, который всё-таки уговорил зайти в гости.

И на следующий день, когда ноги уже не дрожали, а мысли пришли в относительное спокойствие, вы спустились в знакомый люк, из которого вылезли весной.

Под землёй всё так же было сыро, темно и пахло ржавчиной. Время здесь, казалось, остановилось. Вы переоделись в более удобную одежду из Мира Корпораций, которую хранили в шкафу на всякий случай. Советскую одежду вы аккуратно положили в пакет и оставили лежать в трубе. Кто знает, может в нынешние времена дефицита, которые вашей милостью продлился на неопределённый срок, она может пригодиться ещё кому-то.

Сверясь с картой, вы дошли до того самого помещения. Машина непонятного назначения всё так же гудела, рычажки и циферблаты светились тусклым зелёным светом. Толстый железный трос уходил в стену, вибрируя от напряжения.

В углу висело светящееся марево портала. Вы подошли ближе. На этот раз силового поля, которое никого не подпускало к portalу, уже не было. Вы сели на стульчике около машины. «На дорожку», – сказал бы Поляков.

– Ну, – сказали вы самому себе, поднимаясь, – пора.

И шагнули вперёд.

Свет вспыхнул, обволок тело, на секунду стало трудно дышать. А потом вы увидели новый мир, который ждал на другой стороне.

 получено достижение «Портал»

204

– Давайте, – сказали вы, – на счёт «три».

Поляков кивнул, упёрся плечом в дверь, вы – рядом. Для инженера места уже не было, и он упёрся в вас.

После рывка дверь жалобно скрипнула, сдвинулась на пару сантиметров, потом ещё на несколько. И тут раздался грохот. Такой громкий, что, казалось, задрожали стены. Дверь распахнулась – неожиданно и резко. Вы влетели в комнату, едва удержав равновесие, и замерли.

Это был склад. Ещё один склад, который отличался от прочих только тем, что кто-то наставил в нём коробки прямо к двери. Которые вы так неосторожно свалили.

– Твою ж... – выдохнул Поляков, глядя на разгром.

А потом завывала сигнализация. Резко, пронзительно, на одной высокой ноте – такой, от которой закладывает уши и начинают звенеть стёкла в витринах. Вы хотели было бежать, но тут через другую дверь на склад вошла охрана, немного полюбовалась хаосом в помещении, а потом вывела вас из здания прямо к подъехавшей милицейской машине.

○ Далее... — (60)

205

– А что насчёт прессы? – спросил секретарь, немного неуверенно, как будто понял, что вы предложили ему не лучший вариант. – Если о митинге оповестят, то люди пойдут охотнее.

– Газеты, Александр Александрович, – сказал Лобанов медленно, будто объяснял ребёнку прописные истины, – печатаются ночью. Утренний номер уже ушёл в типографию в два часа ночи. В вечерние мы успеем дать объявление, но никак не статью. И вопрос, кто эти газеты прочитает.

– Телевидение, – продолжил заведующий сектором, и голос его стал ещё более усталым, – дело тонкое. Чтобы новость попала в программу «Время», нужно согласование на уровне не ниже Прокофьева. А Прокофьев, сами знаете, сейчас занят. Другими вопросами.

Он сделал паузу, зашуршал бумагами.

– Остаётся московский телеканал и радиостанции. И то, «Маяк» не гарантирую. В общем, – подвёл он черту, – сделаем, что сможем.

Вы взяли со стола листовку, свернули её вчетверо, сунули во внутренний карман пиджака. Спросили:

– Что дальше?

Секретарь посмотрел на вас, на часы, на карту, разложенную на столе.

– Дальше – к метро, – сказал он. – Помогать агитаторам.

✎ «А» = 20, умножить «ГКЧП» на «А»

○ Далее... — (77)

Как ни странно, демонстрацию удалось согласовать. Более того, ГКЧП наконец решился возглавить процесс и оповестил о митинге через СМИ. В итоге в 19:00 на Красную площадь пришло тысяч двадцать, а может быть больше.

Пригнали военные и машины – танки, БТР. На броню взобрались солдаты, кто-то из офицеров держал знамя, кто-то – портрет Ленина.

В разгар митинга на мавзолей поднялся маршал Язов.

Он говорил недолго. Голос его был глуховат, но твёрд. Сказал о том, что страна на краю пропасти. О том, что армия не допустит развала. О том, что порядок будет наведён.

Митинг показали по центральному телевидению – в программе «Время», после краткой сводки новостей. Вы сидели в райкоме, смотрели на экран и думали, что всё идёт правильно.

Но радость была недолгой.

Язов, казалось бы, так успешно выступив перед народом, так и не отдал приказ о штурме Белого Дома. Армия стояла на месте, а время шло и работало в пользу сторонников Верховного Совета. Через два дня ГКЧП объявил о самороспуске. Язов, Ахромеев, Крючков и другие члены комитета были арестованы, а Ельцин победил...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

– За мной! – крикнули вы, и сторонники ГКЧП, сжав кулаки, бросились вперёд.

Но их было слишком мало. Толпа, разгорячённая боем, даже не заметила вашего появления. Кто-то из ваших попытался пробиться к БТРам, но их оттеснили.

– Смотрите, ещё эти лезут! – услышали вы чей-то крик. – Бей их!

Бутылка, брошенная кем-то из темноты, разбилась почти у ваших ног. Молодого комсомольца поблизости от вас ударили палкой и повалили на землю.

– Отходим! – крикнул Поляков, хватая вас за рукав.

Бронетехника, видя, что прорваться не удаётся, начала отступать. Танки и БТРы, разворачиваясь, давили остатки собственных баррикад. Солдаты, высунувшись из люков, отстреливались, но хаотично, без команды.

Ваши люди, побитые, растерянные, бежали кто куда. Кто-то к зданиям, кто-то обратно к палаткам, кто-то просто в темноту, лишь бы подальше от этого ада...

ВЫ НЕ СМОГЛИ ОТКРЫТЬ ПОРТАЛ

208

– Нам нужно в наборный цех, – сказали вы, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

Охранники переглянулись. Средний, тот, что придвинул деньги к себе, поднял бровь.

– В наборный цех? – переспросил он, усмехаясь. – Это ж, режимный объект. Туда нужен отдельный пропуск. С печатью. И визой от КГБ. И обладатели такого пропуска, – он сделал паузу, – ни за что бы не заблудились в нашем подвале.

Он обвёл рукой комнату, стенд с лампочками, горку денег на столе.

– У вас есть такой пропуск? – спросил рыжий, наклоняясь вперёд.

Вы молчали.

– Нету, – сказал лысый, и это был не вопрос.

Охранники снова переглянулись. Средний вздохнул – тяжело, разочарованно, как человек, который надеялся на интересное продолжение.

– Ладно, – сказал он, махнув рукой. – Идите отсюда по добру по здорову.

Он кивнул рыжему.

– Проводишь их до выхода. Прямо до улицы. Чтобы не заблудились.

Рыжий встал, подхватил дубинку и жестом пригласил следовать за ним.

○ **Далее...** — (18)

209

На трибуну поднялся последний оратор.

– Товарищи! – сказал он без лишних предисловий. – Сегодня мы собрались здесь, на этой площади. Но завтра наши сторонники должны быть мобилизованы везде. По всему городу. В каждом районе, у каждой станции метро, у каждого завода!

Толпа, уставшая за день, притихла. Люди подняли головы, переглянулись. Кто-то кивнул, кто-то, наоборот, нахмурился – но никто не уходил.

– Я предлагаю: завтра утром отправить делегации в другие районы Москвы. В Сокольники, в Текстильщики, в Перово, в Чертаново. Рассказать людям, что здесь произошло. Объяснить, что мы не одни. Призвать их завтра выйти на большой митинг. Пусть весь город увидит, что сторонников порядка – сотни тысяч!

Вы стояли у трибуны, смотрели на людей – усталых, но воодушевлённых, и чувствовали, что вечер удался. Но когда митинг закончился, когда флаги свернули, а динамики замолкли, в штабе возник резонный вопрос, а где, собственно, проводить этот новый митинг. Хороших вариантов было, по сути, три.

○ **У Белого дома**, ✎ ✓ «Митинг у белого дома» — (153)

○ **На Красной площади**, ✎ ✓ «Митинг на красной площади» — (153)

○ **У здания Моссовета**, ✎ ✓ «Митинг у моссобета» — (153)

Первая встреча с диггерами началась, мягко говоря, неудачно. Трое парней в поношенных куртках, собравшихся в гараже, слушали вас с нарастающим скепсисом. Когда же вы заговорили о портале, один из них – самый молодой, с густыми бакенбардами – громко расхохотался.

– Портал, говоришь? – спросил он, вытирая выступившие слёзы. – Ты бы ещё про йети рассказал или про чёрного полковника.

– Не слушай его, – сказал второй, постарше, с нашивками «Спорт» на кожаной куртке. – Он у нас шутник. Но про порталы мы не знаем. Ты не к тем пришёл.

Вы уже хотели уйти, когда вспомнили одну деталь. Ту самую, которая не давала покоя ещё в том мире.

– А вот скажи, – сказали вы, оборачиваясь, – ты слышал про вампиров в коллекторах? Те, что не чёрные, а жёлтые?

Диггер в кожаной куртке перестал улыбаться и побледнел.

– Откуда ты знаешь? – спросил он тихо.

– Видел, – ответили вы.

Диггеры переглянулись. Потом старший заговорил, медленно, подбирая слова:

– Такая история ходила ещё в семидесятых. Два парня, Косой и Рулет, забрались в коллектор. Косой задержался и вскоре услышал крик Рулета. Потом он увидел его, окровавленного и говорящего про жёлтых вампиров. Дальше его чем-то укололи, и он очнулся в психбольнице, откуда его уже не выпустили. А Рулет-то ничего, и дальше под землю лазил. Только вот событий того дня совершенно не помнил. Сейчас эту историю молодым не рассказывают, а слова Рулета знают, и вообще, пару человек.

– Слушай, – повернулся он к вам, – я тебе верю. Сам я про портал ничего не знаю, но поспрашиваю. Дай несколько дней.

Прошла неделя ожиданий. Вы уже начали терять надежду, когда он появился снова – усталый, с тёмными кругами под глазами, но с картой в руках.

– Есть, – сказал он, разворачивая лист. – В центре есть зал со странной машиной. Так вот, в начале года наши там наткнулись на невидимую стену. А за ней – марево. Порталом не называли – думали, что это просто оптический обман. Но я подозреваю, это то, что ты ищешь. Потому что вскоре к ним нагрянули ГБшники и запретили спускаться в метро. Насовсем.

Вы поблагодарили диггера и взяли у него карту.

○ Далее... — (203)

Вы смотрели на людской поток и понимали, что даже сейчас агитаторов катастрофически мало, чтобы охватить всех.

А что, если попросить самих прохожих стать агитаторами?

Идея даже вам самим казалась наивной. За прошедшие годы большинство людей не приобрели привычку быть политически активными. Во всяком случае за пределами официальных мероприятий. Раньше может это и было хорошо для стабильности страны, но сейчас нужны были активные люди, а их было мало.

И всё-таки вы решили попробовать.

– Товарищи! – крикнули вы, и ваш голос прозвучал неожиданно громко среди утренней суеты. – Вы можете прямо сейчас решить судьбу страны! Становитесь в наши ряды будем вместе призывать пойти на митинг за ГКПЧ.

Несколько голов повернулось в вашу сторону. Кто-то ускорил шаг – подальше от сумасшедшего. Кто-то, наоборот, замедлился, разглядывая вас с любопытством.

Через час вам удалось так наберовать пятерых. К концу для ещё десять человек. Разных людей – молодых и пожилых, рабочих и студентов, мужчин и женщин. У кого-то были громкие голоса, кто-то говорил тихо, неуверенно, но говорил. Кто-то просто стоял с плакатом, но такие тоже были нужны. Вы позвонили по телефону-автомату в райком, чтобы другие агитаторы тоже переняли этот метод. Но мобильной связи в этом мире не было, и в целом оставалось только надеяться, что остальные группы тоже как-то до этого догадаются.

 «А» = 20, умножить «ГКЧП» на «А»

○ Далее... — (77)

Вы обзванивали воинские части одну за другой. В основном – отказы. Короткие, сухие, без объяснений. «Не положено», «без приказа», «до свидания». Иногда трубку вообще не брали. Иногда соединяли с каким-нибудь капитаном или майором, который вежливо, но твёрдо объяснял, что помочь не может.

Но затем случилось неожиданное.

– Соединяю, – сказал дежурный, и через минуту в трубке раздался новый голос. Глубокий, спокойный, с той неторопливой властью, какая бывает у людей, привыкших принимать решения.

– Генерал-майор Кравцов, – представился он. – Слушаю.

Вы выдохнули – и начали говорить.

Говорили долго. О людях, которые остались на площади. О том, что без палаток они разойдутся. О том, что завтрашний день может стать решающим. О том, что ГКЧП нужна любая помощь.

Генерал молчал. Вы уже думали – всё, отказ. Но он сказал:

– Хорошо. Я помогу.

Вы не поверили своим ушам.

– Но вы должны понимать, – продолжил Кравцов, и голос его стал жёстче, – по головке меня за это не погладят.

– Понимаю, – ответили вы. – Спасибо, товарищ генерал.

– Не благодарите, – отрезал он. И советую вместо громких слов делом доказать, что ваша затея не пустая.

– Докажем, – сказали вы. – Клянусь.

Генерал помолчал, потом вздохнул.

– Палатки пришлют через час. Ждите.

Связь оборвалась.

К одиннадцати часам вечера на площади вырос палаточный городок. В итоге удалось сохранить чуть больше двух тысяч человек – не ту внушительную силу, что была днём, но и не жалкую горстку.

Вы легли одним из последних. Спальный мешок пах пылью и бензином, брезент над головой колыхался от ветра. Где-то рядом переговаривались солдаты, где-то далеко, за баррикадами, всё ещё горели костры.

Вы заснули крепко, без снов, в надежде добыть силы для завтрашних боёв.

 «ГКЧП» = 2000, «Ельцин» = 20000

○ Далее... — (199)

213

Трубка молчала так долго, что все уже начали думать, что Лобанов отключился, или просто забыл про секретаря райкома, занятый своими, более важными делами. Но более опытный в таких делах Александр Александрович, казалось, сохранял спокойствие.

Наконец, голос заведующего сектором раздаётся снова. Он говорит, что обдумал сложившееся положение и считает, что горкому действительно следует помочь калининскому и другим райкомам. На этом Лобанов прощается и вешает трубку.

Вы же, сделав дело, идёте к метро «Авиамоторная» для того, чтобы помочь местной делегации. Теперь у входов на станцию стало заметно тише. Утренняя толпа уже схлынула, и в метро оставались только пенсионеры с авоськами, молодые мамы с колясками и студенты, которые шли видимо к третьей паре, а то вовсе прогуливали занятия.

Менее чем через час к вам подходит невысокий парень в синей спецовке с рюкзаком за спиной. Он вынимает из него два мегафона, протягивает вам и просит расписаться в ведомости. Один из мегафонов тут же берёт Поляков, а вы, не теряя времени, встаёте у другого входа...

...За полтора часа до намечаемого митинга агитационная группа сворачивается едет по направлению к станции «Смоленская».

 «А» = 30, умножить «ГКЧП» на «А»

○ Далее... — (77)

214

–И правда, чего мудрить, – подумали вы, – на собрании сидят партийцы от всех предприятий. Они и оповестят всех жителей района о митинге.

 «ГКЧП» = 2000

○ Далее... — (65)

215

Затем секретарь разбивает всех на группы и выделяет участки. Вам достаётся оклейка магазинов. Вы выходите на улицу, и солнце, пробивающееся сквозь низкие облака, кажется нестерпимо ярким после полумрака райкомовского кабинета.

Работа шла бойко, и не успевали вы отойти, как кто-то уже начинал читать расклеенные объявления, а то и комментировать их вслух. Особенно запомнился случай, когда у столба остановился пожилой мужчина в кепке, долго вглядывался в текст, а потом хрипло спросил:

– Это чей митинг-то? За кого?

Вы не успели ответить – молодой инженер, клеивший соседний столб, крикнул:

– За порядок! За Союз!

Мужчина хмыкнул, покачал головой и ушёл, ничего не сказав. Вы не придали этому значения. Тогда.

216

Вы предложили расклеить сообщения о митинге. Поляков задумался, потом кивнул.

– Дело говорите, – сказал он. – Можно сделать объявления. Короткие, по делу. И расклеить там, где люди бывают. У метро, у заводских проходных, у гастрономов.

Текст родился быстро. Вы сели прямо здесь, взяли лист бумаги, карандаш. Написали:

«ВНИМАНИЕ!

Сегодня, 19 августа, в 19:00, на площади около завода «Радиоприбор» в состоялся митинг в поддержку ГКЧП.

Пришли сотни москвичей.

Мы за порядок, за стабильность, за сохранение Союза!

Не будьте равнодушны!

Поддержите ГКЧП и вы!»

К счастью, на этот раз уже нашлась официальная типография, готовая ночью распечатать листовки. Утром 20 августа, они были готовы, и участники митинга начали их разбирать, чтобы расклеить по всей Москве.

Вы также подошли в это время к зданию райкома, чтобы координировать процесс расклейки. Процесс шёл бодро, однако к середине дня стало понятно, что это этого недостаточно. «Демократы» уже вовсю заняли позиции у Белого Дома и вам надо было срочно собирать митинг там же, чтобы хоть как-то перехватить инициативу...

 «А» = 10, умножить «ГКЧП» на «А», «Ельцин» = 60000, «1991: 08» = 20

○ Далее... — (77)

Станция метро «Авиамоторная» в утренний час походила на растревоженный муравейник. Потоки людей выплёскивались из вестибюля, растекались по тротуарам к автобусным остановкам и заводским проходным. Воздух уже пропитался бензиновым перегаром, запахом мокрой одежды и той особой утренней суетой, когда каждый спешит, но никто толком не знает куда и зачем.

Вы подошли к месту, где уже обосновалась ваша группа. Трое агитаторов стояли у самого входа, уступая дорогу пассажирам, но то и дело выкрикивая:

– Граждане! В семь вечера митинг у Белого дома! В поддержку ГКЧП, за порядок и стабильность! Не будьте равнодушны!

Вы развернули принесённый из райкома плакат и встали в строй. Через некоторое время к вам подходят ещё два молодых человека из райкома.

С одной стороны, агитация идёт неплохо. Кто-то замедляет шаг, кто-то подходит что-нибудь уточнить или задать вопросы. Вопросы были разные, порой неудобные, порой наивные. Вы отвечали, как умели – спокойно, толково, не вдаваясь в лишние детали.

Но проходит несколько часов, и возникает смутное ощущение, что делается ещё не всё, что можно было бы сделать. Агитаторы хоть и стараются, но их мало, и они устают. А где-то в городе, на других станциях, у других заводов, ваши товарищи, возможно, сталкиваются с тем же.

Что тут можно сделать? Пригласить проходящих людей помогать вам? Добыть мегафоны для агитаторов? Обратиться за помощью к другим райкомам, чтобы дали больше агитаторов? А может, попытаться привлечь к агитации работников метро?

- ☐ Пригласить прохожих — (211)
- ☐ Добыть мегафоны — (17)
- ☐ Обратиться к другим райкомам — (174)
- ☐ Привлечь работников метро — (168)